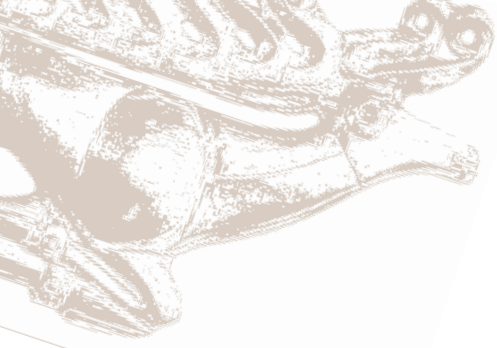
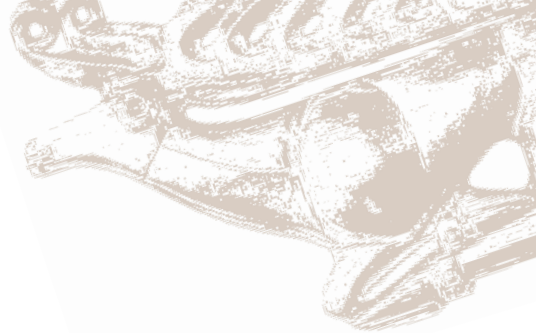

Vol. 9, No 2
2026

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2026-9-2

Information about the journal

The journal *Orientalistica* is an print peer-reviewed academic journal, covering a wide range of areas of Oriental studies.

The Journal is being published since 2018.

Form of distribution - print media, journal. Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):

PI No. FS77-72763 dated May 4, 2018.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:

ISSN 2618-7043 (Print),

ISSN 2687-0738 (Online).

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation

www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation

Tel.: +7(495)621-18-84 www.orientalistica.ru

www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Our Mission

The *Orientalistica* offers research papers on the classical period of history, philosophy and literature of the peoples of the East in Antiquity and the Middle Ages. The Editorial Board hopes that highlighting the most popular and important aspects of research in Eastern studies will foster the academic cooperation between the scholars in the Russian Federation and the worldwide research community.

The mission of the journal is to promote Asian and African studies by publishing high quality original articles, scholarly reviews, field research materials as well as introducing new hitherto unknown or little-known historical sources both in original languages and translations.

Compliance with the requirements of the Higher Attestation Commission

By order of December 25, 2020, No. 469-r of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ministry of Education and Science of Russia) and based on the corresponding decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia the Journal *Orientalistica* included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences (Ph. D., russ.: Kandidat nauk), for the degree of Doctor of Sciences (Dr. Sci., russ.: Doctor nauk), formed based on the recommendations of the expert councils of the Higher Attestation Commission, in scientific specialties and corresponding to them should be published branches of science*:

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES

- 5.6.1. History of Russia (History).
- 5.6.2. General history (History).
- 5.6.3. Archaeology (History).
- 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (History).
- 5.6.5. Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research (History).

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- 5.7.2. History of Philosophy (Philosophy).
- 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophy).
- 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (History).
- 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (Philosophy).
- 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (History).

PHILOLOGICAL SCIENCES

- 5.9.3. Theory of literature (Philology).
- 5.9.4. Folklore Studies (Philology).

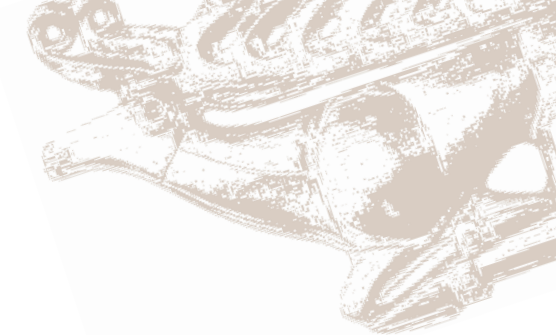
The *Orientalistica* Editorial board intends to make the presence of the Journal in the nomenclature of the Higher Attestation Commission scientific specialties List and invites authors of publications in scientific specialties and corresponding branches of science as follows:

- 5.6.6. History of Science (History).
- 5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (Philology).
- 5.9.2. Literatures of the peoples of the world (Philology).
- 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of the Russia (Philology).
- 5.9.6. Languages of the peoples of the World (Philology).

Note: *In accordance with the nomenclature of scientific specialties and their corresponding branches of science approved by order of February 24, 2021 No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Т. 9, № 2
2026

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2026-9-2

Информация об издании

«Ориенталистика» (*Orientalistica*) – печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2018 г. – ежеквартально.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):

ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:

ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
(ФГБун ИВ РАН).

Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва,
ул. Рождественка, д. 12. ● www.ivran.ru

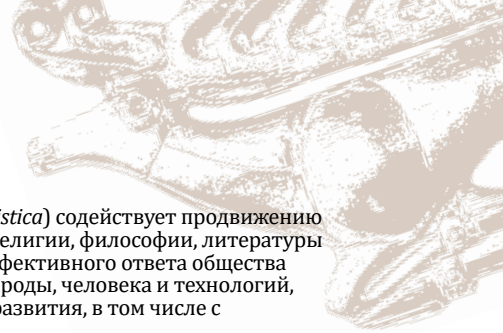
Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84

● www.orientalistica.su ● www.orientalistica.com

● orientalistica@ivran.ru

Миссия журнала

Научное рецензируемое издание «Ориенталистика» (*Orientalistica*) содействует продвижению результатов исследований классического периода истории, религии, философии, литературы и лингвистики народов Востока, направленных на поиски эффективного ответа общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук.

Мы убеждены, что уделение высокого внимания наиболее популярным и актуальным аспектам исследований в области востоковедения будет способствовать академическому сотрудничеству российских ученых с исследовательскими учреждениями в мире, особенно в изучаемых регионах.

Соответствие требованиям Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России

Распоряжением от 25 декабря 2020 г. № 469-р Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки*:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 5.6.1. Отечественная история (исторические).
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические).
- 5.6.3. Археология (исторические).
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические).

ФИЛОСОФИЯ

- 5.7.2. История философии (философские).
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские).
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические).
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские).
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (исторические).

ФИЛОЛОГИЯ

- 5.9.3. Теория литературы (филологические).
- 5.9.4. Фольклористика (филологические).

Редакция предполагает расширять присутствие журнала в номенклатуре научных специальностей Перечня Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России и приглашает к сотрудничеству авторов публикаций по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки).
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические).
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические).
- 5.9.3. Теория литературы (филологические).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические).

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 г.

CONTENTS

Вступительное слово к тематическому блоку

- Manyshev S. B.* After the Caucasian War: Brief Notes on the Post-Soviet Historiography of the Late Imperial Caucasus..... 199

HISTORY OF THE EAST

National History

- Mukhanov V. M.* Russian General Shamil: The Life and Military Career of Imam Shamil's Son Muhammad Shafi..... 217
- Abazov A. Kh.* Government discourse and practice of establishing the Terek Regional Court in 1864: some observations regarding the development of the judicial system in the Russian Caucasus in the late 19th century 235
- Talantov S. V.* Daghestani craftsmen and entrepreneurs in the Kuban region: from the history of weapons production in the late 19th — early 20th centuries 250
- Martirosyan D. G., Volkhonskiy M. A.* Grand Duke Nikolai Nikolaevich: the way to the Caucasus (May — September 1915).....271
- Polyanskaya E. E.* Hospital Ships of the Russian Red Cross Society on the Black Sea During the World War I292
- Manyshev S. B.* “...To propose a proper basis for the analysis of the most important archives of the Caucasian Viceroyalty” (Project for the Establishment of the Caucasian Archaeographic Commission by A. P. Nikolai, 1864).....305
- Ovsiannikov D. V.* Traditions of Russian Caucasian Studies in the Works of the Soviet Orientalist and Arabist Alexander Barabanov (1906–1941)....318

Historiography, source critical studies, historical research methods

- Bobrovnikov V. O.* Colonial Ethnography and Cultural Translation by Imperial Intermediaries: The First Ethnographic Study of Western Dagestan by ‘Abd al-Rahman al-Ghazi-Ghumuqi..... 332

PHILOLOGY OF THE EAST

Literature of the peoples of the world

- Shishova-Maretina K. A.* The Narrative of the Club Massacre in Hindu and Buddhist Traditions (Based on the Mausala Parva and the Ghaṭapaṇḍitajātaka).....356
- Smankulova Zh. A.* “HunminJeongeum”: Origins, Alphabet and the Four-Tones System.....374

PHILOSOPHY OF THE EAST

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

- Zhukowa L. E.* The Concept of Karma-Yoga in the Context of Reforming the Institution of Sannyasa (Based on Swami Vivekananda's Conversations with His Disciples).397
- Kreuzer S. A.* The magic square 108: the philosophy of number in Shaivism413

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово к тематическому блоку

- Манышев С. Б. После Кавказской войны: краткие заметки
о постсоветской историографии позднеимперского Кавказа..... 199

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

- Муханов В. М. Русский генерал Шамиль: Жизнь и воен-
ная карьера сына имама Шамиля Мухаммеда Шефи 217
- Абазов А. Х. Правительственный дискурс и практика учреждения
Терского областного суда в 1864 году: к вопросу о развитии судебной
системы на Кавказе в позднеимперский период 235
- Талантов С. В. Дагестанские ремесленники и предприниматели
в Кубанской области: из истории оружейного производства
в конце XIX — начале XX в. 250
- Мартиросян Д. Г., Волхонский М. А. Великий князь Николай
Николаевич: путь на Кавказ (май — сентябрь 1915 г.)..... 271
- Полянская Е. Е. Госпитальные суда Российского общества Красного
Креста на Черном море в годы Первой мировой войны..... 292
- Манышев С. Б. «...Положить правильное основание разбору
важнейших архивов Кавказского наместничества» (Проект создания
Кавказской археографической комиссии А. П. Николаи, 1864 г.)..... 305
- Овсянников Д. В. Традиции русского кавказоведения в трудах
советского востоковеда-арабиста Александра Барабанова
(1906–1941) 318

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Бобровников В. О. Колониальная этнография и культурный перевод
имперских посредников: первое этнографическое описание Западного
Дагестана 'Абд ар-Рахманом ал-Гази-Гумуки 332

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Литература народов мира

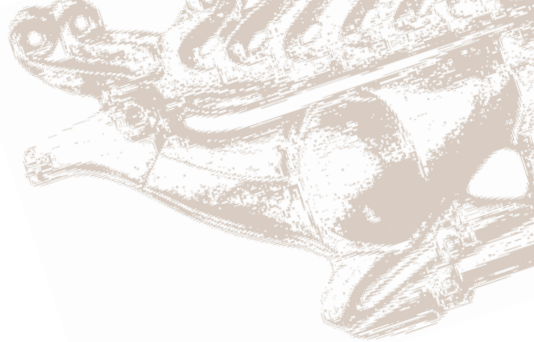
- Шишова-Маретина К. А. Сюжет о побоище палицами в индуистской
и буддийской традициях (по материалам «Маусалапарвы»
и «Гхатапандитаджатаки»)..... 356
- Сманкулова Ж. А. «Хунминчоным»: происхождение, алфавит
и система четырех тонов 374

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Философская антропология, философия культуры

- Жукова Л. Е. Идея карма-йоги в контексте реформирования института
санньясы (на основе бесед Свами Вивекананды с учениками) 397
- Кройцер С. А. Магический квадрат 108: философия числа в шиваизме 413

HISTORY OF THE EAST ИСТОРИЯ ВОСТОКА

- National History
Отечественная история
- Historiography, source critical studies,
historical research methods
Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Вступительное слово к тематическому блоку

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(470.6)“18/19”:930.1

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-199-216>

После Кавказской войны: краткие заметки о постсоветской историографии позднеимперского Кавказа

Сергей Борисович Манышев

Приглашенный редактор специального номера журнала,

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия, msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>*

Аннотация. Статья служит введением к специальному блоку из следующих за ней восьми статей, объединенных общей темой «Кавказ и поздняя империя». Позднеимперский период истории Кавказа характеризуется масштабными преобразованиями после завершения Кавказской войны 1864 г., когда регион был интегрирован в административную, экономическую и правовую систему Российской империи. В это время формировалась новая система управления с опорой на местные элиты, происходили социальные изменения, переселения и трансформация хозяйства. Экономический рост сопровождался развитием инфраструктуры и промышленности, особенно нефтедобычи. Этноконфессиональная политика сочетала контроль и элементы автономии. Несмотря на культурный подъем, период отличался противоречиями. Современная историография уделяет ему ограниченное внимание, хотя расширение источниковой базы и цифровизация открывают новые перспективы исследования.

Ключевые слова: Кавказ, историография, источниковедение, Российская империя, горцы

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-030).

Для цитирования: Манышев С. Б. После Кавказской войны: краткие заметки о постсоветской историографии позднеимперского Кавказа (вступитель-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Манышев С. Б., 2026
© Ориенталистика, 2026

ное слово к тематическому блоку). *Ориенталистика*. 2026;9(2):199–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-199-216>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-199-216>

After the Caucasian War: Brief Notes on the Post-Soviet Historiography of the Late Imperial Caucasus

Sergey B. Manyshev

Guest editor of the special issue, HSE-University, Moscow, Russia,
msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>

Abstract. The article is an introduction to a special section, which comprises eight subsequent articles united under the common theme “The Caucasus and the Late Empire”. The late imperial period in the history of the Caucasus is characterised by large-scale transformations which followed the end of the Caucasian War in 1864. Then the region was integrated into the administrative, economic, and legal system of the Russian Empire. During this time, a new system of governance emerged, relying on local elites. It was followed by social changes, migrations, and transformations of the economy. Economic growth was accompanied by the development of infrastructure and industry, especially oil production. Ethno-confessional policy combined control with elements of autonomy. Despite a cultural upsurge, the period was marked by contradictions. Modern historiography pays limited attention to this era, although the expansion of the source base and digitalisation open new research perspectives.

Keywords: Caucasus, historiography, source studies, Russian Empire, highlanders

Acknowledgments: This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-030) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Manyshev S. B. After the Caucasian War: Brief Notes on the Post-Soviet Historiography of the Late Imperial Caucasus (introductory remarks to the thematic block). *Orientalistica*. 2026;9(2):199–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-199-216>.

Позднеимперский период истории Кавказа стал временем глубоких политических, социально-экономических и культурных преобразований. Завершение Кавказской войны в 1864 г. ознаменовало окончательное установление власти Российской империи в регионе и переход от военной фазы освоения к административной и хозяйственной интеграции.

Одним из ключевых процессов данного периода стало формирование системы управления Кавказом. Регион находился под управлением наместника, обладавшего широкими полномочиями и совмещавшего военные и гражданские функции. Имперская администрация стремилась сочетать

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

централизованный контроль с элементами учета местной специфики, что выражалось в сохранении некоторых традиционных институтов и привлечении местных элит к управлению. Однако в целом курс был направлен на унификацию административных практик и включение Кавказа в общеимперское правовое пространство.

Существенные изменения произошли в социальной структуре региона. Отмена крепостного права в Российской империи и проведение реформ отразились и на Кавказе, хотя их реализация здесь имела свои особенности. Важным фактором стало переселение различных групп населения, включая русских крестьян, казаков и представителей других народов империи. Это приводило к изменению этнодемографического баланса, обострению земельного вопроса и трансформации традиционных форм хозяйствования.

Экономическое развитие Кавказа в позднеимперский период характеризовалось ускоренными темпами. Строительство железных дорог, развитие портов и транспортной инфраструктуры способствовали интеграции региона в общероссийский и мировой рынок. Особенно заметным было развитие промышленности, прежде всего нефтяной отрасли в Баку, который стал одним из крупнейших центров нефтедобычи. Наряду с этим развивались сельское хозяйство, виноделие и торговля. Однако экономический рост сопровождался социальным расслоением и зависимостью местной экономики от внешних рынков.

Этноконфессиональная политика Российской империи на Кавказе отличалась сложностью и неоднозначностью. Регион был населен многочисленными народами, исповадовавшими различные религии. Имперская власть проводила политику, направленную на укрепление своего влияния, включая поддержку православия и ограничение политической активности мусульманского духовенства. Вместе с тем в ряде случаев сохранялась определенная религиозная автономия, что позволяло избегать открытых конфликтов.

Культурная жизнь Кавказа в этот период характеризовалась активным взаимодействием различных традиций. Расширение системы образования, открытие школ и гимназий, развитие печати способствовали формированию новой интеллектуальной элиты. Представители народов Кавказа все активнее включались в общеимперское культурное пространство, одновременно сохраняя и развивая собственные национальные традиции. Города становились центрами общественной и политической активности, где формировалась многонациональная культурная среда.

В то же время позднеимперский период не был лишен противоречий и конфликтов. Усиление административного контроля, земельные споры, этнические и социальные противоречия нередко приводили к напряженности и локальным выступлениям. Эти процессы особенно обострились в начале XX в. на фоне революционных событий в Российской империи.

Тем не менее в современной отечественной историографии именно этому периоду в истории Кавказа отведено относительно небольшое место. С чем это связано? Имперские преобразования второй половины XIX — начала XX в. оказались в тени масштабных событий Кавказской войны, которая до сих пор остается одним из краеугольных камней исторической памяти

народов региона. Кроме того, они не очень хорошо вписываются в некоторые националистические дискурсы, которые пытаются представить политику империи исключительно как репрессивную, направленную на подавление любых этнических и религиозных особенностей народов Кавказа.

Здесь предпринята попытка кратко рассмотреть все то, что было сделано в постсоветский период в области изучения истории Кавказа позднеимперского периода.

Публикации источников

Публикация архивных источников играет ключевую роль в развитии историографии. Уже в конце XIX — начале XX в. предполагалось систематическое издание документов об этом периоде истории региона. Однако эти инициативы не вышли за рамки проектов — наиболее ярким примером здесь служит попытка публикации XIII тома «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» [Максимчик, 2013]. Советская историческая наука также не уделяла большого внимания введению в научный оборот документов по позднеимперской проблематике, хотя и были отдельные яркие издания, посвященные как Северному Кавказу, так и Закавказью [*Крестьянская реформа...*, 1947; *Документы по истории Грузии...*, 1954; *История Юго-Осетии...*, 1961; *Документы по истории Балкарии...*, 1962]. Но тематика «классовой борьбы» довлела и над источниковедением, что вылилось в огромное число однотипных изданий о революционном движении 1905–1907 гг. в различных регионах Кавказа [*Революционное движение в Дагестане...*, 1956; *Революционное движение в Юго-Осетии...*, 1958].

Активная цифровизация архивов, создание электронных баз данных и онлайн-доступ к документам значительно расширяют возможности исследователей, делая источники более доступными. В связи с этим существенно возрастает роль качественных научных публикаций документов. Особое внимание уделяется междисциплинарным подходам и включению в научный оборот источников личного происхождения — писем, дневников, воспоминаний, что позволяет реконструировать повседневную жизнь и взгляды различных социальных и этнических групп.

Применительно к Кавказу в постсоветское время опубликовано достаточно источников, в их числе есть и крупные документальные подборки, так и отдельные, небольшие тематические публикации, посвященные каким-то конкретным сюжетам.

Наибольший блок документов из российских федеральных и региональных архивов, а также некоторых архивохранилищ государств ближнего зарубежья посвящен проблемам поиска оптимальной модели управления Кавказом после окончания Кавказской войны. В опубликованных документах рассматриваются проблемы преобразований административных учреждений, создания судебных органов, внутренней организации кавказских обществ [*Между централизмом...*, 2014; *Документы по истории Абхазии...*, 2018], регулирования духовной жизни мусульман [*Императорская Россия...*, с. 119–137, 400–429; *Духовные правления...*, 2013]. В отдельных публикациях вводятся в научный оборот проекты административно-территориального

переустройства [Манышев, 2025], предполагавшихся судебных реформ [*Судебная реформа...*, 2025], христианизации кавказских горцев [*«Первейшая обязанность...»*, 2020], а также обзоры общего политического состояния края [*«Искать преимущественную опору...»*, 2021; Доклад Ф. А. Быкова..., 2025].

В связи со 100-летием начала Первой Мировой войны были подготовлены разнообразные документальные сборники. Составители одних из них сосредотачивались на военных действиях на Кавказском фронте [*Кавказский фронт...*, 2020] и участии представителей тех или иных народов Кавказа в войне [*Кабардинцы и балкарцы...*, 2014; *Терские казаки...*, 2017]. Другие же рассматривали особенности организации помощи фронту в Дагестанской области. Причем касались не только истории создания иррегулярных частей, но и благотворительности, которая развернулась здесь в связи с началом войны [Доного, Бахтанова, 2014].

Достаточно интенсивную публикаторскую работу проводят грузинские и абхазские историки. Первыми в рамках программы Совета Европы для замороженных, затянувшихся и постконфликтных регионов были подготовлены несколько политематических изданий, посвященных истории Абхазии в позднеимперский период на основе документов из архивов Грузии [*Архивные документы по истории Абхазии...* Т. I, 2023; *Архивные документы по истории Абхазии...* Т. II, 2023]. Абхазские историки один из томов «Материалов по истории Абхазии» также посвятили периоду 1860-х — 1870-х гг. [*Материалы по истории Абхазии...*, 2012].

Гораздо меньше внимания уделялось публикации источников личного происхождения. В первую очередь необходимо упомянуть частные письма врача Эмиля Штрауса периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые он отправлял своей жене из госпиталя в Зугдиди [Штраус, 2016]. В них мы находим большое число сведений о военной повседневности, которые часто ускользают от мемуаристов.

Яркую картину жизни Кавказа рисуют воспоминания русского чиновника — вице-директора канцелярии наместника в Тифлисе В. В. Стратонова [Стратонов, 2019, с. 369–686]. К ним напрямую примыкают характеристики высшего чиновничества начала XX в. данные в мемуарах полковника Н. А. Бигаева, служившего в этот период в Конвое его императорского величества наместника Кавказа [Бигаев, 2025, с. 66–127].

Несколько особняком стоит автобиографическое сочинение секретаря имама Шамиля Мухаммед-Тахира аль-Карахи [Мухаммадтаhir ал-Карахи, 2014]. В чем его необычность? В том, что мы можем сменить оптику и взглянуть на те процессы, которые происходили на Кавказе после окончания Кавказской войны, глазами горца.

Здесь необходимо отдать должное востоковедам, которые провели большую работу по публикации арабо- и тюркоязычных источников по истории Кавказа [Оразаев, 2003; Мусаев, 2020; Оразаев, 2022]. Среди прочих проблем здесь можно выделить события восстания 1877 г., нашедшие отражение как в крупных нарративных сочинениях Г. — Э. Алкадари «Диван ал-Мамнун» [Гасан Алкадари, 2020], так и в более компактных [Хайдарбек Геничутлинский, 1992, с. 108–114; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; Абдуррахман из Газикумуха,

2008]. К сожалению, большинство этих публикаций страдает теми же родовыми чертами, о которых писал В. О. Бобровников применительно к публикациям источников, посвященных Кавказской войне, — это отсутствие серьезных комментариев, купюры в русских переводах и качество самих переводов [Бобровников, 2024, с. 500].

Однако сам факт публикации архивных источников еще не гарантирует того, что они должным образом будут осмыслены в историографии. Здесь трудно не согласиться с видным кавказоведом Л. С. Гатаговой, которая пишет: «Большой массив опубликованных источников все еще ожидает вдумчивого анализа. Подобный анализ, безусловно, требует методологически корректного подхода, с учетом мотивов происхождения документов, их авторства и целей. Некритичное использование документов, к сожалению, свойственное некоторым исследователям, искажает процесс реконструкции исторического материала» [Гатагова, 2025, с. 146].

Уровни осмысления истории

Нужно сразу оговориться, что крупных работ, посвященных анализу имперской политики на Кавказе во второй половине XIX — начале XX в., в современной российской историографии почти нет. Среди массы исследований, которые претендуют на какие-либо обобщения, стоит выделить монографию Л. С. Гатаговой о конфликтном потенциале региона. Автор рассматривает регион как целостное пространство сложного и взаимосвязанного этнического и конфессионального взаимодействия, анализирует объективные факторы и субъективные причины, которые влияли на усиление напряженности в регионе.

К деятельности кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова обращалась Д. И. Исмаил-Заде. Автор последовательно рассматривает особенности восстановления института наместничества, а также политику в области этнического и конфессионального развития региона, борьбу с революционным движением, аграрную политику, взаимоотношения Иллариона Ивановича с центральной властью [Исмаил-Заде, 2005, с. 111–170].

Крайне интересны наблюдения Н. Ю. Силаева из его неопубликованной диссертации. Анализируя процесс интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи во второй половине XIX в., автор выделяет его ключевые особенности — сохранение административной и правовой обособленности, объясняющейся демографическими, экономическими и культурными факторами. Кроме того, достаточно слабыми оставались экономические связи между Кавказом и центральными районами России, что было обусловлено приоритетом стратегических интересов над хозяйственными. Существенную роль играли также этническая сегрегация населения и ограниченное вовлечение коренных народов в городскую и промышленную жизнь. Автор отмечает, что причины напряженности заключались как в разрушении традиционных экономических связей, так и в несовместимости правовых и политических культур. А к концу XIX в. интеграция оставалась незавершенной и поддерживалась преимущественно силовыми методами. В то же время на рубеже веков наметились позитивные изменения: развитие

транспортной инфраструктуры, рост сельского хозяйства и промышленности, а также расширение экономических контактов [Силаев, 2003].

Большое внимание в историографии уделяется выбору моделей управления регионом. В цикле статей М. А. Волхонского рассматриваются особенности реформ, проводившихся на Кавказе в последней четверти XIX в. [Волхонский, 2018; Волхонский, 2019; Волхонский, 2022]. В них анализируются вопросы реформирования системы военно-народного управления на Кавказе в 1880-е гг. в контексте общей административной перестройки региона после упразднения Кавказского наместничества в 1881 г. Рассматриваются предпосылки преобразований, связанные со стремлением Правительства Александра III к унификации управления окраинами, сокращению государственных расходов и усилению контроля над регионами. В связи с этим возникает дискуссия в правительственных кругах о целесообразности сохранения системы военно-народного управления. С привлечением архивных документов анализируются особенности проектов реформ, разработанных главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем А. М. Дондуковым-Корсаковым, который выступал за сохранение военно-народного управления как более эффективной формы взаимодействия с местным населением. Кроме того, предпринимались попытки проанализировать специфику судебной системы на Кавказе. А. Т. Урушадзе была показана ее неэффективность, так как она была основана на адате, коррупции и низкой квалификации судей [Урушадзе, 2019].

Одной из стержневых тем последних десятилетий стало изучение разнообразных культурных инициатив в регионе и особенностей институционализации кавказоведения как научной дисциплины [Колосовская, 2020; Матвеев, 2024]. Здесь пальма первенства принадлежит профессорам Северо-Кавказского федерального университета Т. А. Колосовской и Д. С. Ткаченко. Ими на основе широкого круга источников были изучены российские научные структуры, занимавшиеся исследованием Кавказа во второй половине XIX — начале XX в. [Колосовская, Ткаченко, 2025]. Одним из главных научных центров стал Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, основанный в Тифлисе. Он выступал важной площадкой для координации исследований региона, объединяя военных, чиновников и ученых. В его рамках проводились экспедиции, собирались этнографические, географические и статистические материалы, публиковались научные труды и отчеты. Не менее значимым учреждением стал Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Его создание было обусловлено необходимостью систематизации опыта Кавказской войны и осмысления военной истории региона. Отдел занимался сбором архивных документов, составлением описаний военных кампаний, подготовкой аналитических материалов и публикацией исследований, посвященных военной и политической истории Кавказа. Кроме того, важную роль играли статистические комитеты и канцелярии при местных администрациях, которые занимались сбором и обработкой данных о населении, хозяйстве и социально-экономическом состоянии края. Эти учреждения обеспечивали эмпирическую основу

для научных исследований, а также способствовали более глубокому пониманию региональной специфики.

Традиционно северокавказские историки не обходят вниманием события восстания 1877 г. [Мусаев, 2005; Исаев, 2012, с. 245–260]. Это восстание, получившее у местных историков название «короткого шариата», явилось результатом переплетения самых разнообразных причин. На самом деле местное население действительно было недовольно теми преобразованиями, которые проводила империя в крае: последовавшие за окончанием Кавказской войны массовое переселение с гор на равнину значительной части местного населения, введение новых налогов и повинностей не способствовали проявлениям лояльности к русской администрации со стороны горцев. Хотя некоторые историки, вопреки фактам, находят в этом событии элементы «освободительного восстания» [Гапуров, Бакашов, Саралиева, 2011, с. 140].

Бурный экономический рост региона, пришедший на конец XIX столетия, также нашел отражение в историографии. И сегодня можно говорить, что за последнюю четверть века историками основательно изучены различные городские центры Дагестанской и Терской областей, особенности управления ими, этнодемографическая структура [Канукова, 2001; Салихова, 2014; Далгат, 2015]. Города Северного Кавказа отличались от других городов империи рядом особенностей. На протяжении длительного времени в Кавказском наместничестве функции гражданской администрации фактически выполняли военные структуры. Именно военное ведомство обеспечивало политическую стабильность и контролировало практически все стороны жизни местного населения. Еще одной характерной чертой городов Кавказа была их тесная связь с сельской местностью.

Таковы в общих чертах основные тенденции развития современной историографии позднейимперского Кавказа. За рамками исследовательского интереса осталась «классовая борьба», приведшая к революции 1905–1907 гг., которой в советский период уделялось первостепенное значение. Все еще недостаточно изученными в монографическом плане остаются системы управления регионом и процесс принятия тех или иных решений в Петербурге. Мы мало знаем о внешнеполитических факторах, которые влияли на жизнь Кавказа. Прежде всего, речь идет об изучении Кавказского фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также последовавших событий, связанных с присоединением новых территории к империи. Почти не исследованы судьбы людей — лишь одному из кавказских наместников этого периода посвящено специальное исследование, не говоря уже о чиновниках рангом ниже.

Этот номер журнала, посвященный Кавказу в позднейимперскую эпоху, открывается статьей Вадима Муханова, в которой он продолжает свои исследования судьбы потомков имама Шамиля [Каширин, Муханов, 2024]. В этот раз автор обращается к биографии и военной карьере Мухаммеда Шефи, который, в отличие от своего старшего брата Джемал Эддина, чья жизнь сложилась трагически, сумел успешно интегрироваться в российское общество и построить карьеру в армии империи, дослужившись до генеральского чина. В. М. Муханов, рассматривая жизненный путь Мухаммеда Шефи, под-

робно описывает его военную карьеру: последовательные повышения, награды, командировки и участие в решении административных задач. Подчеркивается его привилегированное положение, включавшее значительное денежное содержание и частые отпуска, в том числе за границу. Но это отнюдь не лубочная картинка, к которой привык читатель в связи с биографией дагестанского имама и его детей, рисуемая дагестанскими историками. В статье также затрагиваются личные и финансовые трудности, с которыми сталкивался Мухаммед Шефи. Главное, что текст Вадима Муханова лишен домыслов и догадок, а построен исключительно на документах из РГВИА.

Статья Алексея Абазова посвящена, казалось бы, небольшому сюжету — учреждению суда в Терской области в 1864 г. В ней особое внимание уделяется специфике управления Центральным Кавказом, где создавались адаптивные судебно-административные структуры, сочетавшие принципы имперской политики с элементами местной соционормативной культуры, включая привлечение представителей кавказской элиты и назначение российских военных на ключевые должности. А. Х. Абазов акцентирует внимание на подготовительных этапах учреждения суда: обсуждении реформ в государственных структурах, разработке нормативно-правовой базы и согласовании решений между различными органами власти. В статье отмечается, что создание Терского областного суда происходило параллельно с судебной реформой 1864 г. в империи, что обусловило необходимость адаптации общих принципов реформы к региональным условиям Кавказа.

Чрезвычайный интерес представляет работа Сергея Талантова, основанная на материалах Пробирной палаты из РГИА и документах из Златоустовского городского архива. В ней исследуется процесс превращения дагестанских ремесленников-отходников в предпринимателей на территории Кубанской области. Новые экономические условия потребовали от мастеров переориентироваться на изготовление серебряных изделий и декоративную отделку оружия, что привело к поиску рынков сбыта за пределами Дагестана. Особую роль в формировании спроса сыграли Кубанское и Терское казачьи войска, где сохранялась традиция использования холодного оружия с кавказской отделкой. А развитие железнодорожной сети и сотрудничество со Златоустовской оружейной фабрикой способствовали расширению производства и торговли. Дагестанские мастера не только выполняли заказы, но и постепенно становились владельцами собственных мастерских и магазинов, интегрируясь в экономическое пространство региона.

Исследование Давида Мартиросяна и Михаила Волхонского посвящено истории всего Кавказского региона. Основываясь на архивных источниках и мемуарной литературе, авторы рассматривают небольшой временной промежуток, всего пять месяцев, в течение которых произошло назначение великого князя Николая Николаевича кавказским наместником. Особое внимание авторами уделяется фигуре графа И. И. Воронцова-Дашкова, чье длительное пребывание на посту сопровождалось высоким авторитетом, но к началу Первой мировой войны осложнилось тяжелой болезнью. Это привело к ослаблению управления Кавказским краем и армией, особенно в период Сарыкамышской операции, когда возникли кризисные ситуации и паниче-

ские настроения в тылу. Несмотря на успешный исход кампании, в столице усилилась критика в адрес наместника. Авторы также анализируют позицию различных политических и военных кругов, включая Совет министров, Ставку и военное министерство, где обсуждалась необходимость кадровых изменений. Важную роль играли внутривластные интриги, конфликты между высшими военными деятелями и стремление перераспределить влияние в верхах власти.

Статья Елизаветы Полянской, напротив, касается одного частного сюжета из истории военной медицины на Кавказском фронте Первой мировой войны. На основе документов из РГВИА автор рассматривает причины создания системы морской эвакуации раненых, особенности организации плавучих госпиталей, а также их роль в военно-медицинском обеспечении. Особое внимание уделено гибели судна «Португаль» и ее международному резонансу, выявившему противоречия между нормами гуманитарного права и практикой войны.

Я в своей статье публикую документ из фондов Центрального исторического архива Грузии — проект барона А. П. Николаи об учреждении в 1864 г. Кавказской археографической комиссии. Мной рассмотрены предпосылки ее учреждения, связанные с необходимостью интеграции Кавказа в административное и научное пространство империи, а также состояние местных архивов. В самом проекте проанализированы цели, задачи и принципы работы комиссии, включая отбор, публикацию и перевод документов на различных языках.

Владимиром Бобровниковым проведен источниковедческий анализ одной из глав арабоязычных сочинений дагестанского ученого Абурахмана Газикумухского. Автор предлагает рассматривать его как источник по ранней колониальной этнографии Кавказа, а самого Абурахмана — как имперского посредника, участвовавшего в культурном переводе и производстве этнографического знания в контексте деятельности Кавказского отдела Императорского русского географического общества. В. О. Бобровниковым проанализированы жанровые особенности, структура и эпистемология текста, сочетающего мемуарный характер с элементами опросной программы, и сделан вывод о переплетении шариатского и ориенталистского дискурсов и значении работы для изучения мусульманской агентности в имперском контексте.

Может показаться, что статья Дмитрия Овсянникова посвящена скорее советскому востоковедению, нежели Кавказу в имперский период. Однако стоит вспомнить, что именно благодаря трудам А. М. Барабанова уже на протяжении 85 лет кавказоведы имеют возможность обращаться к такому важному сочинению Мухаммедтахира аль-Карахи, как «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», которое было закончено в начале 1870-х гг. Особое внимание в статье уделено формированию А. М. Барабанова как ученого в контексте ленинградской школы востоковедения под руководством И. Ю. Крачковского. Детально проанализирована его работа с арабоязычными источниками по истории Кавказа, включая выявление рукописей в Дагестане и подготовку их критического перевода.

Статьи, составившие этот номер журнала, демонстрируют пестроту подходов в работе с литературой и особенности интерпретации источников. Конечно, они не могут закрыть всех существующих в современной историографии пробелов. Однако каждое из представленных исследований может стать своеобразной отправной точкой для изучения Кавказа в позднеимперский период.

Список сокращений / Abbreviations

- АН ЧР — Академия наук Чеченской Республики (Грозный) [Academy of Sciences of the Chechen Republic (Grozny)].
- ИГИ КБНЦ РАН — Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик) [Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik)].
- ИИАЭ ДНЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала) [Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala)].
- ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук (Москва) [Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)].
- КБИГИ — Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик) [Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research (Nalchik)].
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)].
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) [Russian State Historical Archive (St. Petersburg)].
- СКФУ — Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) [North-Caucasus Federal University (Stavropol)].
- СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет (Владикавказ) [North Ossetian State University (Vladikavkaz)].
- СОИГСИ ВНЦ РАН — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук (Владикавказ) [North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz)].

Список литературы / References

1. Абдурахман из Газикумуха. Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 г. Предисл., текст, пер., коммент. С. М. Гусейханова, М. А. Мусаева. *Дагестанский востоковедческий сборник*. Вып. 1. Отв. ред. и сост. М. А. Мусаев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. С. 52–65 [Abdurrahman of Gazikumukh. The Fall of Dagestan and Chechnya as a Result of Ottoman Incitement in 1877. Foreword, text, transl., comment. by

- S. M. Guseikhanov, M. A. Musaev. *Dagestani Oriental Studies Collection*. Issue 1. Ed. and comp. by M. A. Musaev. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 52–65 (in Russian)].
2. Айтберов Т. М., Дадаев Ю. У., Омаров Х. А. *Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Материалы*. Кн. I. Махачкала: [б. и.], 2001 [Aitberov T. M., Dadaev Yu. U., Omarov Kh. A. *The Uprising of the Dagestanis and Chechens in the Post-Shamil Era and the Imamate of 1877. Materials*. Book I. Makhachkala: [no publisher], 2001 (in Russian)].
3. *Архивные документы по истории Абхазии 1863–1881 гг.* Т. I: *О владетеле Абхазии*. Рук. проекта Б. Черкезишвили, А. Тания. [Б. м.]: Council of Europe, 2023 [Archival Documents on the History of Abkhazia, 1863–1881. Vol. I: *On the Ruler of Abkhazia*. Project leads B. Cherkezishvili, A. Tania [No place]: Council of Europe, 2023 (in Russian)].
4. *Архивные документы по истории Абхазии 1863–1881 гг.* Т. II: *Махаджирство*. Рук. проекта Б. Черкезишвили, А. Тания. [Б. м.]: Council of Europe, 2023 [Archival Documents on the History of Abkhazia, 1863–1881. Vol. II: *Muhajirism*. Project leads B. Cherkezishvili, A. Tania [No place]: Council of Europe, 2023 (in Russian)].
5. Бигаев Н. А. *Воспоминания*. Науч. ред. Р. Г. Гагкуев. М.: Центр «Наследие»; Кучково поле Музеон, 2025 [Bigaev N. A. *Memoirs*. Ed. by R. G. Gagkuev. Moscow: Center 'Nasledie'; Kuchkovo Pole Museon, 2025 (in Russian)].
6. Бобровников В. О. Восточные горские источники о Кавказской войне: важнейшие находки и публикации 1990-х — 2020-х гг. *Ориенталистика*. 2024. Т. 7. № 3. С. 492–510 [Bobrovnikov V. O. Eastern Highland Sources on the Caucasian War: Major Findings and Publications of the 1990s-2020s. *Orientalistika*. 2024;7(3):492–510 (in Russian)].
7. Волхонский М. А. «Ревизия» А. М. Дондукова-Корсакова Кавказского края в 1882 г. *Уральский исторический вестник*. 2019. № 2(63). С. 79–86 [Volkhonsky M. A. "Revision" of A. M. Dondukov-Korsakov's Caucasian Administration in 1882. *Ural Historical Journal*. 2019. No. 2(63), pp. 79–86 (in Russian)].
8. Волхонский М. А. Преобразование системы военно-народного управления на Кавказе при Александре III в 1882–1888 гг. *Уральский исторический вестник*. 2022. № 4(77). С. 178–187 [Volkhonsky M. A. Transformation of the Military-People Administration System in the Caucasus under Alexander III in 1882–1888. *Ural Historical Journal*. 2022. No. 4(77), pp. 178–187 (in Russian)].
9. Волхонский М. А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. *Российская история*. 2018. № 3. С. 171–189 [Volkhonsky M. A. The Abolition of the Viceroyalty in the Caucasus in 1881–1882. *Russian History*. 2018. No. 3, pp. 171–189 (in Russian)].
10. Гапуров Ш. А., Бакашов А. В., Саралиева Л. Ш. «...Дикой вольности любовь»: освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в. Грозный: АН ЧР, 2011 [Gapurov Sh. A., Bakashov A. V., Saralieva L. Sh. "...Love of Wild Freedom": The Liberation Movement in Chechnya in the 1860s — 1870s. Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, 2011 (in Russian)].

11. Гасан Алкадари. *Диван ал-Мамнун*. Перевод с араб. и коммент. И. Р. Насырова. М.: Наука; Восточная литература, 2020 [Hasan Alkadari. *Diwan al-Mamnun*. Translated from Arabic and commented by I. R. Nasyrov. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian)].
12. Гатагова Л. С. *Кавказоведческие исследования постсоветской эпохи: между «фольклорной историей» и научным осмыслением*. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив; ИРИ РАН, 2025 [Gatagova L. S. *Caucasus Studies in the Post-Soviet Era: Between "Folk History" and Scholarly Interpretation*. Moscow — St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; Institute of Russian History, RAS, 2025 (in Russian)].
13. Далгат Э. М. *Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в.* Махачкала: МавраевЪ, 2015 [Dalgat E. M. *The City and Urban Life in Dagestan in the Second Half of the 19th — Early 20th Century*. Makhachkala: Mavraev, 2015 (in Russian)].
14. Доклад Ф. А. Быкова «Национальный вопрос на Кавказе», 1906 г. Публ., введ., коммент. А. Т. Урушадзе. *Окраины России в позднимперскую эпоху: Политика правительства и национальные проекты. Сборник статей, документов и материалов*. Под ред. А. Т. Урушадзе. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 322–343 [Report by F. A. Bykov "The National Question in the Caucasus," 1906. Publ., intro., comment. by A. T. Urushadze. *The Peripheries of Russia in the Late Imperial Era: Government Policy and National Projects. Collection of Articles, Documents, and Materials*. Ed. by A. T. Urushadze. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2025, pp. 322–343 (in Russian)].
15. *Документы по истории Абхазии. XIX — начало XX века*. Рук. Г. Анчабадзе. Тбилиси: Cezanne Printing House, 2018 [*Documents on the History of Abkhazia. 19th — Early 20th Century*. Ed. by G. Anchabadze. Tbilisi: Cezanne Printing House, 2018 (in Russian)].
16. *Документы по истории Балкарии (конец XIX — начало XX в.)*. Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1962 [*Documents on the History of Balkaria (Late 19th — Early 20th Century)*. Comp. by E. O. Krikunova. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1962 (in Russian)].
17. *Документы по истории Грузии. Серия 2: 1862–1917. Т. I: Грузия в период Буржуазных реформ (1862–1872). Ч. 1: 1862–1866*. Под ред. Ш. К. Чхетия. Тбилиси: [б.и.], 1954 [*Documents on the History of Georgia. Series 2: 1862–1917. Vol. I: Georgia in the Period of Bourgeois Reforms (1862–1872). Part 1: 1862–1866*. Ed. by Sh. K. Chkheta. Tbilisi: [no publisher], 1954 (in Russian)].
18. Доного Х. М., Бахтанова З. Ш. *Дагестанцы — участник Первой мировой войны (1914–1918 гг.): 2-й Дагестанский конный полк*. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2014 [Donogo Kh. M., Bakhtanova Z. Sh. *Dagestanis in the First World War (1914–1918): The 2nd Dagestan Cavalry Regiment*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014 (in Russian)].
19. *Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX — начало XX в.)*. Сост., предисл., примеч. А. А. Ганич. М.: Марджани, 2013

- [*Religious Administrations of Muslims of Transcaucasia in the Russian Empire (19th — Early 20th Century)*. Comp. and annotated by A. A. Ganich. Moscow: Mardjani, 2013 (in Russian)].
20. *Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.). Сборник материалов*. Сост., вступ. ст., предисл., коммент. Д. Ю. Арапова. М.: Наталис, 2006 [*Imperial Russia and the Muslim World (Late 18th — Early 20th Century)*. Collection of Materials. Comp. by D. Yu. Arapov. Moscow: Natalis, 2006 (in Russian)].
 21. Исаев С. — А. А. *Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке*. Грозный: АН ЧР, 2012 [Isaev S. — A. A. *The Incorporation of Chechnya into Russia. Agrarian Policy of the Tsarist Government and Popular Movements in the Region in the 19th Century*. Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, 2012 (in Russian)].
 22. «Искать преимущественную опору в наиболее надежном элементе края». Всеподданнейшая записка главноначальствующего князя А. М. Дондукова-Корсакова «Очерк политического состояния Кавказа». Декабрь 1882 г. Публ. и коммент. М. А. Волхонского. *Кавказский сборник*. Т. 13(45). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 112–138 [“To Seek the Primary Support in the Most Reliable Element of the Region.” Most Humble Report of Chief Administrator Prince A. M. Dondukov-Korsakov “Outline of the Political Situation of the Caucasus.” December 1882. Publ. and comment. by M. A. Volkhonsky. *Kavkazskii sbornik*. Vol. 13(45). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Aspect Press, 2021, pp. 112–138 (in Russian)].
 23. Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник кавказский. М.: Центрполиграф, 2005 [Ismail-Zade D. I. Count I. I. Vorontsov-Dashkov: Viceroy of the Caucasus. Moscow: Centrpoligraf, 2005 (in Russian)].
 24. *История Юго-Осетии в документах и материалах*. Т. III: 1864–1900 гг. Сост. И. Н. Цховребов. Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1961 [*History of South Ossetia in Documents and Materials*. Vol. III: 1864–1900. Comp. by I. N. Tskhovrebov. Tskhinval: State Publishing House of South Ossetia, 1961 (in Russian)].
 25. *Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Сборник документов и материалов*. Сост., коммент. О. Л. Опрышко. Нальчик: КБИГИ, 2014 [*Kabardians and Balkars in the Kabardian Cavalry Regiment in the First World War 1914–1918*. Collection of Documents and Materials. Comp. and commented by O. L. Opryshko. Nalchik: KBIGI, 2014 (in Russian)].
 26. *Кавказский фронт Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Сборник документов*. Отв. ред. А. Н. Артизов. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020 [*The Caucasus Front of the First World War, 1914–1917: Collection of Documents*. Ed. by A. N. Artizov. Moscow: Fund “Connection of Epochs”, 2020 (in Russian)].
 27. Канукова З. В. *Старый Владикавказ: Историко-этнологическое исследование*. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001 [Kanukova Z. V. *Old Vladikavkaz: Historical and Ethnological Study*. Vladikavkaz: North Ossetian State University Press, 2001 (in Russian)].
 28. Каширин В. Б., Муханов В. М. Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России. *Ориенталистика*. 2024. Т. 7. № 3.

- C. 552–567 [Kashirin V. B., Mukhanov V. M. The Main Amanat of the Caucasian War: The Eldest Son of Imam Shamil in Russia. *Orientalistica*. 2024;7(3):552–567 (in Russian)].
29. Колосовская Т. А. *История Кавказского военно-исторического отдела в лицах*. Ставрополь: Печатный двор, 2020 [Kolosovskaya T. A. *History of the Caucasian Military Historical Department in Personalities*. Stavropol: Pechatny Dvor, 2020 (in Russian)].
30. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. *Российский ориентализм: взаимодействие власти и знания на Северном Кавказе в XIX — начале XX в.* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2025 [Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. *Russian Orientalism: Interaction of Power and Knowledge in the North Caucasus in the 19th — early 20th Century*. Stavropol: North Caucasus Federal University Press, 2025 (in Russian)].
31. *Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году*. Подг. к изд., введ., прим. Г. А. Кокиева. Нальчик: Кабгосиздат, 1947 [The Peasant Reform in Kabarda: Documents on the History of the Emancipation of Dependent Estates in Kabarda in 1867. Prepared by G. A. Kokiev. Nalchik: Kabgosizdat, 1947 (in Russian)].
32. Максимчик А. Н. Нереализованный проект начала XX в.: история подготовки к изданию XIII тома актов Кавказской археографической комиссии. *Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2013»*. Отв. ред. С. А. Котов. М.: РОССПЭН, 2013. С. 291–294 [Maximchik A. N. An Unrealized Project of the Early 20th Century: The Preparation History of Volume XIII of the Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. *Historical Documents and Current Problems of Archaeography, Source Studies, and Russian and World History of the Modern and Contemporary Periods. Abstracts of the Third International Conference of Young Scholars “Clio-2013”*. Ed. by S. A. Kotov. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 291–294 (in Russian)].
33. Манышев С. Б. «...Представляется целесообразным и необходимым сохранить Назрановский округ». (Из истории создания Назрановского округа Терской области). *Территория: Журнал исторических исследований*. 2025. Т. 1. № 3. С. 123–143 [Manyshev S. B. “...It Appears Expedient and Necessary to Preserve the Nazran District” (From the History of the Creation of the Nazran District of the Terek Region). *Territory: Journal of Historical Studies*. 2025. Vol. 1. No. 3, pp. 123–143 (in Russian)].
34. Матвеев О. В. *Подвижники терской старины*. Ставрополь: Печатный двор, 2024 [Matveev O. V. *Ascetics of Terek Antiquity*. Stavropol: Pechatny Dvor, 2024 (in Russian)].
35. *Материалы по истории Абхазии XIX века. Сборник документальных материалов*. Т. 3: (1863–1874). Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: [б. и.], 2012 [Materials on the History of Abkhazia in the 19th Century. Vol. 3: 1863–1874. Comp. by A. E. Kuprava, S. Sh. Salakaia, A. F. Avidzba. Sukhumi: [w. p.], 2012 (in Russian)].

36. *Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX — начале XX в.: Сборник документов.* Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобикидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и PCO-A, 2014 [*Between Centralism and Regionalism: Administrative Transformations in the Central Caucasus in the 1870s — Early 20th Century: Collection of Documents.* Comp. by E. I. Kobikhidze. Vladikavkaz: Publishing Center of SOIGSI, 2014 (in Russian)].
37. Мусаев М. А. *Дагестанские арабоязычные биографические сочинения второй половины XIX — начала XX в.: Хрестоматия.* Махачкала: АЛЕФ, 2020. [Musayev M. A. *Dagestani Arabic-Language Biographical Works of the Late 19th — Early 20th Century: Reader.* Makhachkala: ALEF, 2020 (in Russian)].
38. Мусаев М. А. *Мусульманское духовенство 60–70-х годов XIX века и восстание 1877 года в Дагестане.* Махачкала: ДНЦ РАН, 2005 [Musayev M. A. *The Muslim Clergy of the 1860s-1870s and the 1877 Uprising in Dagestan.* Makhachkala: Publishing House of the DSC RAS, 2005 (in Russian)].
39. Мухаммадтаhir ал-Карахи. *Книга о значимости стремления улучшить свои деяния по мере сил.* Пер. с араб. и коммент. Р. С. Абдулмажидова, Д. М. Маламагомедова, М. Г. Шейхмагомедова. М.: Наука; Восточная литература, 2014 [Muhammad Tahir al-Karahi. *The Book on the Importance of Striving to Improve One's Deeds According to One's Ability.* Transl. from Arabic and commented by R. S. Abdumajidov, D. M. Malamagomedov, M. G. Sheikmagomedov. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2014 (in Russian)].
40. Оразаев Г. М. — Р. *Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII — нач. XX в. (тексты, комментарии).* Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2003 [Orzaev G. M. — R. *Historical Works of Dagestan in Turkic Languages (17th — Early 20th Century): Texts and Commentaries.* Book 1. Makhachkala: Epokha, 2003 (in Russian)].
41. Оразаев Г. М. — Р. *Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, переводы и комментарии).* Кн. 2. Махачкала: [б. и.], 2022 [Orzaev G. M. — R. *Historical Works of Dagestan in Turkic Languages: Texts, Translations and Commentaries.* Book 2. Makhachkala: [w. p.], 2022 (in Russian)].
42. «Первейшая обязанность общества в течение двадцатилетнего периода времени остается невыполненной...». Деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе с 1860 по 1885 г. Публ. и коммент. М. А. Волхонского. *Кавказский сборник.* Т. 12(44). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 134–163 [“The Foremost Duty of Society During the Twenty-Year Period Remains Unfulfilled...” Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus from 1860 to 1885. Publ. and comment. by M. A. Volkhonsky. *Kavkazskii sbornik.* Vol. 12(44). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Aspect Press, 2020, pp. 134–163 (in Russian)].
43. *Революционное движение в Дагестане в 1905–1907 годы. Сборник документов и материалов.* Сост. А. С. Гаджиев, В. Н. Ганзуров, Г. — А. Д. Даниялов и др. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1956. [*Revolutionary*

- Movement in Dagestan in 1905–1907: Collection of Documents and Materials*. Comp. by A. S. Gadzhiev et al. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1956 (in Russian)].
44. *Революционное движение в Юго-Осетии (1905–1907 годы). Документы и материалы*. Сост. И. Н. Цховребов. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1958 [*Revolutionary Movement in South Ossetia (1905–1907): Documents and Materials*. Comp. by I. N. Tskhovrebov. Stalinir: State Publishing House of South Ossetia, 1958 (in Russian)].
45. Салихова Л. Б. *Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX — начале XX века*. Махачкала: АЛЕФ, 2014 [Salikhova L. B. *Urban Self-Government in Dagestan in the Second Half of the 19th — Early 20th Century*. Makhachkala: ALEF, 2014 (in Russian)].
46. Силаев Н. Ю. *Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. М.: [б. и.], 2003 [Silaev N. Yu. *The North Caucasus within Russia in the Second Half of the 19th Century: Demographic, Economic, Administrative-Legal Aspects of Integration: PhD Thesis Abstract*. Moscow: [w. p.], 2003 (in Russian)].
47. Стратонов В. В. *По волнам жизни*. Т. I. Подг. текста В. Л. Гениса и К. В. Иванова. М.: Новое литературное обозрение, 2019 [Stratonov V. V. *On the Waves of Life*. Vol. I. Ed. by V. L. Genis and K. V. Ivanov. Moscow: New Literary Observer, 2019 (in Russian)].
48. Судебная реформа на Кавказе в публичной сфере Российской империи, 1910 г. Публ., введ., коммент. А. Т. Урушадзе. *Окраины России в поздней имперской эпоху: политика правительства и национальные проекты. Сборник статей, документов и материалов*. Под ред. А. Т. Урушадзе. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 188–204 [Judicial Reform in the Caucasus in the Public Sphere of the Russian Empire, 1910. Publ., intro., comment. by A. T. Urushadze. *The Peripheries of Russia in the Late Imperial Era: Government Policy and National Projects. Collection of Articles, Documents, and Materials*. Ed. by A. T. Urushadze. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2025, pp. 188–204 (in Russian)].
49. *Терские казаки в войнах России в конце XIX — начале XX века. Сборник документов и материалов*. Сост. О. Л. Опрышко. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. [Terek Cossacks in Russia's Wars in the Late 19th — Early 20th Century: Collection of Documents and Materials. Comp. by O. L. Opryshko. Nalchik: Institute of Humanities, Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, 2017 (in Russian)].
50. Урушадзе А. Т. «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н. М. Рейнке. *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 4. С. 914–927 [Urushadze A. T. "Imaginary Justice": Highland Oral Courts and the Problem of Judicial-Administrative Reform of the Caucasus Region in the Materials of the N. M. Reinke Inspection. *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No. 4, pp. 914–927 (in Russian)].
51. Хайдарбек Геничутлинский. *Историко-биографические и исторические очерки. (Уммахан Аварский, имам Газимухмад. Имам Хамзат, имам*

Шамиль, восстание в Дагестане и Чечне 1877 г. и т. д.). Перевод с араб. Т. М. Айтберова. Махачкала: [б. и.], 1992. [Khaidarbek Genichutlinsky. *Historical and Biographical Essays. (Umakhan of Avar, Imam Gazimhammad, Imam Hamzat, Imam Shamil, the Uprising in Dagestan and Chechnya of 1877, etc.)*. Translated from Arabic by T. M. Aitberov. Makhachkala: [w. p.], 1992 (in Russian)].

52. Штраус Э. *Моя дорогая Фанничка! Письма немецкого доктора Э. Штрауса супруге Ф. Визель из военного госпиталя в Зугдиди. Русско-турецкая война 1877–1888*. Предисл., коммент., послесл., ред. М. П. Бакунина. М.: Кучково поле, 2016 [Strauss E. *My Dear Fannichka! Letters of the German Doctor E. Strauss to His Wife F. Wiesel from the Military Hospital in Zugdidi. Russo-Turkish War 1877–1888*. Ed. by M. P. Bakunina. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016 (in Russian)].

Информация об авторе

Манышев Сергей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; принята к публикации 10.06.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergey B. Manyshev — Ph. D (Hist.), Researcher, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia; msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 03.04.2026; accepted for publication 10.06.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(470.6):929

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-217-234>

Русский генерал Шамиль: Жизнь и военная карьера сына имама Шамиля Мухаммеда Шефи

Вадим Михайлович Муханов

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия,
vadim_muhanov@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-7771-8350>*

Аннотация. Статья посвящена жизни и военной карьере Мухаммеда Шефи — сына имама Шамиля, одного из ключевых деятелей Кавказской войны XIX в. Автор рассматривает биографию Мухаммеда Шефи как важный пример интеграции представителей северокавказской элиты в социально-политическую систему Российской империи после завершения Кавказской войны. Особое внимание уделяется обстоятельствам поступления сына Шамиля на службу в Императорский конвой в 1861 г., его продвижению по служебной лестнице, а также особенностям материального обеспечения, служебных обязанностей и отпусков. На основе архивных документов анализируются отношения Мухаммеда Шефи с российскими властями, его финансовое положение, а также его поездки по России и за границу. В статье затрагиваются семейная жизнь Мухаммеда Шефи, его браки, потомки и их роль в последующей истории России и Кавказа. Биография Мухаммеда Шефи демонстрирует сложный и многогранный характер отношений между Российской империей и элитами Северного Кавказа во второй половине XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, Мухаммед Шефи, Российская империя, Императорский конвой, военная служба

Для цитирования: Муханов В. М. Русский генерал Шамиль: Жизнь и военная карьера сына имама Шамиля Мухаммеда Шефи. *Ориенталистика*. 2026;9(2):217–234. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-217-234>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Муханов В. М., 2026
© Ориенталистика, 2026

Russian General Shamil: The Life and Military Career of Imam Shamil's Son Muhammad Shafi

Vadim M. Mukhanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vadim_muhanov@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-7771-8350>

Abstract. The article examines the life and military career of Muhammad Shafi, the son of Imam Shamil, one of the key figures of the nineteenth-century Caucasian War. The author analyses Muhammad Shafi's biography as an important example of how the representatives of the North Caucasian elite integrated into the socio-political system of the Russian Empire after the end of the Caucasian War. Attention is paid to the circumstances of Shamil's son entering service in the Imperial Convoy in 1861, his advancement through the ranks, as well as the specifics of his material support, service duties, and leaves of absence. Drawing on archival documents, the author analyses Muhammad Shafi's relations with the Russian authorities, his financial situation, and his travels across Russia and abroad. The article also addresses Muhammad Shafi's family life, his marriages, his descendants, and their role in the subsequent history of Russia and the Caucasus. The biography of Muhammad Shafi demonstrates the complex and multifaceted character of relations between the Russian Empire and the elites of the North Caucasus in the second half of the nineteenth and the early twentieth centuries.

Keywords: Caucasian War, Imam Shamil, Muhammad Shafi, Russian Empire, Imperial Convoy, military service

For citation: Mukhanov V. M. Russian General Shamil: The Life and Military Career of Imam Shamil's Son Muhammad Shafi. *Orientalistica*. 2026;9(2):217–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-217-234>.

Исследователи, занимающиеся изучением Кавказской войны и всей истории Северного Кавказа XIX столетия, в большинстве своем обращают внимание на государственных и военных деятелей первого ряда, будь то А. П. Ермолов или М. С. Воронцов, Н. Н. Муравьев или А. И. Барятинский, наиб Аварии Хаджи-Мурат или чеченский лидер Бейбулат Таймиев. Впереди других стоит монументальная фигура третьего имама Дагестана и Чечни Шамиля, с чьим именем связано военное противостояние с Россией на протяжении четверти века. Однако он, помимо всего прочего, являлся и главой большого семейства, которое тоже участвовало в Кавказской войне и сопровождало его после пленения в 1859 г. и до кончины в Медине. Жизненные и карьерные траектории потомков

Шамиля весьма ценны как для истории Кавказа, так и всей России, и представляют бесспорный исследовательский интерес.

Трагическая судьба первенца Шамиля — Джемал Эддина, заслуженно называемого «главным аманатом Кавказской войны», известна и привлекает периодически внимание далеко не только профессионального исторического сообщества. Мной совместно с известным военным историком В. Б. Кашириным были разобраны сюжеты из короткой военной карьеры Джемал Эддина в России [Каширин, Муханов, 2024].

Напомним, что два сына Шамиля — Джемал Эддин и Мухаммед Шефи — оказались связаны с русской армией, и если тяжелые реалии Кавказской войны фактически поставили крест на дальнейшей жизни и деятельности первого, то младший сын Шамиля сделал добротную военную карьеру, закончив жизнь в начале XX в. в генеральном чине. Рассмотрение биографии и военной деятельности Мухаммеда Шефи Шамиля помогает оценить и процесс интеграции и инкорпорации членов семьи имама и его потомков в социокультурное пространство Российской империи.

Мухаммед Шефи (илл. 1) — младший сын имама Шамиля и Патимат, наиболее известной его жены, дочери целителя из Унцукуля — Абдул-Азиза, родился в 1840 г.¹ Нам очень мало известно о ранних годах его жизни². Он получил традиционное для Дагестана конфессиональное образование, обучаясь сначала в Дарго, а затем проживая вместе со своим учителем Мухаммадом из Кази-Кумуха в селении Харахи [*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа...*, 1959, с. 420; Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 132]. М. Н. Чичагова впоследствии описывала момент знакомства Мухаммеда Шефи со своей первой женой Аминат, дочерью одного из наибов. По ее словам, «женитьба его несколько оригинальна; юношей был он в гостях у чохского наиба Энькау-Хаджио... Во время беседы с Шафи Магометом Энькау кликнул свою дочь, бывшую в соседней комнате. Веселая 18-летняя Амминат распевала песенки не подозревая, что у отца сидит гость; она выбежала к отцу без чадры, столкнулась лицом к лицу с красивым молодым человеком, вскрикнула, закрыла лицо руками и выбежала из комнаты при громком смехе старика-отца. Шафи Магомет тоже сконфузился; шутка Энькау разыгралась свадьбой» [Чичагова, 1990, с. 151–152].

По просьбе жителей Андалала Мухаммед Шефи был назначен к ним наибом. Но в силу его неопытности в качестве помощника и наставника к нему был приставлен старик Чанка-Али из Гарани [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 146]. Характеризуя этого сына имама, современники сходились во мнении, что он был «юн и неопытен», «не имел никакой власти, постоянно делал

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1028. Л. 41. Приводимая в статье дата основана на материалах послужных списков Мухаммеда Шефи. Имеется сообщение Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, согласно которому сын имама родился 20 числа месяца раджаба 1255 г. по Хиджре, что соответствует 20 сентября 1839 г. [*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...*, 1941, с. 120].

² Краткий эпизод о раннем детстве приводит Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Однако он мало что дает для характеристики жизни Мухаммеда Шефи [*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...*, 1941, с. 187–188].

Илл. 1. Имам Шамиль с сыновьями Гази-Мухаммедом и Магомедом-Шефи. Национальный музей Республики Дагестан им. А. А. Тахо-Годи. КМД КП-16822

Fig. 1. Imam Shamil with his sons Gazi-Muhammad and Magomed-Shefi. A. A. Taho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan. KMD KP-16822

скандалы и волочился; однако в нем было одно хорошее качество — это щедрость» [Гаджи-Али, 1873, с. 69–70; ср.: Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 146].

В 1858 г. Мухаммед Шефи вместе со своей семьей поселился в ауле Гуниб, в обороне которого принимал участие спустя год [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 164]. Впоследствии Абдурахман Газикумухский вспоминал: «Сын имама Газимухаммед со своим братом Мухаммедшафи укрепился в домах на окраине селения, и с ними было несколько мюридов из Караты. Сражение постепенно усиливалось, пока не разгорелось пекло. На нас посыпался град пуль со всех сторон, сверху и снизу, так что мы не могли перейти улицы селения, и не было прохода к кому-либо из нас» [Абдурахман ал-Газикумуки, 2002, с. 78].

После пленения Шамиля и его поездки в Петербург Мухаммед Шефи оставался в Темир-Хан-Шуре вместе с другими членами семьи [Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи..., 1941, с. 279]. Здесь, как писал Абдурахман Газикумухский, «русские оказывали нам такой почет и уважение, что даже и рассказать невозможно» [Абдурахман ал-Газикумуки, 2002, с. 91]. В конце 1859 г., когда имам обустроился в Калуге, Мухаммед Шефи вместе со всей семьей совершил путешествие в указанный город, где и поселился с отцом [О назначении Шамилю пенсии..., 2008, с. 255–257, 260; 100 писем Шамиля, 1997, с. 231].

Годичное пребывание в Калуге не прибавило позитива активному юноше. Совместное проживание с семьей отца, старшим братом и мужьями сестер, вкупе с интересным окружающим миром, увиденным любознательным Мухаммедом Шефи, тяготило молодого человека³. Пример его старшего брата Джемал Эддина был у него перед глазами. Вероятно, и имам хотел пристроить своего младшего сына, в отличие от Гази Мухаммеда, который находился при нем в качестве помощника. Тем более, что последний не выражал никакого желания заниматься какими-то дополнительными делами или поступить на действительную службу [Дегоев, 2001, с. 291].

В феврале 1861 г. имам Шамиль «обратился с просьбой об определении сына его Мухаммеда Шефи на службу в Собственный Его Императорского Величества конвой», на что «последовало уже предварительное высочайшее соизволение»⁴. Бюрократическая машина завертелась и стала выяснять необходимые для этого дела детали. Инспекторский департамент Военного министерства озабочился составлением всеподданнейшего доклада и запросил заключение от Управления иррегулярных войск и лично от командира Конвоя генерал-майора свиты Д. И. Скобелева. Министерских бюрократов интересовали базовые сведения для зачисления сына имама в конвой: «1. В какую из 4-х команд, составляющих конвой, должен быть определен Шеффи; 2. Сколько в оном полагается офицеров, есть вакансии или нет; 3. Были ли примеры назначения в Конвой офицеров сверх комплекта, и в таком случае испрашивалось ли на содержание их особое ассигнование сумм; и 4. Какое

³ Удивление относительно того, что он видел в России, Мухаммед Шефи отразил в письме к своему тестю [Козубский, 1896, с. 122].

⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 739. Л. 4.

содержание должно быть производимо Мухаммеду Шеффи на службе в конвое»⁵. Фактически цитируемое выше отношение Инспекторского департамента Военного министерства от 24 февраля 1861 г. стало отправной точкой в деле определения третьего сына Шамиля на русскую военную службу, в императорский Конвой.

В ответ на запрос последовал рапорт генерала Д. И. Скобелева на имя управляющего делами императорской Главной квартиры генерал-адъютанта графа А. В. Адлерберга, где он дал подробную информацию о текущей ситуации в Конвое и размере содержания его офицеров в чине корнета. В частности, из документа мы узнаем, что в Лейб-гвардии Кавказском эскадроне состояло «офицеров сверх комплекта — 3; именно во взводах: в 3-м (лезгин) — один, и в 4-м (мусульман) — два... Если Мухамед Шеффи будет определен на службу в конвой, то должен зачислиться по исповедованию им веры во 2-й (горцев), или 3-й взвод (лезгин)». Довольствие же офицеров эскадрона в чине корнета составляло 1226 рублей 65 копеек серебром: жалование — 631 рубль 65 копеек, квартирных — 171 рубль 60 копеек, столовых — 313 рублей 90 копеек, продовольственных на двух денщиков — 109 рублей 50 копеек. Кроме того, согласно справочным ценам, выделялись и фуражные средства на двух верховых и двух подъемных лошадей⁶.

Граф А. В. Адлерберг, в свою очередь, суммировав полученную от командира Конвоя информацию, отправил специальное отношение в Управление иррегулярных войск. В итоге, высочайшим приказом 8 апреля 1861 г. сын Шамиля Мухаммед Шефи был зачислен на службу в Кавказский эскадрон в чине корнета⁷.

Интенсивная переписка ускорила и поиск решения, куда непосредственно зачислить новоиспеченного корнета. 11 апреля в результате Всеподданнейшего доклада военного министра Н. О. Сухозанета, базировавшегося на известной просьбе Шамиля, поддержанной ходатайством главнокомандующего Кавказской армией князем А. И. Барятинским⁸, было получено высочайшее соизволение «определенного 8 сего апреля корнетом в Л[ейб]-гв[ардии] Кавказский эскадрон Собственного Его Величества Конвоя, Мухамеда-Шефи-Шамиля-Оглы, зачислить во 2-й взвод (горцев)», о чем управляющий Императорской квартирой незамедлительно проинформировал командира конвоя⁹. Военный министр также уведомил А. В. Адлерберга, что прогонные деньги для удобства корнету Мухаммеду Шефи выдадут еще в Калуге¹⁰.

Дело об определении сына Шамиля на службу в императорский Конвой логично завершилось прибытием последнего к месту службы. Командир лаконично доложил об этом в Императорскую квартиру: «...Корнет Мухамед Шефи Шамиль Оглы, 28 числа апреля в Конвой прибыл и зачислен во 2-й взвод

⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 739. Л. 4–4об.

⁶ Там же. Л. 2об.–3.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 9об.

горцев»¹¹. Одновременно в Военное министерство была отправлена справка об этом событии и выдаче новому офицеру на обмундирование определенных по штату денег — 311 рублей серебром¹².

Таким образом, эпопея с зачислением сына Шамиля в Конвой завершилась достаточно быстро, на всю переписку, подготовку доклада императору и последующие решения ушло чуть более двух месяцев: поднятый зимой 1861 г. имамом вопрос об определении Мухаммеда Шефи на военную службу завершился уже к маю. Скорость решения только подчеркивает неординарность вопроса и заинтересованность в его скорейшем разрешении как петербургских, так и кавказских высших чиновников. Стоит учитывать, что дела семьи Шамиля курировал и кавказский наместник князь А. И. Барятинский, находившийся в те годы в зените славы и в статусе доверенного лица императора. Он отлично понимал важность скорейшей интеграции семьи бывшего имама в российское привилегированное общество и — тем более — в русскую армию.

Необходимо признать, что Мухаммед Шефи сделал хорошую карьеру в Императорском конвое, дослужившись за два с небольшим десятилетия до генеральского чина. Движение вверх было поступательным и без задержек: в августе 1864 г. он получил чин поручика, еще через два года — штабс-ротмистра. В августе 1868 г. «за отлично-усердную службу» сын Шамиля награжден орденом Святой Анны 3-й степени¹³.

Летом 1868 г. Мухаммед Шефи был отправлен на Кавказ для отбора молодых людей в Кавказский эскадрон¹⁴. Согласно послужному списку, он находился в этой командировке почти год, с середины лета 1868 г. до начала осени 1869 г.¹⁵ Отметим, что менее чем через 10 лет после пленения имама его сын стал получать задания, которые позволяли ему посещать Кавказ в официальном качестве.

Денежное содержание Мухаммеда Шефи на военной службе можно оценить как привилегированное, особенно по сравнению с его старшим братом Джемал Эддином [Каширин, Муханов, 2024, с. 284]. Помимо базового офицерского содержания, куда входили непосредственно офицерское жалованье, продовольственные и денщицкие деньги, а также квартирные и добавочные (всего свыше 2000 рублей ежегодно)¹⁶, Мухаммед Шефи получал еще и негласное денежное пособие, как и его старший брат Гази Мухаммед. В первой половине 1860-х гг. подобные пособия выделялись из ежегодной пенсии, назначенной имаму Шамилю в размере в 15 тысяч рублей¹⁷. Мухаммед Шефи в собственной докладной записке отмечал, что «отец мой назначил мне из всемиловейше пожалованного ему пенсионна, в пособие к отпускаемому мне от казны содержанию, по 2000 рублей в год, которые я и получил в первый

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 10–10об.

¹³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1028. Л. 41об.

¹⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 12. Д. 103. Л. 1.

¹⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1028. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 41.

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 4, 4об.

год моей службы. Но на следующий год я получил только 1500 руб[лей], а в 1864 г. — 1200 р[ублей]»¹⁸. С конца 1860-х гг. это пособие стало выделяться напрямую из казны и перестало быть негласным, ежегодная выплата составляла 600 рублей¹⁹.

К середине 1860-х гг. финансовая поддержка со стороны отца прекратилась, и Мухаммед Шефи влез в долги. Это привело к интересному прецеденту: сын имама вынужден был обратиться за помощью к вышестоящему начальству, то есть к управляющему Императорской квартирой А. В. Адлербергу. В особой докладной записке, поданной в декабре 1869 г., штабс-ротмистр Шамиль писал: «...Проживая в Петербурге, в течении пяти лет на средства, отпускаемые от казны, и считая для себя не возможным огорчить отца заявлением о своих материальных нуждах, я вынужден был для содержания своего прилично звания, войти в долги, цифра которых, вследствие усиленных моих стараний, хотя до сих пор невелика, но с течением времени, без поддержки со стороны моего отца, должна будет по необходимости увеличиться до таких размеров, которые к душевному моему прискорбию уничтожат всякую для меня возможность выплатиться»²⁰. В результате обращения Мухаммед Шефи просит оказать ему содействие в переговорах с отцом о регулярном выделении из его ежегодной пенсии какой-либо суммы для погашения долгов²¹.

А. В. Адлерберг тут же обратился к военному министру Д. А. Милютину. Шамиль в этот год как раз получил разрешение на выезд из России для поездки в хадж, куда и отбыл с частью семьи. Военный министр, хорошо знакомый с имамом, отнесся к просьбе Мухаммеда Шефи скептически, считая неудобным и неправильным забирать какую-либо часть из пенсии и, тем более, выпрашивать у него согласие на подобный дележ. В ответном письме графу А. В. Адлербергу от 7 января 1870 г. он заверял, что напишет послание Шамилю, однако, заметил: «По моему мнению, едва ли можно ожидать успеха от этого сношения и, во всяком случае, Мухамед Шефи не может ожидать скорой и решительной помощи от отца»²². В свою очередь, Д. А. Милютин предложил начальнику Императорской квартиры организовать денежную помощь от императора (что в сложившейся ситуации казалось гораздо проще, чем запрашивать ответа от Шамиля в Османской империи)²³. Кроме того, военный министр опасался обидеть престарелого имама, докучая ему столь тривиальным вопросом.

Но Д. А. Милютин поручил канцелярии «заготовить письмо к Шамилю, сколь можно в самых безобидных для него выражениях, как бы в виде

¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

¹⁹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1019. Л. 2; РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1054. Л. 5.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–2об.

²¹ Там же. Л. 3. «Я принимаю смелость почтительнейше просить содействия Вашего сиятельства о назначении мне в ежегодное пособие из пенсии отца моего по его усмотрению какой-либо суммы, которая доставляла бы мне возможность выплачивать сделанные мною долги хотя понемногу, но постоянными взносами», — писал Мухаммед Шефи в обращении. — РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2об.–3.

²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 8–8об.

²³ Там же. 8об.

вопроса»²⁴. 7 января 1870 г. этот документ был написан и отправлен для перевода на арабский язык в Азиатский департамент Министерства иностранных дел²⁵. Через неделю перевод был препровожден в Военное министерство²⁶, а уже во второй половине января письмо направили в российское посольство в Константинополе²⁷.

Здесь Д. А. Милютин обращает внимание имама на финансовую неустроенность его сына и просит оказать ему поддержку в случае возможности²⁸. В частности, военный министр писал, что «сын Ваш штабс-ротмистр Мухамед-Шефи нуждается в средствах к приличному содержанию себя. Хотя он и получает от казны содержания около 2000 рублей ежегодно, но средства эти оказываются недостаточными по чрезвычайной дороговизне в Петербурге и при тех необходимых расходах, которые требуются по положению его в почетной службе на виду у государя императора и в том кругу, в котором он поставлен служебным положением»²⁹. В результате Шамиль в мае 1870 г. вынужден был посылать в Петербург письмо со своим решением³⁰ и высылать сыну 30 турецких лир³¹ (через первого драгомана в посольстве в Константинополе, генерал-майора Д. Н. Богуславского)³².

В начале 1871 г. имам скончался, и вопрос больше не поднимался. Тем более, что с начала 1870-х гг. Мухаммеду Шефи стало выделяться правительством ежегодное дополнительное пособие в размере 1000 рублей³³.

Одновременно с решением финансового вопроса Мухаммед-Шефи попросил убрать из его фамилии приставку «оглы», которую записали на «татарский манер» при определении на военную службу. В январе 1870 г. Мухаммед Шефи обратился «по команде с просьбой об исключении из его фамилии слова «оглы», так как прилагательное слово это, по-русски означающее «сын», в обществе, в котором родился и вырос его отец, не употребляется»³⁴. Императорская Главная квартира обратилась в Главное управление иррегулярных войск, которое, в свою очередь, препроводило данное ходатайство в Штаб Кавказского военного округа для решения этого вопроса

²⁴ Там же. Л. 6об.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 12–12об.

²⁹ Там же. Л. 12.

³⁰ Там же. Л. 15–15об.

³¹ По грубому подсчету, одна лира в 1870-е гг. стоила примерно 23–24 франка (курс обмена на рубли был 4 франка на 1 рубль); соответственно, 1 турецкая лира была эквивалентна 6 рублям, следовательно, выделенные имамом Шамилем 30 лир — это примерно 180 рублей.

³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 17.

³³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1093 (1871); Д. 1124 (1872–1873); Д. 1186 (1874); Д. 1213 (1875); Д. 1276 (1876).

³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

главнокомандующем Кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем³⁵.

Вскоре из Тифлиса пришел специальный рапорт, где давался четкий ответ на запрос: «...Командующий Кавказскою армиею поручил мне довести до сведения Главного управления, что к удовлетворению этой просьбы, по его мнению, не должно встретиться препятствий, тем более, что тюркское слово “оглы”, означающее по-русски сын, не правильно прилагается к фамилии детей Шамиля, который происходит из аварского племени, в языке коего это слово не употребительно. При этом генерал-адъютант князь Святополк-Мирский высказал мнение, что так как слово “Шамиль” означает имя, а не фамилию, то детям Шамиля соответственнее всего было бы присвоить фамилию “Шамилев”, подобно тому, как в большинстве горских племен Кубанской и Терской областей принято уже и теперь фамилии тех лиц, кои не имеют родовых фамилий, обозначать именем отца и присовокуплением русского окончания “ов” или “ев”, и как имеется в виду подобным же образом составленные обозначения фамилий ввести в употребление между горцами остальных частей здешнего края, находящихся в военном управлении»³⁶.

Получив ответ из столицы Кавказского наместничества, Главное управление иррегулярных войск составило отдельный доклад «относительно изменения фамилии штабс-ротмистра Шафи-Шамиля-Оглы», который за подписью начальника Управления генерала от инфантерии Н. И. Карлгофа был направлен 24 июля 1870 г. военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину³⁷. Последний во время всеподданнейшего доклада испросил высочайшее соизволение «на исключение из фамилии штабс-ротмистра Магомед-Шафи-Шамиля — слова “оглы” и именование его “Шамилев”»³⁸ и получил разрешение императора Александра II. В результате на докладе Главного управления иррегулярных войск появилась короткая запись за подписью Д. А. Милютина: «Высочайше повелено исполнить как испрашивается»³⁹.

Таким образом, в течение полугода вопрос о фамилии был закрыт, хотя для его решения потребовалось участие высших чиновников империи, включая военного министра, который вынужден был беспокоить по столь незначительной проблеме императора. Заметим, однако, что данный вариант фамилии не прижился, а потомки Мухаммеда Шефи носили и продолжают носить фамилию «Шамиль».

В 1870-е гг. Мухаммед Шефи продолжил движение вверх по «Табели о рангах»: в августе 1871 г. он получил чин ротмистра (и в том же году — в свое командование 3-й взвод Кавказского эскадрона), а через 5 лет с формулировкой «за отличие по службе» произведен в полковники⁴⁰. На Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. сын Шамиля не попал, так как император не отпустил его

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Л. 3–3об.

³⁷ Там же. Л. 6–6об.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 18об.

в действующую армию, а, наоборот, осенью 1877 г. он был отчислен от Конвоя «с прикомандированием к Главному управлению иррегулярных войск, с правом носить мундир 2 взвода (горцев) и с сохранением получаемого в Конвое содержания»⁴¹.

* * *

Помимо денежного содержания, представляет интерес и вопрос отпусков Мухаммеда Шефи за период военной службы. Последний, согласно его послужному списку, регулярно получал длительные отпуска, которые ему периодически продлевали в случае необходимости. Они были разной продолжительности, от одного месяца и до года. Всего за период службы он получил разрешения на отпуск 12 раз и воспользовался ими.

Первый отпуск Мухаммеду Шефи предоставили уже через три месяца после зачисления в конвой: официальное разрешение на двухмесячный отпуск «по домашним обстоятельствам» в Калугу (т. е. к отцу и семье) он получил 22 июля 1861 г., а воспользовался им в период с 10 августа по 18 октября⁴².

В следующем году Мухаммед Шефи получил отпуск сроком на один месяц «для сопровождения тела умершей в Калуге невестки» на родину (имеется в виду Каримат, умершая жена его старшего брата Гази-Мухаммеда) и уехал туда 15 мая⁴³. Ему пришлось выполнять вдвойне тяжелую миссию, так как тогда же в Петербурге от чахотки скончалась его жена Аминат, и он должен был отвозить в Дагестан и ее тело. Вероятно, по этой причине поездка на Кавказ затянулась, что заставило командование продлить ему срок отпуска — на 4 месяца — до середины октября. В послужном списке скупно зафиксировано, что из отпуска он вернулся 16 октября 1862 г.⁴⁴

В мае 1864 г., на фоне завершения Кавказской войны, Мухаммед Шефи отпущен в полугодовой отпуск на Кавказ⁴⁵. Показательно, что он с легкостью и без задержек получает высочайшее соизволение на продление отпуска еще на 6 месяцев⁴⁶. Это демонстрирует крайне лояльное отношение к нему императора и его окружения.

В 1866 г. Мухаммед Шефи трижды ездил в Калугу для встреч с семьей. Причем, третий его приезд в город, состоявшийся в августе, представляется наиболее важным как для него самого, так и для всей семьи. В послужном списке указано весьма лаконично: «С разрешения высшего начальства уволен в 14-дневный отпуск в гор[од] Калугу по случаю принятия присяги на верно-подданичество отца его с семейством государю императору, наследникам всероссийского престола в России»⁴⁷. Мухаммед Шефи уехал 6 августа, а вернулся — 6 сентября 1866 г. Отпуск был превышен в два раза, но на это никто

⁴¹ Там же. Л. 19об.

⁴² РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1028. Л. 42.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 43.

⁴⁷ Там же.

не обращал внимания, так как бывший имам и члены его семьи стали полными подданными империи.

Очевидно, что это судьбоносное событие позволило им претендовать на изменение своего статуса и получение официального признания в России. Столь публичная демонстрация лояльности Шамиля российскому правительству представляется важным шагом и в деле получения ожидаемого разрешения на поездку в хадж на территорию Османской империи. Присяга в Калуге показала успешность политики Петербурга по интеграции северокавказских горцев. Следующим и заключительным шагом реализации этой правительственной линии представляется включение Шамиля в состав российского потомственного дворянства в 1869 г.

Определенной наградой Мухаммеду Шефи за лояльность стал следующий предоставленный отпуск (в начале лета 1867 г.) — сроком на 11 месяцев с разрешением посетить ряд европейских стран (Францию, Великобританию и Германию)⁴⁸. Заметим сразу, что он качественно отличался от всех предыдущих, так как разрешилась длительная поездка за границу. Очевидно, что она преследовала несколько задач. С одной стороны, это было поощрение и демонстрация высокого уровня доверия офицеру конвоя Мухаммеду Шефи, своеобразная награда за присягу семьи и вступление ее в российское подданство. С другой стороны, это выглядело как определенная реклама успешности российской интеграционной политики и комфортного пребывания семьи бывшего имама Чечни и Дагестана в империи. Во время этого продолжительного отпуска он смог поехать по России, а также посетить Францию и Италию. Отбыл Мухаммед Шефи в поездку 25 июля 1867 г., вернулся 25 мая 1868 г.⁴⁹

В конце августа 1872 г. ему был разрешен 3-месячный отпуск в Константинополе. Вероятно, это было связано с его желанием встретиться с уехавшей семьей и посетить могилу умершего отца. Вполне возможно, что в связи с его хлопотами по поддержке семьи он запросил продление своего заграничного отпуска, который ему удалось пролонгировать сначала на 2 месяца, а потом — еще на 3 месяца⁵⁰. Он прибыл в распоряжение конвоя 9 мая 1873 г. Таким образом, он находился в Турции (в первую очередь, в Константинополе) в общей сложности 8 месяцев.

Потом была пауза в поездках, связанная с периодом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После ее окончания офицеры и представители генералитета снова стали выезжать в заграничные поездки, и полковник Мухаммед Шефи не был исключением. В мае 1879 г. он получил 11-месячный отпуск за границу, который потом был еще продлен на месяц и фактически превратился в годовой (он вернулся 10 мая 1880 г.)⁵¹. Последний отпуск, приходившийся на время его службы, относится к 1884 г. (сроком на 4 месяца)⁵².

⁴⁸ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1028. Л. 43.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 20.

⁵⁰ Там же. Л. 20.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

В одной из заграничных поездок (судя по всему, в 1879–1880 гг.), в ходе посещения Парижа, полковник Мухаммед Шефи столкнулся с авантюристом, изображавшем сына Шамиля (т. е. его самого). Рассказ об этом нестандартном инциденте приводит известный литератор И. Н. Захарьин в своей книге «Кавказ и его герои».

«Он жил там вместе с графом К-ым; и вот, однажды, пробегая “Фигаро”, граф был поражен публикацией-рекламой, приглашающей почтеннейшую публику посетить в пассаже — сообщался адрес — “сына знаменитого Шамиля, бывшего владыки Кавказа, воевавшего с русскими варварами в течение сорока лет”; затем прибавлялось, что сын этот, по имени Магомет-Шефи, имеет множество ран и лишь чудом спасся от смерти во время гунибского боя. В конце прибавлялось, конечно, что это удовольствие стоит всего один франк... Нечего, конечно, говорить, как глубоко был возмущен этою публикацией действительный сын Шамиля, находившийся, по счастью, в это время в Париже, и графу К. стоило немалого труда удержать бывшего горца от немедленной поездки к обманщику для расправы с ним... Когда чувство первого пыла негодования улеглось, полковник Шамиль и граф К. поехали по указанному адресу. Заплатив два франка, они были допущены к лицезрению “сына Шамиля”... Это был громадного роста человек, брюнет, одетый в черкесский костюм и обвешанный с ног до головы оружием; по национальности он оказался армянином. Через переводчика, знающего армянский и французский языки, он изъяснялся с публикою. Граф К. обратился к нему на французском языке и стал расспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполне выдержал свою роль постороннего посетителя: он спросил обманщика прямо по-русски:

— Вы, действительно, сын Шамиля?

Армянин, услышав русский язык, вначале сконфузился было немного, но затем, оправившись, начал свое бесстыдное вранье...

Шамиль взял под руку графа К., отвел его в сторону и сказал:

— Поезжайте в посольство, расскажите посланнику всю эту историю и попросите немедленно принять меры к арестованию этого обманщика. А я останусь здесь и не отойду от него ни на шаг.

Спустя некоторое время, граф К. вернулся обратно в сопровождении нескольких французских полицейских чиновников, и армянин был тотчас же арестован и, затем, препровожден в Россию, на расправу» [Захарьин, 1902, с. 469–470].

Таким образом, имея привилегированное положение, сын Шамиля получал частые разрешения на отпуск, причем вне очереди и на длительные сроки, которые еще и продлевались. Если подсчитать время пребывания в отпуске, полученное за весь период службы (с 1861 по 1884 г. включительно), то мы получаем гигантскую цифру в 79 месяцев, т. е. почти 6,5 лет из 23 пребывания на службе. Направления поездок Мухаммеда Шефи в период отпусков понятны и традиционны для людей его круга: Россия (в первую очередь, Кавказ), Франция, Италия и Турция.

* * *

В 1882 г. Мухаммеда Шефи причислили к гвардейской кавалерии и выделили пожизненное содержание в 6 тыс. рублей⁵³. Фактически он оказался на пенсии,

⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 20.

однако официально сына Шамиля зачислили в запас гвардейской кавалерии только в мае 1885 г., после получения генеральского чина: 14 мая высочайшим приказом он был переведен в запас гвардейской кавалерии с производством в чин генерал-майора с подтверждением пожизненной пенсии⁵⁴.

В это же время Мухаммед Шефи переехал в Казань, где в 1884 г. вступил во второй официальный брак, который однозначно можно охарактеризовать как крайне выгодный, вероятно, решивший все его материальные проблемы. Тогда приближавшийся к 45-летию полковник Шамиль женится на единственной дочери богатейшего жителя Казани, купца 1-й гильдии Ибрагима Апакова⁵⁵ — Биби-Мариам-Бану-Хаджи, которой на момент брака исполнилось 18 лет⁵⁶. Солидный денежный пенсион и богатое приданое жены гарантировали ему комфортное существование в Казани с регулярными выездами как в столицу, так и на российские курорты.

На рубеже веков Мухаммед Шефи задумался об оформлении наследства и о его разделе между супругой и детьми (сыном и двумя дочерьми), поэтому он стал заниматься систематизацией бумаг своей семьи. В частности, он озабочился делом возврата земли на Северном Кавказе, где при жизни отца фиксировалось наличие имения в Дагестанской области. В 1900 г. отставной генерал-майор приехал в Петербург и занялся выяснением вопроса прав на землю, даже возбудил ходатайство о возвращении в семейную собственность этого имения, которое приносило, по его сведениям, реальный доход. По свидетельству И. Н. Захарьина, которому Мухаммед Шефи подробно все рассказал, «имение это довольно ценное: его прессованные фрукты — персики, абрикосы и пр[очее], в количестве несколько тысяч пудов, идут по всей России, и преимущественно в Москву и Петербург» [Захарьин, 1902, с. 468].

Мухаммед Шефи почти месяц прожил в Офицерском собрании Петербурга, дабы не уезжать из столицы до выяснения деталей дела [Захарьин, 1902, с. 466]. От его имени составлен запрос в Главный штаб о нахождении документов по тому вопросу и предоставлении ему копии. В своем прошении от 10 января 1900 г. он писал, что озабочен оформлением наследственных прав своих детей, поэтому обратился в Главный штаб о выдаче «из архива Главного штаба копии с высочайшего повеления о возвращении отцу моему земли, взятой по его пленении в казну»⁵⁷.

В результате предпринятого в архиве розыска судьба земельного участка и дома в родном селении Гимры прояснилась. В феврале 1871 г. (вероятно, после получения известия о смерти Шамиля в Турции) все дела, касавшиеся имама и его семьи, были сведены в особую опись. В числе прочих там находилось «дело под № 38 о родовом имении, принадлежащем Шамилю»⁵⁸. Базируясь именно на нем, был составлен официальный ответ на прошение «для вручения

⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 17.

⁵⁵ См. подробнее об Ибрагиме Апакове: [Апакова, Апакова, 2012, с. 28–32].

⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 21об.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 31. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 5.

состоящему в запасе гвардейской кавалерии генерал-майору Мухаммеду Шефи Шамилеву, живущему в Офицерском собрании армии и флота»⁵⁹.

В нем говорилось, что у Шамиля в родном селении Гимры имелось «родовое имение, состоящее из пахотных земель, виноградников и дома, всего стоимостью на 200 рублей, которое, по распоряжению тогдашнего главнокомандующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского «было отдано в пользование гимринскому жителю подпоручику Исал-Магоме». «В 1861 г. по просьбе Шамиля родовое имение это было ему возвращено, а подпоручику Исал-Магоме взамен было выдано от правительства 200 руб[лей]»⁶⁰. Затем имам его «передал в пользование своей внучке Мувшкат»⁶¹, бывшей в замужестве за гимринским жителем Ханизатил-Магомой». Однако последний за участие в беспорядках в селении Гимры в 1866 г. «был сослан в Сибирь на вечное поселение, а жена его Мувшкат умерла еще в 1864 г., и имение Шамиля осталось без всякого надзора»⁶². В 1868 г. имам, ожидавший в Киеве выезда в хадж, принял судьбоносное решение: он «выразил желание завещать оставшееся свое имение в сел[ении] Гимры в пользу сирот того селения, на что написал завещание, изложенное в письме его к гимринскому старшине Джела Эддину»⁶³ (в конце 1868 г. главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич, ознакомившись с деталями вопроса, «изволил разрешить начальнику Дагестанской области исполнить желание Шамиля о завещании сказанного имения в пользу детей сел[ения] Гимра») ⁶⁴. На этом вопрос был закрыт, а после его смерти в 1871 г. завещание вступило в силу. Семья Мухаммеда Шефи претендовать на эту землю не могла.

* * *

На пенсии сын Шамиля прожил более 20 лет, скончавшись 10 августа 1906 г. в Кисловодске⁶⁵.

От брака с Биби-Мариам-Бану Апаковой у него появились две дочери — Патимат-Заграт и Нафисат, чьи имена вплетены в историю Дагестана XX столетия, так как они стали женами известного революционера

⁵⁹ Там же. Л. 50б.–60б.

⁶⁰ Там же. Л. 50б.

⁶¹ Очевидно, писарем была допущена ошибка в имени. Е. И. Козубский называет эту родственницу имама Шамиля «Муминат» [Козубский, 1896, с. 120].

⁶² РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 31. Л. 50б.–6.

⁶³ Это завещание опубликовано [Движение горцев Северо-Восточного Кавказа..., 1959, с. 692]. Описание передачи имамом Шамилем своего имения в пользу родственников рассматривалось Е. И. Козубским на основе документов из архивов Дагестанской области [Козубский, 1896, с. 120–121].

⁶⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 31. Л. 6–60б.

⁶⁵ По сообщению казанского воинского начальника, «генерал-майор запаса Мухаммед-Шефи Шамилев... умер от кровоизлияния в мозг 10 августа сего года». Исключен из списков генералов русской армии 4 января 1907 г. — РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 15.

Махача Дахадаева [Махач Дахадаев..., 1999, с. 90; Апакова, Апакова, 2012, с. 36–41].

Единственный сын — Мухаммед Захид — родился в 1868 г. от наложницы Джарият, которая работала прислугой в доме Шамиля (в Калуге). Он прожил яркую жизнь, закончив ее в Москве в 1920 г. [Исхаков, 2023; *Ислам в Москве...*, 2008, с. 295–296]. На рубеже веков он женился на дочери богатого касимовского купца Хусейна Байбекова — Хадиче. Этот брак принес троих детей: сыновья Мансур и Гази-Магома появились на свет в 1900 г. и 1906 г. в Казани, а дочь Софият родилась в 1908 г. в Москве.

Потомки Мухаммеда Захида Шамиля уже более столетия живут в российской столице. XXI век встретили два жителя Москвы с фамилией «Шамиль» — Тимур и его младшая сестра Екатерина, правнук и правнучка Мухаммеда Захида соответственно. В настоящее время представителей этой семьи стало больше: у Тимура появилось двое сыновей, которые являются продолжателями этого известного в России рода.

Список сокращений / Abbreviations

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала) [Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala)]

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)]

Список литературы / References

1. Абдурахман ал-Газигумуки. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля: Калуга, 1281 г. х.* Пер. с араб., введ., коммент., указ. Н. А. Тагировой. М.: Восточная литература, 2002 [Abdurakhman al-Gazigumuki. *A Brief Exposition of the Detailed Description of the Affairs of Imam Shamil: Kaluga, 1281 AH.* Transl. from Arabic, introd., comment., index by N. A. Tagirova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian)].
2. Абдурахман из Газикумуха. *Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха Тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. [1869].* Пер. с араб. М.-С. Саидова; ред., коммент., указ. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1997 [Abdurakhman iz Gazikumukha. *The Book of Memoirs of Sayyid Abdurakhman, Son of Ustad Sheikh of the Tariqa Jamaluddin al-Husaini, on the Affairs of the People of Dagestan and Chechnya* [1869]. Transl. from Arabic by M.-S. Saidov; ed., comment., index by A. R. Shikhsaidov, Kh. A. Omarov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoye izdatel'stvo, 1997 (in Russian)].
3. Апакова Л. В., Апакова Л. Я. «Дом Шамиль» и его первые владельцы. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Сборник статей.* Вып. 2. Сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2012. С. 27–41 [Apakova L. V., Apakova L. Ya. "Dom Shamil" and Its First Owners. *From the History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region.* Collection of Articles. Issue 2. Comp. and ed. by I. K. Zagidullin. Kazan: Ikhlās, 2012, pp. 27–41 (in Russian)].

4. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Пер. с араб. Г. А. Подхалюзина. *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. VII. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1873. С. 1–76 [Gadzhi-Ali. *An Eyewitness Account of Shamil*. Transl. from Arabic by G. A. Podkhalyuzin. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue VII. Tiflis: Printing House of the Chief Administration of the Caucasian Viceroy, 1873, pp. 1–76 (in Russian)].
5. *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.: Сборник документов*. Сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959 [The Movement of the Highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 1820s–1850s: A Collection of Documents. Comp. by V. G. Gadzhiev, Kh. Kh. Ramazanov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959 (in Russian)].
6. Дергеев В. В. *Имам Шамиль: пророк, властитель, воин*. М.: Русская панорама, 2001 [Degoev V. V. *Imam Shamil: Prophet, Ruler, Warrior*. Moscow: Russkaya panorama, 2001 (in Russian)].
7. Захарьин И. Н. *Кавказ и его герои*. СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902 [Zakhar'in I. N. *The Caucasus and Its Heroes*. St. Petersburg: Printing House of A. E. Kolpinskiy, 1902 (in Russian)].
8. *Ислам в Москве. Энциклопедический словарь*. Сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. Нижний Новгород: Медина, 2008 [Islam in Moscow. *Encyclopedic Dictionary*. Comp. and ed. by D. Z. Khayretdinov. Nizhnii Novgorod: Medina, 2008 (in Russian)].
9. Исхаков С. М. «Мы, демократия мусульманских народов России...»: Захид Шамиль. *Россия XXI*. 2023. № 2. С. 154–167 [Iskhakov S. M. "We, the Democracy of the Muslim Peoples of Russia...": Zakhid Shamil. *Rossiia XXI*. 2023. No. 2, pp. 154–167 (in Russian)].
10. Каширин В. Б., Муханов В. М. Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России. *Ориенталистика*. 2024. № 3. С. 275–290 [Kashirin V. B., Mukhanov V. M. The Main Amanat of the Caucasian War: The Elder Son of Imam Shamil in Russia. *Orientalistica*. 2024. No. 3, pp. 275–290 (in Russian)].
11. Козубский Е. К истории Дагестана. *Русский архив*. 1896. № 9. С. 101–131 [Kozubskii E. On the History of Dagestan. *Russkii arkhiv*. 1896. No. 9, pp. 101–131 (in Russian)].
12. Махач Дахадаев. *Сборник документов, статей, воспоминаний о жизни и общественно-политической деятельности*. Сост. Х.-М. О. Хашаев, А. Д. Даниялов, М. Ш. Шигабудинов, Г. Г. Гамзатов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999 [Makhach Dakhadaev. *A Collection of Documents, Articles, and Memoirs on His Life and Socio-Political Activity*. Comp. by Kh.-M. O. Khashaev, A. D. Daniyalov, M. Sh. Shigabudinov, G. G. Gamzatov. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1999 (in Russian)].
13. О назначении Шамилю пенсии и особого пристава для надзора за ним. Публ. и коммент. В. М. Муханова. *Кавказский сборник*. Т. 5(37). Под ред. В. В. Дергеева. М.: Русская панорама, 2008. С. 255–267 [On Granting Shamil a

- Pension and Appointing a Special Bailiff to Supervise Him. Publ. and comment. by V. M. Mukhanov. *Kavkazskii sbornik*. Vol. 5(37). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2008, pp. 255–267 (in Russian)].
14. *100 писем Шамиля*. Введ., тексты, пер. с араб., коммент., примеч., прилож., указ. Х. А. Омарова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997 [*100 Letters of Shamil*. Introd., texts, transl. from Arabic, comment., notes, append., index by Kh. A. Omarov. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1997 (in Russian)].
 15. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. Пер. с араб. А. М. Барабанова; предисл. И. Ю. Крачковского. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1941 [*The Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi on the Dagestani Wars during the Period of Shamil*. Transl. from Arabic by A. M. Barabanov; foreword by I. Yu. Krachkovsky. Moscow — Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1941 (in Russian)].
 16. Чичагова М. Н. *Шамиль на Кавказе и в России*. М.: Ключ, 1990 [Chichagova M. N. *Shamil in the Caucasus and in Russia*. Moscow: Klyuch, 1990 (in Russian)].

Информация об авторе

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена рецензентами 26.05.2026; принята к публикации 28.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vadim M. Muhanov — Ph. D. (History), Head of the Caucasus Sector, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 26.05.2026; accepted for publication 28.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(470.6)“1864”:347.97/.99

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-235-249>

Правительственный дискурс и практика учреждения Терского областного суда в 1864 году: к вопросу о развитии судебной системы на Кавказе в позднеимперский период

Алексей Хасанович Абазов

Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей политического дискурса и практик учреждения Терского областного суда в 1864 г. в контексте развития судебной системы на Кавказе в позднеимперский период. В научно-теоретическом отношении исследование этой проблемы дает возможность расширить представления об особенностях развития аппарата российского государства на Кавказе в переходные исторические периоды, связанные с включением в состав империи новых народов, расширением ее территориального суверенитета и т. п. В прикладном — определить особенности складывания многоуровневой судебной системы на Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению. Исследование основано на анализе нормативно-правовых и делопроизводственных источников. В числе нормативно-правовых проанализированы Указ о преобразовании крепости Владикавказ в город (1860), Положение об управлении Терской областью (1862), «Временные правила, данные в руководство временным судам, учрежденным при управлениях Терской области» (1863). В числе делопроизводственных — документы, обеспечивавшие внешнюю коммуникацию высокопоставленных должностных лиц и общеимперских органов государственной власти. В ходе исследования рассмотрены особенности взаимодействия Кавказского наместника, Кавказского комитета, Министерства юстиции и Министерства финансов по вопросам учреждения Терского областного суда в 1864 г. Сделан вывод о том, что исследование особенностей политического дискурса и практик учреждения этого суда отражает специфику развития российского аппа-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохраниениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Абазов А. Х., 2026

© Ориенталистика, 2026

рата государства на Центральном Кавказе в 60-е гг. XIX в. в условиях перехода к военно-народному управлению и оптимизации регионального правосудия, выстраиваемого в соответствии с действовавшими в то время в империи принципами государственного устройства, но с учетом традиционных институтов социо-нормативной культуры местного населения.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказский комитет, министерство юстиции, министерство финансов, наместник Кавказа, Терская область, Терский областной народный суд, судебная система

Для цитирования: Абазов А. Х. Правительственный дискурс и практика учреждения Терского областного суда в 1864 году: к вопросу о развитии судебной системы на Кавказе в позднеимперский период. *Ориенталистика*. 2026;9(2):235–249. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-235-249>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-235-249>

Government discourse and practice of establishing the Terek Regional Court in 1864: some observations regarding the development of the judicial system in the Russian Caucasus in the late 19th century

Alexey Kh. Abazov

*Institute of Humanitarian Research — branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia,
alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>*

Abstract. The article focuses on the political discourse and practices surrounding the establishment of the Terek Regional Court in 1864. It is analysed within the context of the judicial system in the Russian Caucasus during the second half of the 19th century. From a scholarly perspective, the detailed study of this problem expands our understanding of how the Russian State functioned in this particular area in the period when new regions and people were incorporated into the Russian Empire. From the practical aspect, the study aims to identify the specific features of the formation of a multi-level judicial system in the Caucasus region during the transition to the so-called “military-people’s administration”. The research is based on various legal and administrative sources. Among them are the Decree on the Transformation of the Vladikavkaz Fortress into a City (1860), the Regulations on the Administration of the River Terek Region (1862), and the “Temporary Rules for the Temporary Courts Established under the Administration of the River Terek Region” (1863). The official documents comprise various texts, including external communications of high-ranking officials and the Imperial governmental bodies. The study examines the interaction between the Viceroy of Caucasus, the Caucasian Committee, the Ministry of Justice, and the Ministry of Finance with regard to the establishment of the Terek Regional

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Court in 1864. The author draws a conclusion, where he summarizes the specifics of the development of the Russian state apparatus in the Central Caucasus in the 1860s.

Keywords: Caucasus, Caucasian Committee, Ministry of Justice, Ministry of Finance, Viceroy of the Caucasus, Terek Region, Terek Regional People's Court, judicial system

For citation: Abazov A. Kh. Government discourse and practice of establishing the Terek Regional Court in 1864: some observations regarding the development of the judicial system in the Russian Caucasus in the late 19th century. *Orientalistica*. 2026;9(2):235–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-235-249>.

Становление и развитие институтов российской государственности на Кавказе во второй половине XIX в. проходило поэтапно, но с сохранением основных тенденцией внешней и внутренней интеграции народов региона в политико-правовое пространство империи. В рамках исторического институционализма исследование вопросов их эволюции позволяет выявить специфику российского управления полиэтническим поликонфессиональным регионом в позднеимперский период. На Центральном Кавказе эти процессы имели ряд особенностей. Одной из них было создание временных адаптивных судебно-административных структур, деятельность которых выстраивалась с опорой на принципы российского управления окраинными территориями империи и некоторые институты социо-нормативной культуры коренного населения. При формировании таких структур включались механизмы назначения на ключевые должности в них российских военных, а также введения в их состав представителей местных этнических элит, в том числе и на выборных началах, финансового обеспечения за счет средств Государственного казначейства и т.п. Кроме того, для более глубокого осмысления специфики этих процессов, помимо изучения непосредственно этапов административно-территориальных преобразований, необходимо также исследование их подготовительных стадий: выявление предпосылок для преобразований, обсуждение в профильных инстанциях властного аппарата, формализация решений в нормативно-правовых актах, их последующее утверждение и исполнение.

В этом плане актуальной исследовательской задачей представляется изучение дискурса органов имперской власти и должностных лиц по вопросам учреждения высшей судебной инстанции в Терской области — областного (Главного) народного суда в 1864 г. Инициатива его учреждения исходила от Кавказского наместника. В обсуждении преобразований принимали участие профильные структуры власти: Кавказский комитет, Министерство юстиции и Министерство финансов. Решение было принято императором путем утверждения журнального постановления Кавказского комитета и внесения поправок в соответствующие учредительные нормативно-правовые акты. Актуальность данной проблемы возрастает на фоне того, что разработка и внедрение модели судебного учреждения, адаптированной к политико-правовым условиям Кавказского региона, происходили одновременно

с подготовкой и проведением судебной реформы 1864 г. в Российской империи. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей дискурса имперских властей и практик учреждения Терского областного суда в 1864 г.

В современном кавказоведении отсутствует комплексное исследование, посвященное истории деятельности Терского областного народного суда во второй половине 60-х гг. XIX в. и выявлению особенностей политического дискурса по его образованию на подготовительных этапах. Некоторые сведения об этом содержатся в исследованиях по истории судебных преобразований в Терской области, наиболее информативными из которых являются работы С. Э. Эсадзе [Эсадзе, 1907, с. 197], Э. Д. Мужухоевой [Мужухоева, 1982, с. 75], Л. Ш. Мачукаевой [Мачукаева, 2004, с. 42], Е. Г. Муратовой [Муратова, 2007, с. 258], Е. И. Кобахидзе [Административная практика..., 2012, с. 61] и ряда других авторов. В этих работах затрагиваются вопросы нормативно-правового обеспечения деятельности Главного суда в Терской области в то время, его роль и место в судебной системе региона, подсудности и подведомственности, комплектования кадрами и т. п., что создает теоретическую основу для исследования поставленной проблемы.

В свою очередь, выявление особенностей дискурса имперских властей и практики учреждения Терского областного суда возможно с опорой на нормативно-правовые и делопроизводственные источники. В числе нормативно-правовых актов для исследования поставленной проблемы были проанализированы Именной указ Правительствующему Сенату от 31 марта 1860 г. о преобразовании крепости Владикавказ в город¹, Положение об управлении Терской областью от 7 июня 1862 г. [Административная практика..., 2012, с. 237–248]; «Временные правила, данные в руководство временным судам, учрежденным при управлениях Терской области» от 1863 г.² [Антология памятников права..., 2010, с. 269–281]. В этих документах были регламентированы основы судостроительства Терской области в первой половине 60-х гг. XIX в., и именно они подлежали изменению при учреждении Терского областного народного суда. Для изучения особенностей политического дискурса накануне образования этого суда были проанализированы отношения, обеспечивавшие коммуникацию Кавказского наместника, Кавказского комитета, Министерства юстиции и Министерства финансов, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Материалы, позволяющие дать общую характеристику Терскому областному суду, извлечены из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия — Алания, Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР и некоторых сборников опубликованных документов [Антология памятников права..., 2010, с. 269–281; Административная практика..., 2012, с. 183].

С переходом регионов Центрального Кавказа к военно-народному управлению на рубеже 50-х — 60-х гг. XIX в., образованием Кабардинского,

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 1.

² УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 24.

Военно-Осетинского, Чеченского и Кумыкского округов в 1858 г. и на их базе Терской области — в 1860 г. продолжилось формирование многоуровневой судебной системы в этом субрегионе Кавказа. Это был сложный затяжной во времени процесс, когда на каждом уровне административной иерархии создавались судебные учреждения соответствующего уровня, и учреждение каждого из них опиралось на соответствующий нормативно-правовой акт. Так, с 1858 г. во вновь образованных округах на основании утвержденного императором Положения Кавказского комитета от 10 декабря 1857 г. были учреждены окружные народные суды на всей территории, подведомственной в то время Левому крылу Кавказской линии [*Административная практика*, 2012, с. 184]. Сразу же после образования Терской области и преобразования крепости Владикавказ в город в 1860 г. на правах уездных судов был открыт Владикавказский городской суд³. Впоследствии в округах стали появляться участковые суды, вышестоящей инстанцией по отношению к которым выступали окружные народные суды. Вместе с тем продолжилось и упорядочивание судебной иерархии и компетенции судебных учреждений, что закреплялось в основном в нормативно-правовых актах учредительного характера. Например, Положение об управлении Терской областью (1862) определяло категории дел, которые могли быть рассмотрены в функционировавших на территории области окружных народных судах [*Административная практика*, 2012, с. 245]. Кроме того, это положение делило область на Западный, Средний и Восточный отделы, что отчасти отражалось и на иерархии судебных учреждений. Например, апелляции на решения окружных судов, возглавляемых окружными начальниками (Кабардинского, Ингушского, Аргунского, Ичкеринского и Нагорного), направлялись начальникам соответствующих отделов. В случаях, когда председателями окружных судов выступали начальники отделов (Осетинского, Чеченского и Кумыкского округов), апелляционные жалобы подавались на рассмотрение начальнику Терской области⁴. Такая организация судебной системы в большей мере была характерна для коренного населения, тогда как жители городов и слобод области временно встраивались в другую модель судебной иерархии. Например, в начале 60-х гг. XIX в. ввиду отсутствия апелляционной инстанции дела слобожан и коренных жителей станиц подлежали рассмотрению Ставропольской судебной палатой в качестве вышестоящей инстанции⁵. Эта модель судостроительства требовала упорядочивания, актуализировалась потребность в учреждении высшей судебной инстанции и наделении начальника Терской области дополнительными полномочиями в сфере судостроительства на подведомственной территории. В первой половине 60-х гг. XIX в. эта тематика все чаще стала обсуждаться в дискурсе высших органов имперской власти и высокопоставленных должностных лиц.

Напомним, что Терский областной (Главный) народный суд был образован 28 октября 1864 г. Его учреждение отменило действие Владикавказского

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8об.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 41. Л. 50.

⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 4.

городового суда, который был реорганизован во Владикавказское общественное управление. Областной суд просуществовал 6 лет. В 1870 г. вместо него был образован Владикавказский окружной суд. В 1864–1870 гг. в судебной системе Терской области в отношении коренного населения насчитывалось как минимум три иерархических уровня: Терский областной народный суд — окружные народные суды — участковые суды.

Вместе с тем некоторые принципы функционирования Главного суда в Терской области были закреплены в нормативных актах еще до даты фактического открытия Терского областного народного суда в 1864 г. В Положении об управлении Терской областью (1862) устанавливалось, что для регламентации деятельности Главного народного и окружных народных судов должна быть составлена особая инструкция. Такой инструкцией стали утвержденные в 1863 г. начальником области Временные правила для «временных судов» на подведомственной ему территории [Антология памятников права..., 2010, с. 269–281], в которых были детализированы некоторые нормы Положения 1862 г. в части судоустройства.

Однако фактическому учреждению Терского областного суда предшествовала череда обсуждений на уровне Кавказского наместника, Кавказского комитета, Министерства юстиции и Министерства финансов. В 1864 г. Кавказский комитет по взаимодействию с Кавказским наместником и другими должностными лицами и органами власти обсуждали вопросы об учреждении Терского областного народного суда во Владикавказе⁶. Анализ документов, обеспечивавших их коммуникацию по этому вопросу, дает возможность выявить некоторые особенности политического дискурса по вопросам развития российского аппарата государства на Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению, оценить сложившуюся в Терской области в первой половине 60-х гг. XIX в. ситуацию в сфере судоустройства, определить направления деятельности государства по оптимизации аппарата государства и созданию действенных механизмов отправления правосудия на включенных в российское политико-правовое пространство империи территориях с коренным населением, сохранявшим на тот момент и активном практиковавшим решение споров и конфликтов с помощью традиционных институтов социо-нормативной культуры (в частности, обычного права и шариата).

Так, в первой половине 60-х гг. XIX в. инициатива учреждения в Терской области главного народного суда исходила от Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. 10 апреля 1864 г. он направил соответствующее обращение в адрес Кавказского комитета⁷. Следует отметить, что этой инициативе предшествовал ряд подготовительных мероприятий. Были собраны сведения о судоустройстве Терской области. А для обследования ситуации на месте накануне был командирован во Владикавказ член совета

⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 1.

⁷ Там же.

наместника кавказского, директор департамента судебных дел действительный статский советник князь Г. К. Багратион-Мухранский⁸.

В отношении к управляющему делами Кавказского комитета от 10 апреля 1864 г. наместник отмечал, что именным указом, данным Правительствующему Сенату 31 марта 1860 г., крепость Владикавказ с прилежавшим к ней форштадтом была преобразована в город и тогда же удостоилась высочайше утвержденного положения об управлении городом и штатом этого управления⁹. Управление в таком виде создавалось в качестве переходной модели сроком на три года. В документе сообщалось, что, солидаризуясь с мнением начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова, Г. К. Багратион-Мухранский пришел к выводу о необходимости образовать судебное учреждение во Владикавказе, «как центре управления областью, в такое положение, чтобы все гражданское население в этой части края могло находить в нем скорую и правильную расправу, которой оно лишено в настоящее время»¹⁰.

Кроме того, по результатам обследования области Г. К. Багратион-Мухранский выявил ряд факторов, сдерживавших, по его мнению, развитие системы правосудия в регионе. Во-первых, было установлено, что Владикавказский городской суд «по составу своему лишен возможности к успешному выполнению разнообразных обязанностей, соединение хозяйства с судом обращается во вред должному отправлению правосудия, так как на исправление дел судебных имеет преимущественное влияние канцелярия, а не присутствие»¹¹. Во-вторых, жители слободок по делам полиции и хозяйства подчинялись слободским правлениям, которые помимо прочего заведовали судебно-полицейскими и маловажными судебными делами, разбирали судебные уголовные и гражданские дела по общему закону, а по делам полицейской расправы — в ближайших судебных местах (Владикавказском, Пятигорском, Кизлярском, Моздокском и Георгиевском). Хотя точного разграничения территориальной подведомственности между ними в то время еще не было установлено. В-третьих, представители коренного населения, проживавшие в казачьих станицах, относились к подведомственности соответствующих станичных правлений. Так как в области на тот момент отсутствовала высшая судебная (апелляционная) инстанция, то таковой для слобожан и коренного населения в казачьих станицах выступала Ставропольская судебная палата через посредство Владикавказского, Пятигорского, Кизлярского, Моздокского и Георгиевского судебных присутствий. В то же время для Владикавказского городского суда вышестоящей инстанцией была Тифлисская судебная палата. Начальник Терской области принимал участие в судебном процессе в качестве лица, утверждавшего решения Владикавказского городского суда, решения остальных судов утверждал Ставропольский губернатор¹². Такой порядок

⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 2об.

⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 1.

¹⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 2об.

¹¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 3об.

¹² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 4.

подсудности лишил начальника Терской области возможности осуществлять полный контроль за деятельностью судебных учреждений на подведомственной территории и требовал определенных преобразований в судоустройстве.

При этом Г. К. Багратион-Мухранский предлагал принять ряд мер. Во-первых, он считал целесообразным в такой ситуации образовать областной суд с прокурорским надзором «для заведования делами судебными как по городу Владикавказу, так и для всего гражданского населения Терской области». Во-вторых, согласно проекту штатного расписания на финансовое обеспечение деятельности областного суда предлагал выделить за счет средств государственного казначейства 9885 рублей в год¹³. В-третьих, за основу для подготовки штата Терского областного суда предлагалось взять штат Дагестанского областного суда с той лишь разницей, что «в предполагаемом областном суде не полагается заседателей по выбору от сословий». Напротив, считалось целесообразным включить в состав суда двух заседателей от торгового сословия для участия в разбирательствах торговых споров¹⁴. По сути, судей от торгового сословия предполагалось перевести из штата функционировавшего с 1860 г. Владикавказского городского суда без назначения содержания от казны. А вместо двух секретарей на первое время — включить в штат одного, а сэкономленные средства направить на улучшение работы суда. Так, в проекте штата Терского областного суда предусматривались должности председателя, его советника, двух заседателей по выбору от торгового сословия, секретаря, протоколиста (с возложением обязанностей надсмотрщика крепостных дел), регистратора (с возложением обязанностей архивариуса), присяжного пристава, письменного переводчика и одного писца¹⁵. В-третьих, предлагалось реорганизовать Владикавказский городской суд в общественное управление, вывести из штата утвержденных Положением от 31 марта 1860 г. двух заседателей (одного — представителя дворянского сословия, другого — представителя коренного населения региона), а из канцелярии — одного столоначальника городского суда и двух писцов¹⁶.

По сути, эти самые предложения Кавказский наместник вместе с проектом штата Терского областного суда и дополнений к Положениям от 31 марта 1860 г. и от 29 мая 1862 г. направил на рассмотрение императора. Этот документ содержал проект распорядительного акта об учреждении областного суда с прокурорским надзором, Правила о порядке деятельности суда и постановления, уточняющие обязанности начальника Терской области в судебной сфере. При этом наместник дополнительно сообщал императору, что, лично посещая Терскую область, убедился в «неотложной необходимости открытия Терского областного суда». Он считал, что учреждение высшей судебной инстанции будет направлено не только на «обеспечение должного правосудия» и продиктовано «не одною прямою заботливостью об интересах

¹³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 7.

¹⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 7об.

¹⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 10.

¹⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 8.

гражданского населения», но и целью прямого влияния на представителей коренного населения региона¹⁷. При этом он отмечал, что функционировавшие на тот момент в области судебные учреждения «ни по составу своему, ни по порядку судопроизводства, далеко не выдерживают сравнения, и тем самым немало не могут содействовать к столь желанному развитию между горцами гражданственности»¹⁸.

В проекте дополнений к положениям от 31 марта 1860 г. и от 29 мая 1862 г. наместник предлагал закрепить положение, согласно которому вновь образованному областному суду принадлежало «ведомство судебных дел в пределах Терской области»¹⁹. Устанавливалось, что суду на основании общих имперских законов было подведомственно не только население Владикавказа, но и все гражданское население Терской области²⁰. Отмечалось, что два выборных заседателя от купеческого сословия должны были избираться не только из числа жителей Владикавказа, но и от торгующего населения на всей территории Терской области. Не запрещалось избирать в качестве судей областного суда членов Владикавказского городского общественного управления (правопреемника Владикавказского городского суда). Обязанность по подготовке проведения выборов заседателей областного суда возлагалась на начальника Терской области²¹.

Примечательно, что поначалу основные обязанности членов областного суда устанавливались по аналогии права. Так, например, в проекте положения Терского областного суда было зафиксировано, что обязанности присяжных приставов были аналогичными с обязанностями приставов Тифлисского коммерческого суда (например, по вопросам участия в делах полиции при исполнении решений суда²²). Аналогичным образом устанавливались обязанности присяжного служителя при канцелярии суда. Устанавливаемые в этом документе обязанности прокурора Терской области были такими же, как и для губернских прокуроров Закавказского края²³. Точно также Областной суд, объединяя в своей деятельности уголовную и гражданскую судебные инстанции, наделялся правами, аналогичными тем, которые устанавливались для губернских судов Закавказского края²⁴. Кроме того, в проекте содержались нормы, которые подробно регламентировали порядок судопроизводства. Основная часть споров (за исключением дел о праве собственности на недвижимость и о казенных средствах) решалась по правилам, которые устанавливались для Тифлисского коммерческого суда²⁵. Начальник Терской

¹⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 8об.–9.

¹⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 9.

¹⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 12.

²⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 14.

²¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 12об.

²² Там же.

²³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 13об.

²⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 14.

²⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 17.

области при рассмотрении и утверждении решений областного народного суда наделялся такими же полномочиями, которыми обладали по этой части начальники губерний и генерал-губернаторы²⁶.

Следует обратить внимание, что 21 апреля 1864 г. на имя Кавказского наместника была подана докладная записка начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова о преобразовании Главного народного суда [Административная практика..., 2012, с. 267–276]. Несмотря на то, что ее сведения не вошли в обсуждение на уровне Кавказского комитета, Министерства Юстиции и Министерства финансов, они представляют определенный интерес при исследовании истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в то время и могут восприниматься как часть политического дискурса по вопросу образования Терского областного суда. Так, М. Т. Лорис-Меликов обращал внимание на то, что на момент его вступления в должность начальника Терской области Главный суд во Владикавказе еще не был открыт несмотря на то, что правовые основания для это содержались в Положении 1862 г. [Административная практика..., 2012, с. 267]. При комплектовании кадров начальник области придерживался принципов представительства по одному судье от каждого округа. Однако в этом он видел и определенную сложность, так как объединить в рамках одного учреждения представителей разных народов с часто разными обычаями и традициями, говоривших на разных языках, представлялось весьма затруднительным. Другая сложность, по его мнению, заключалась в том, что местом пребывания суда назначался Владикавказ, а он находился на весьма удаленном расстоянии от некоторых регионов области, что отчасти затрудняло коммуникацию между участниками судебных разбирательств и могло привести к увеличению сроков рассмотрения дел [Административная практика..., 2012, с. 269]. В числе основных принципов организации областного суда с прицелом на максимальную эффективность его деятельности, по мнению М. Т. Лорис-Меликова, было стремление к обеспечению реальной возможности для каждого судьи принимать непосредственное участие в обсуждении рассматриваемых дел и выносимых решений, обязательное участие в судебном процессе представителей различных социальных групп и сословий, максимальное приближение места проведения судебных разбирательств к местам проживания тяжущихся сторон и т. п. Начальник Терской области предлагал проведение судебных разбирательств на периодических сессиях (по три месяца) попеременно в крупных населенных пунктах региона (Владикавказе, Грозной и Хасав-Юрте) [Административная практика..., 2012, с. 272]. В целом же докладная записка М. Т. Лорис-Меликова, несмотря на отсутствие официального рассмотрения, отражает его видение эффективной организации областного суда с учетом этнокультурных и географических особенностей региона.

24 апреля 1864 г. поступившее на рассмотрение Кавказского комитета от Кавказского наместника предложение об образовании Терского областного народного суда было направлено в Министерство финансов для заключения

²⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 18.

о возможности ассигнования денежных средств из Государственного казначейства, запрашиваемых на его содержание²⁷. В ответ на это 12 мая 1864 г. министр финансов ответил: «...при настоящих обстоятельствах желательно было бы не обременять Государственное казначейство новыми сверхсметными расходами, но как по отзыву его высочества наместника кавказского в учреждении Терского областного суда и прокурора предстоит неотложная надобность, то со стороны Министерства финансов не встретится препятствий испросить установленным порядком высочайшее разрешение на производство потребных на содержание означенных суда и прокурора 9885 руб[лей] в год из сумм Государственного казначейства»²⁸.

В тот же день, 24 апреля 1864 г., проект положения был направлен в Министерство юстиции для заключения на предмет его соответствия действовавшим на тот момент нормам права в области судоустройства. Ответ на этот запрос поступил из Министерства юстиции в Кавказский комитет 14 мая 1864 г., в нем было предложено заключение по вопросу учреждения в Терской области народного суда²⁹. Министерство юстиции в целом соглашалось с предложением наместника, но высказало ряд пожеланий. Во-первых, в соответствии с действовавшими в то время правилами, принятие коллективных решений судебными учреждениями должно было производиться коллегией судей, состоящей не менее, чем из трех человек. И чтобы суд работал эффективно и непрерывно (на случай временной нетрудоспособности одного из членов такого коллектива), Министерство юстиции предлагало расширить судейский корпус таким образом, чтобы судей было не менее четырех³⁰. Также предлагалось увеличить число советников председателя областного суда до трех с целью охвата всех категорий принимаемых к разбирательству дел, а не только относившихся к компетенции выборных от представителей торговых сословий заседателей. Также предлагалось увеличить количество писцов суда до 6, так как на том этапе сложно было определить объем их работы. Вместе с тем финансирование деятельности суда в части выплаты жалования писцам предлагалось не менять, а дополнительно наделить председателя полномочиями по своему усмотрению распределять между ними общую выделенную по этой статье сумму³¹.

Все эти сведения были учтены Кавказским комитетом при подготовке итогового решения. Так, анализ выписки из журнала заседания Кавказского комитета от 23 мая 1864 г. показывает, что комитет посчитал причины учреждения Терского областного суда уважительными и соглашался с тем, что предложенный проект преобразований после незначительной корректировки штата можно направить на утверждение императора. Запрашиваемые же на содержание суда средства предлагалось возложить на Государственное казначейство, однако положенную на 1865 г. сумму предлагалось выделить

²⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 20–21.

²⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 24об.–25.

²⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 26–28об.

³⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 26об.

³¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 28об.

«из местных источников по усмотрению наместника кавказского»³², так как на тот момент смета расходов казначейства была уже утверждена и не подлежала пересмотру,

В тот же день, 23 мая 1864 г., из Кавказского комитета было сообщено кавказскому наместнику о том, что его ходатайство об учреждении Терского областного суда рассмотрено 18 мая 1864 г., и ему были направлены для исполнения и учета в дальнейшей работе выписка из Журнала и копии утвержденных императором 21 мая 1864 г. дополнений к действующим положениям об управлении Владикавказом (1860) и Терской областью (1862). А также сообщалось, что необходимые документы были направлены в Министерство юстиции и Министерство финансов³³.

В ответ на это 15 ноября 1864 г. из главного управления наместника кавказского на имя управляющего делами Кавказского комитета было направлено уведомление о том, что на основании Высочайше утвержденного 21 мая 1864 г. журнала Кавказского комитета во Владикавказе был открыт Терский областной суд с прокурорской частью³⁴. Открытие фактически состоялось 28 октября 1864 г. Эту же информацию Кавказский комитет сообщил министру юстиции 3 декабря 1864 г.³⁵

Так, в результате такого взаимодействия 28 октября 1864 г. на основании «Положения об управлении Терской областью» (1862) и Высочайше утвержденных дополнений к положениям об управлении городом Владикавказом (1860) и Терскою областью (1862) от 21 мая 1864 г. был образован Терский областной народный суд. Решение было обнародовано на основе специального приказа начальника Терской области³⁶. Суд состоял из гражданского и уголовного отделений. На протяжении всего периода функционирования в производстве суда в год находилось от 120 до 270 уголовных дел, от 99 до 208 — гражданских, от 13 до 140 — опекунских³⁷. Расширились и полномочия начальника Терской области в судебной сфере: он был уполномочен направлять апелляции на решения окружных судов в Терский областной народный суд. Также им утверждались постановления суда либо представлялись на утверждение главнокомандующему армией, сопровождаемые собственным заключением³⁸.

Таким образом, одним из направлений перехода Центрального Кавказа к военно-народному управлению на рубеже 50–60-х гг. XIX в. было поэтапное формирование многоуровневой судебной системы, где каждое учреждение создавалось на основе нормативно-правовых актов и имело свое место в иерархии органов правосудия. Учреждение высшей судебной инстанции в Терской области — Терского областного суда — в 1864 г. было результатом

³² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 30.

³³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 36.

³⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 43.

³⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 81. Л. 44.

³⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 427. Л. 107об.–109об.

³⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 112. Оп. 1. Д. 143. Л. 19–19об.

³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 41. Л. 53.

длительных обсуждений на подготовительной стадии преобразований. Ему предшествовало закрепление некоторых принципов его функционирования в нормативных актах 1862–1863 гг. В политический дискурс были вовлечены высокопоставленные должные лица и высшие органы имперской власти: Кавказский наместник, Кавказский комитет, Министерство юстиции, Министерство финансов, решение утверждалось императором. Обсуждаемые вопросы в пределах компетенции профильных ведомств затрагивали вопросы целесообразности этих преобразований как таковых, а также — штатную структуру, финансовое обеспечение, соответствие действовавшим нормам и т. п. В некоторых случаях для определения объема полномочий и компетенции отдельных служащих суда в качестве аналогии права применялись успешные практики судопроизводства и судоустройства, апробированные ранее властями в других субрегионах Кавказа. В итоге Кавказский комитет, учтя заключения профильных ведомств, одобрил учреждение Терского областного суда с незначительными корректировками источников финансирования и штатной структуры. Все это привело к тому, что 28 октября 1864 г. во Владикавказе был учрежден Терский областной народный суд с гражданским и уголовным отделениями, кроме того, были расширены полномочия начальника Терской области в судебной сфере, что, по сути, и стало результатом взаимодействия Кавказского комитета, кавказского наместника и профильных министерств. Все это отражает особенности развития российского аппарата государства на Центральном Кавказе в 60-е гг. XIX в. в условиях перехода к военно-народному управлению и оптимизации регионального правосудия, выстраивавшегося в соответствии с действовавшими в то время в империи принципами государственного устройства, но с учетом традиционных институтов социо-нормативной культуры местного населения.

Список сокращений / Abbreviations

- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) [Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)]
СКАГС — Северо-Кавказская академия государственной службы (Ростов-на-Дону) [North Caucasian Academy of Public Administration (Rostov-on-Don)]
СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ) [North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research (Vladikavkaz)]
УЦГА АС КБР — Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (Нальчик) [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (Nalchik)]
ЦГА РСО-Алания — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (Владикавказ) [Central State Archives of the Republic of North Ossetia — Alania (Vladikavkaz)]

Список литературы / References

Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии). Сборник документов.

Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахизде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012 [*Administrative Practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the End of the 18th Century to 1870 (Based on the Materials of Ossetia). Collection of Documents. Comp., introd. and comment. by E. I. Kobakhizde. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012 (in Russian)*].

Антология памятников права народов Кавказа. Т. 2: Памятники права адыгов (черкесов). Ростов н/Д: Изд. СКАГС, 2010 [*Anthology of Legal Monuments of the Peoples of the Caucasus. Vol. 2: Legal Monuments of the Adyghes (Circassians). Rostov-on-Don: SKAGS Publishing House, 2010 (in Russian)*].

Мачукаева Л. Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX — начале XX века: на материалах Терской области. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 [Machukaeva L. Sh. *The System of Administration of the North Caucasus in the Late 19th and Early 20th Centuries: Based on the Materials of the Terek Region*. Dissertation. Moscow, 2004 (in Russian)].

Мужухоева Э. Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-х гг. XIX в. *Общественные отношения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.)*. Отв. ред. А. И. Хасбулатов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 68–81 [Muzhukhoyeva E. D. *The Organization of the Administration of Checheno-Ingushetia in the 1840s–1860s. Social Relations of the Chechens and Ingush in the Pre-Revolutionary Past (13th — Early 20th Centuries)*. Ed. by A. I. Khazbulatov. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1982, pp. 68–81 (in Russian)].

Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII — начала XX в. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007 [Muratova E. G. *Social and Political History of Balkaria in the 17th — Early 20th Centuries*. Nalchik: Republican Polygraph Combine named after the Revolution of 1905, 2007 (in Russian)].

Эсадзе С. Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907 [Esadze S. E. *Historical Note on the Administration of the Caucasus. Vol. 1*. Tiflis: Gutenberg Printing House, 1907 (in Russian)].

Информация об авторе

Абазов Алексей Хасанович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия; alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.04.2026; одобрена рецензентами 15.05.2026; принята к публикации 17.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexey Kh. Abazov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Research — a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia; alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 11.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 17.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(470.67+470.62)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-250-270>

Дагестанские ремесленники и предприниматели в Кубанской области: из истории оружейного производства в конце XIX — начале XX в.

Сергей Вадимович Талантов

Независимый исследователь, Москва, Россия,

talantovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2296-7225>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы ювелирного производства в Кубанской области в конце XIX — начале XX в. с особым вниманием к деятельности дагестанских мастеров, занимавшихся изготовлением и отделкой оправ для холодного оружия. В работе анализируется практика отходничества дагестанских ремесленников, обусловленная социально-экономическими условиями региона и трансформацией традиционных промыслов. Показано, что рост спроса на украшенное оружие со стороны Кубанского казачьего войска, а также развитие железнодорожной сети и «эпоха частных заказов» клинков на Златоустовской фабрике способствовали формированию устойчивых производственно-торговых связей между Кубанской областью и Дагестаном. Впервые вводятся в научный оборот имена ранее неизвестных ювелиров и предпринимателей — владельцев мастерских и магазинов «азиатских товаров». Отдельное внимание уделено ассортименту изделий, технологиям отделки, формам сотрудничества мастеров с войсковым начальством и частными предпринимателями, а также влиянию конкуренции и пробирного надзора на развитие промысла. Делается вывод о значительной роли дагестанских серебряных дел мастеров в формировании художественного облика холодного оружия и снаряжения, бытовавшего в Кубанской области на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Кавказский край, Кубанская область, Дагестанская область, холодное оружие, шашка, кинжал, серебряных дел мастер, дагестанские ювелиры, Кубанское казачье войско

Для цитирования: Талантов С. В. Дагестанские ремесленники и предприниматели в Кубанской области: из истории оружейного производства

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

в конце XIX — начале XX в. *Ориенталистика*. 2026;9(2):250–270. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-250-270>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-250-270>

History studies

Daghestani craftsmen and entrepreneurs in the Kuban region: from the history of weapons production in the late 19th — early 20th centuries

Sergey V. Talantov

Independent researcher, Moscow, Russia,
talantovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2296-7225>

Abstract. This article examines jewelry production in the Kuban region in the late 19th and early 20th centuries, with a particular focus on the work of Daghestani artisans who crafted and decorated bladed weapon mounts. The paper analyzes the seasonal work of Daghestani artisans depending on the local social and economic conditions and the transformation of traditional crafts. It is shown that the growing demand for decorated weapons from the Kuban Cossack Host and the development of the railway network construction, together with the so-called “era of private orders” for blades at the Zlatoust Factory, contributed to the formation of stable production and trade ties between the Kuban region and Daghestan. For the first time, the names of previously unknown jewellers and entrepreneurs, owners of workshops and stores selling “Asian goods” become widely known to the scholars. Special attention is paid to the range of products, finishing techniques, and forms of collaboration between craftsmen and military commanders and private entrepreneurs, as well as the influence of competition and assay supervision on the development of the craft. It is concluded that Daghestani silversmiths played a significant role in shaping the artistic appearance of bladed weapons and equipment used in the Kuban region at the turn of the 20th century.

Keywords: Caucasus region, Kuban region, Daghestan region, bladed weapons, sabre, dagger, silversmith, Daghestani jewelers, Kuban Cossack Host

For citation: Talantov S. V. Daghestani craftsmen and entrepreneurs in the Kuban region: from the history of weapons production in the late 19th — early 20th centuries. *Orientalistica*. 2026;9(2):250–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-250-270>.

Вопросы, связанные с историей ювелирного производства в Кубанской области в конце XIX — начале XX в., в том числе — изготовлением оправ для холодного оружия, частично уже изучены. В известном труде Э. Г. Аствацатурян «Оружие народов Кавказа», заслуженно считающимся базовым исследованием кавказского оружия XIX–XX вв., основное внимание уделено изучению

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

центров производства оружия, а также определению места производства предметов вооружения по характерному для отдельных областей региона орнаменту. Очевидно, относительно небольшое число мастеров из Дагестана, работавших в Кубанской области (по сравнению с их числом в административном центре Терской области — г. Владикавказе), не позволило автору рассмотреть их отдельно в одной из глав, выделив в локализованную группу. Тем не менее фундаментальный факт практики отходничества дагестанских ремесленников в Кубанскую область нашел отражение в главе «Дагестан» упомянутого труда [Аствацатурян, 2004]. При этом в работах Э. Г. Аствацатурян раннего периода, носящих характер научной справочной литературы, приведены имена ювелиров из Дагестана, работавших в различных населенных пунктах Кубанской области [Аствацатурян, 1982]. Первоисточники, к которым обращалась автор, можно условно разделить на следующие три группы: к первой относятся журналы осмотра заведений, занимавшихся производством и продажей золотых и серебряных изделий, в которых упомянуты нарушители пробирного устава, 1900–1915 гг., ко второй — справочники конца XIX — начала XX в., содержащие имена владельцев торгово-промышленных предприятий Кубанской области, к третьей — сведения от информантов, собранные в ходе этнографических экспедиций [Аствацатурян, 1977, с. 251, 263–267].

В работе Б. Е. Фролова «Холодное оружие кубанских казаков», являющейся фундаментальным исследованием по заявленной в ее названии теме, приведены имена дагестанских мастеров, занимавшихся изготовлением украшенных оправ для холодного оружия в Кубанской области в 1890–1910 гг., выявленные автором при изучении дел из фондов ГАКК [Фролов, 2009, с. 263–266].

В исследовании М. Ш. Шигабудинова рассмотрены причины и особенности отходничества из Дагестана на рубеже XIX–XX вв. [Шигабудинов, 2000]. Отдельного внимания в историографии удостоился и феномен отходничества ювелиров, прежде всего — лакских, которому посвящен ряд исследований, опубликованных в XX в. Это статьи Дж.-М. С. Габиева [Габиев, 1973], Н. М. Ильчука [Ильчук, 1958]. Ими было отмечено, что профессии и специализация отходников не были ограничены оружейным и ювелирным промыслами: широкое распространение, к примеру, также получила практика отхода дагестанских мастеров-лудильщиков.

В результате изучения массива документов Златоустовской оружейной фабрики автором этой статьи были идентифицированы ранее неизвестные имена ювелиров — выходцев из Дагестана, владевших производственно-торговыми предприятиями в Кубанской области в начале XX в. Сведения, содержащиеся в ряде изученных документов, позволяют уточнить и дополнить представления об ассортименте и вариантах отделки изделий. Также проанализировано содержание ряда документов Пробирной части Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности, касающихся вопросов, связанных с практикой отходничества кустарей из Дагестана.

Переходя к анализу архивных материалов, в качестве исторического пролога процитирую текст «соображения» Кавказского кустарного комитета 1906 г., изложенного в контексте рассмотрения вопросов, связанных с пробирным надзором: «Дагестанские горцы, вследствие крайне неблагоприятных

для земледельческого труда местных условий, не могут существовать без посторонних заработков, выражающихся в различных кустарных промыслах, развившихся в Дагестане с незапамятных времен. Что касается, в частности, серебряного промысла, то эта отрасль местного кустарничества начинает развиваться за последние десятилетия вследствие падения оружейного промысла ввиду последовавших со стороны правительства ограничений свободного изготовления огнестрельного оружия. Кустари, занятые прежде оружейным делом и изготовлением серебряных украшений к оружию, оказались вынужденными заняться чисто серебряным промыслом и производством предметов роскоши, а не постоянного обихода, каким в прежние годы являлось оружие. Прежний оружейник-лезгин получал заказы не только из разных частей Кавказа, но и из Персии и Закаспийской области. Лучшие дагестанские оружейники имели свои клейма, и слава их распространялась по всей Передней Азии до Константинополя включительно. При таких счастливых условиях большой заработок имели и рядовые кустарники, не выходя из своей деревни. Возникновение вместо оружейного дела нового промысла — серебряного, не производящего предмета первой необходимости, понудило дагестанского кустика искать рынок для сбыта своих изделий далеко за пределами Дагестанской области. В прежнее время изготовленные на месте предметы собирались несколькими предприимчивыми лицами, которые со своим товаром отправлялись искать покупателей по всей России. Но для массы кустика такой способ сбыта через посредника оказался невыгодным, и теперь большинство горцев-серебряков с осени отправляются в разные города, устраивают там самые незначительные, чисто кустарные мастерские, и, становясь таким образом ближе к потребителям, увеличивают свой заработок и делают его прочным. К весне такой отхожий кустика со своим заработком возвращается домой в деревню и приводит свои домашние дела в порядок»¹.

Следует заметить, что отход ремесленников из Дагестана в российские города и крепости фиксируется уже в XVIII в. Так, письмом от 1 мая 1772 г. шамхал тарковский Муртазали просил кизлярского коменданта Ф. И. Паркера оказать возможное содействие мастерам-ювелирам, выехавшим в Кизляр для промысла: «Вашему высочородию, приятелю моему чрез сие объявляю, что при сем отправились ближнии мои люди до вас в Кизляр Юсуп и Мамат, которые умеют серебряное мастерство и будут тамо тем пропитатца» [*Русско-дагестанские отношения...*, 1988, с. 71].

К середине XIX в. основным направлением отхода дагестанских мастеров становятся области и губернии Закавказья [Аствацатурян, 2004, с. 248–249]. Этому процессу способствовала борьба государства с монополией цеховых объединений — амкарств в Тифлисе и других городах региона. В 1859 г. был принят закон, согласно которому ремесленникам, имеющим российское и иностранное подданство, разрешалось открывать свои мастерские независимо от амкарств [Двалишвили, 2023, с. 37].

После завершения Кавказской войны мастера из Центрального Дагестана, преимущественно из селений Кубачи и Кумух, начинают выезжать на зара-

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 6. Д. 383. Л. 72об.

ботки в населенные пункты Кубанской и Терской областей, где значительная доля спроса на отделку оружия в кавказском стиле была сформирована чинами Кубанского и Терского казачьих войск.

14 декабря 1871 г. было высочайше утверждено «Описание формы обмундирования и снаряжения генералов, штаб и обер-офицеров и нижних чинов Кубанского и Терского казачьих войск», согласно которому нижним чинам и офицерам конных полков полагались «кинжал азиатский, с произвольной отделкою» и «шашка азиатского² образца, с произвольной оправой» [*Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам...*, 1872, с. 312–313]. Таким образом, формально, у обоих войск оставалась свобода выбора в части внешнего вида холодного оружия. В соответствии с тем же «Описанием...», помимо «азиатского» холодного оружия, офицерам и казакам полагались и другие предметы, украшенные в кавказском стиле: пояс «из черного сыромятного ремня с пряжкой и набором серебряным», португеза «черного сыромятного ремня с серебряным металлическим набором», уздечка «из сыромятного кожаного ремня с серебряным набором», нагайка «азиатская» [*Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам...*, 1872, с. 308, 312–313, 316–317].

В конце 1860-х гг. начальство Кубанской области столкнулось с проблемой отсутствия местных мастеров, так как большинство ремесленников адыгского происхождения переселилось в Османскую империю. Так, в отношении начальника Войскового штаба Кубанского казачьего войска Главной конторе Златоустовских заводов и оружейной фабрики от 30 ноября 1869 г., касающемся заказа кинжалов, сообщается, что в приобретении холодного оружия «казаки встречают ныне затруднение, за высыланием в Турцию большинства кавказских горцев (бывших соседей войска), изготовлявших означенное оружие в большом количестве»³. Начальник Баталпашинского уезда в рапорте начальнику Кубанской области от 16 января 1875 г. сообщал: «Не только в Баталпашинске, но и в целой Кубанской области казаки лишены возможности заказать или купить себе оружие, так как нет ни оружейных мастерских, ни торговцев оружием» [Фролов, 2009, с. 114–115].

В 1870 г. «вольным мастерам Казикумухского округа Среднего Дагестана» Кубанским войском был сделан заказ на 1000 кинжалов, которые были изготовлены и доставлены в Екатеринодар в 1871 г. В 1884 г. офицер, осматривавший оружие 1-го Урупского конного полка Кубанского казачьего войска отметил, что «кинжальные клинки, около 700 экземпляров, выписаны полком в этом году из Закавказья⁴ от известного азиатского мастера Базала — клинки хороши, и вполне, и отделанный кинжал обошелся казакам довольно дешево — ничего подобного за эту цену казаки в вольной и отдельной⁵ продаже не могут найти» [Фролов, 2009, с. 228, 263].

² Определение «азиатский» в документе, очевидно, использовано в значении «кавказский».

³ АЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 2272. Л. 37.

⁴ Дагестанская область входила в состав Закавказского края.

⁵ Майкопский отдел Кубанской области.

Таким образом, в 1870–1880-е гг. устанавливаются деловые контакты между начальством Кубанского казачьего войска и частными предприятиями по производству холодного оружия, работавшими в Дагестанской области. Вместе с этим увеличивается число отходников в Кубанской области. Б. Е. Фролов отмечал следующее: «По мере развития отходничества все большее количество контрактов заключается в самой Кубанской области. В 1876 г. в Екатеринодаре оформлением оружия занимался серебряных дел мастер Казаметов. В 1878 г. оружейным мастером Майкопского военного отдела состоял Мамаев, в станице Новонижестеблиевской работал «мастер отделки» Ахвердов» [Фролов, 2009, с. 263].

В тот же период начинается активное сотрудничество Кубанского войска со Златоустовской оружейной фабрикой. По заказам 1876 и 1877 гг. фабрикой были изготовлены 6000 кинжалов с клинками так называемого «дагестанского типа» — с одним асимметричным долом на каждой стороне клинка [Фролов, 2009, с. 230]. С 1886 г. войско переходит на «терский образец» — четырехдольный кинжальный клинок, образец которого был разработан в Войсковой мастерской Терского казачьего войска в 1880 г. [Талантов, 2023, с. 337]. По первым трем заказам 1870–1880-х гг. фабрикой были поставлены кинжалы без ножен (клинки, собранные с рукоятками). Таким образом, в войске возникла необходимость в изготовлении ножен и оправ к ним.

Увеличение числа дагестанских ювелиров в регионе, как представляется, в значительной мере связано с началом «эпохи частных заказов» — периода сотрудничества Златоустовской оружейной фабрики с частными заказчиками из Кубанской области, достигшего наибольших масштабов в 1888–1904 гг. Очевидно, начало этой эпохи связано со строительством железных дорог на Северном Кавказе в 1870–1890-е гг., способствовавшем развитию экономики [Киреев, 2021, с. 82–90]. Ростово-Владикавказская железная дорога (с 1885 г. — Владикавказская железная дорога) постепенно связала регион сетью веток. В 1874 г. была открыта станция Тихорецкая. Ветка Тихорецкая–Новороссийск, строительство которой началось в 1885 г., была полностью открыта в 1888 г., а ее участок от Тихорецкой до Екатеринодара был запущен в эксплуатацию летом 1887 г. В 1888 г. был построен железнодорожный вокзал в Екатеринодаре [Субботин, 2013, с. 18–21].

Первыми заказчиками крупных партий клинков стали купцы армянского происхождения, владевшие в городах и крупных станицах Кубанской области магазинами «азиатских товаров», в которых продавалось обмундирование и снаряжение для казаков. Партии клинков регулярно заказывали Алахвердиев, Тамазов, Эрганов, имевшие магазины в Екатеринодаре, Багдасаров — в Майкопе, Бештавов — в Темрюке, Давидов (Давыдов) — в Армавире [Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год..., 1901, с. 65–66]. Особое место в истории частных заказов занимает Давид Захарович Арутюнов, купец из станицы Уманской Ейского отдела, переселившийся с братьями в Кубанскую область из Телавского уезда Тифлисской губернии. В 1888 г. он посетил Златоуст и завел личное знакомство с руководством фабрики, после чего началось их многолетнее сотрудничество. В 1890-х гг. Д. З. Арутюнов являлся одним из крупнейших частных заказчиков, сотрудничавших со Златоустовской фаб-

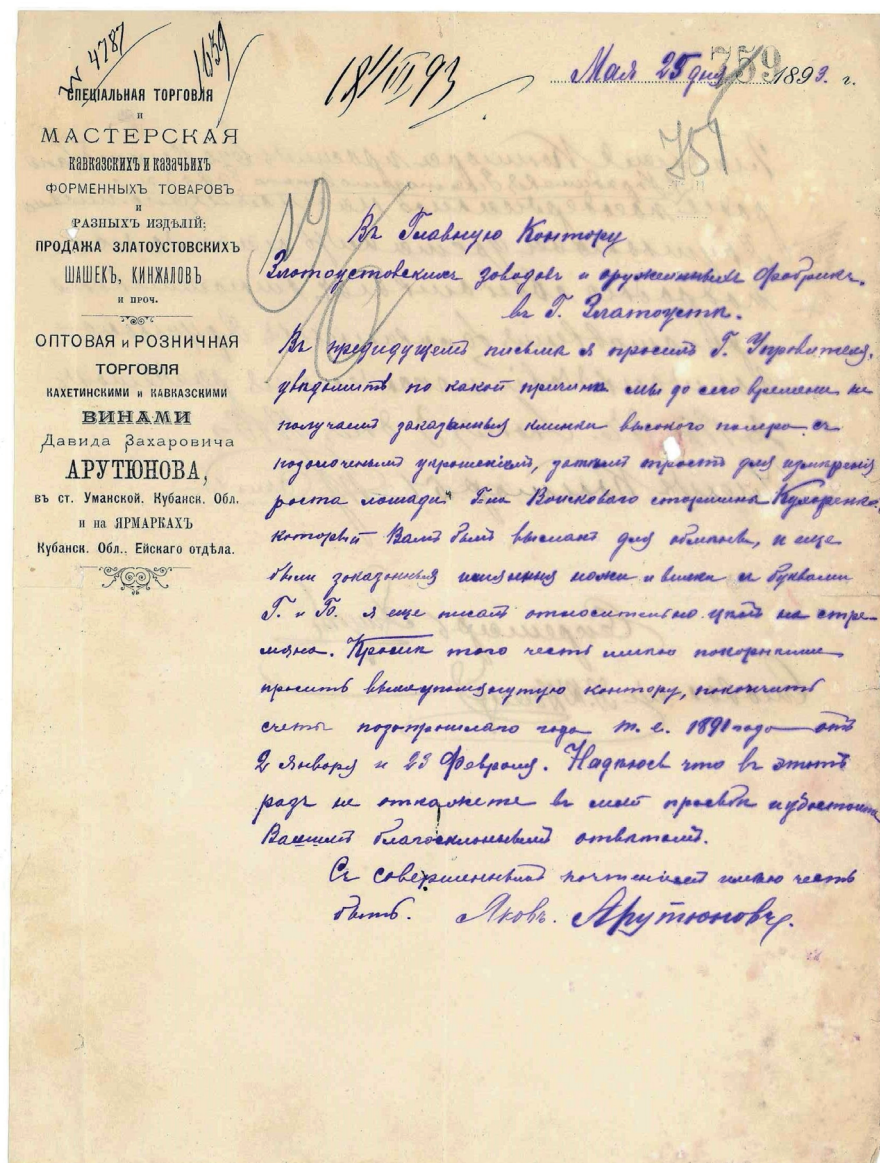
рикой (илл. 1). Судя по тому, что в справочнике «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год» упомянуты три магазина «азиатских товаров», принадлежавших Арутюнову — в станицах Уманской и Куцевской, а также в г. Ейске, его коммерческая деятельность в 1890-х гг. имела значительный успех [Талантов, 2024, с. 460].

Среднее количество клинков, заказываемых коммерсантами на Златоустовской фабрике в «эпоху частных заказов», составляло 200–300 штук в год. Крупные магазины приобретали более 500 клинков ежегодно. К примеру, по заказу Эрганова, упомянутого выше, в 1901 г. фабрикой было изготовлено и отправлено в Екатеринбург 500 кинжальных и 200 шашечных клинков [Талантов, 2024, с. 482].

Клинки, получаемые с фабрики, «одевались» на месте: к ним изготавливались рукоять, ножны и металлическая оправа. Для выполнения этих работ требовались соответствующие производительные силы. Кинжалы и шашки, собранные с клинками, приобретавшимися большими партиями для вооружения нижних чинов, чаще всего имели оправу из мельхиора. Оружие с клинками, изготовленными фабрикой по индивидуальным заказам, обычно имело оправу из серебра, украшенного в технике гравировки и черни. Помимо оправ для холодного оружия, также существовал спрос на отделку украшенным металлом портупей, поясов, револьверных кобур и конского снаряжения. Предметами стабильного спроса также являлись украшенные колпачки для газырных трубок, а также дополнительные украшенные элементы в виде лунниц и цепочек к ним.

Таким образом, возникли предпосылки для приезда на заработки ремесленников из Дагестанской области. Можно предположить, что в мастерских при некоторых магазинах «азиатских товаров» работали выходцы из Дагестана, нанятые владельцами для отделки предметов вооружения и снаряжения. Позже при наличии необходимых финансовых средств дагестанские серебряники могли открывать собственные производственно-торговые предприятия и принимать заказы лично. При этом сотрудничество с магазинами в части изготовления оправ для оружия и деталей снаряжения могло продолжаться. В пользу этого говорит ряд косвенных признаков, в том числе рост количества магазинов «азиатских товаров», принадлежавших выходцам из Дагестана, в первом десятилетии XX в. в тех же населенных пунктах, где уже находились магазины, принадлежавшие купцам армянского происхождения. При этом имеются примеры, когда известные «старые» магазины прекращали деятельность, а «новые» продолжали или начинали работать. Так, в разделе «Азиатские товары» справочника «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1905 год» магазин Д. З. Арутюнова в станице Уманской еще упомянут, а в том же справочнике на 1908 г. упоминание о нем уже отсутствует [Вся Донская область и Северный Кавказ на 1905 год..., 1905, с. 7; Вся Донская область и Северный Кавказ на 1908 год..., 1908, с. 159]. При этом в 1908 г. в станице продолжало работать предприятие, принадлежавшее Али Гусейн-Оглы Исупову⁶. Первое упоминание об этом магазине встречается в том же справочнике на 1903 г.,

⁶ Вероятно, форма фамилии Юсупов.

Илл. 1. Письмо Якова Арутюнова управителю Златоустовской оружейной фабрики на фирменном бланке предприятия Давида Захаровича Арутюнова от 25 мая 1893 г. [АЗГО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 257. Л. 751]

Fig. 1. Letter from Yakov Arutyunov to the manager of the Zlatoust arms factory on the letterhead of David Zakharovich Arutyunov's company, dated May 25, 1893 [AZGO. Fund I-18. Ref. 1. Case 257. Fol. 751]

последнее — в справочнике на 1911 г. [*Вся Донская область и Северный Кавказ на 1903 год...*, 1903, с. 175; *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1911 год...*, 1911, с. 7]. Любопытно, что к 1911 г. в той же станице открывается магазин Габибулы Омар-Гаджи-Оглы, не упоминавшийся ранее. При этом в справочнике на 1912 г. магазин Исупова в станице Уманской уже не фигурирует, а предприятие, принадлежавшее Габибуле Омар-Гаджи-Оглы, судя по упоминанию в соответствующем разделе, продолжало работать [*Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год...*, 1912, с. 7].

Небольшие партии клинков на Златоустовской фабрике также заказывали предприятия, занимавшиеся изготовлением и продажей конского снаряжения. Так, владелец шорно-седельной мастерской в станице Платнировской Тит Сидорович Терещенко письмом от 21 мая 1913 г. заказал на Златоустовской фабрике 15 шашечных и 15 кинжальных клинков (илл. 2)⁷. Можно предположить, что подобные предприятия также сотрудничали с дагестанскими мастерами, которые помимо украшения седел и сбруи могли принять подряд на изготовление рукоятей, ножен и оправ к клинкам.

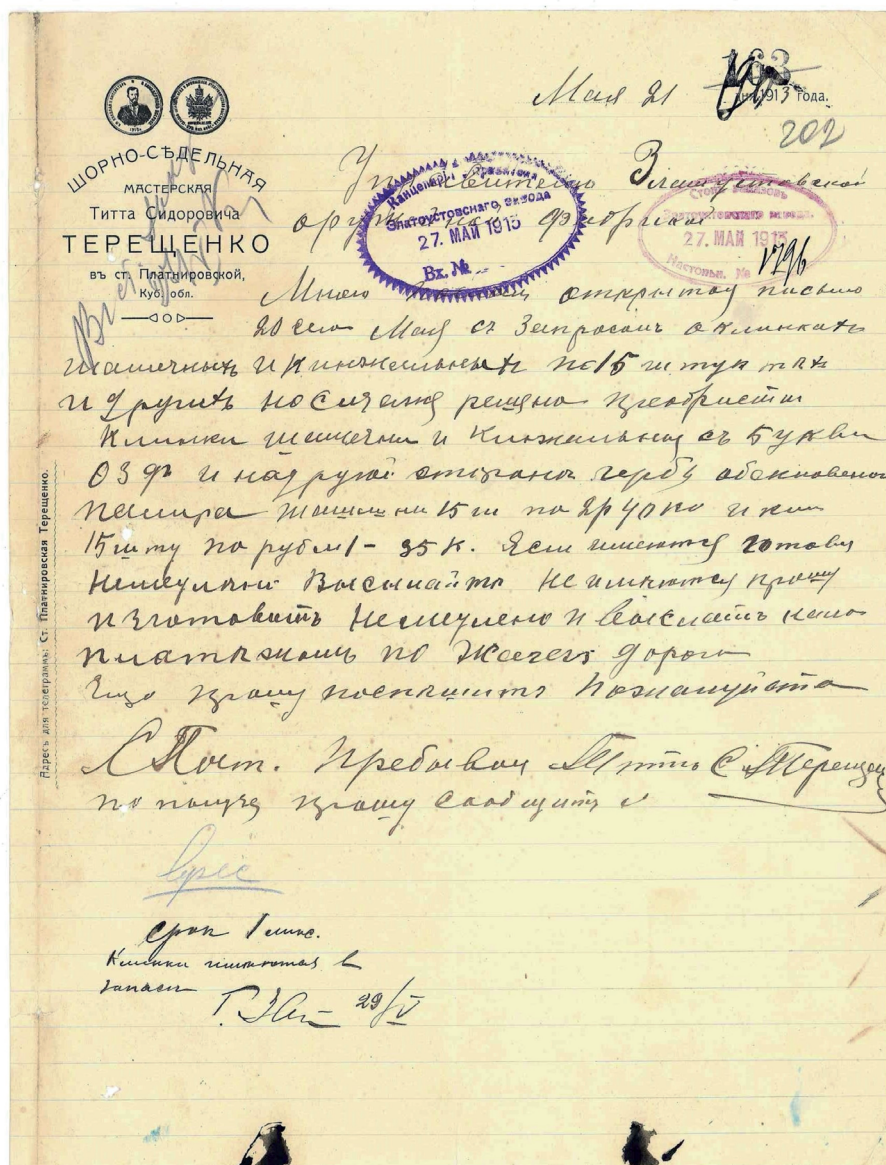
В некоторых случаях практика отходничества имела классический для этой деятельности сезонный характер. Заработки позволяли улучшить материальное положение семей отходников и организовать на родине дополнительную коммерческую деятельность, не связанную с ремеслом. Так, житель Казикумухского округа Дагестанской области Омар Али-Оглы — один из мастеров, занимавшихся в Лабинском отделе изготовлением оправ для казачьих шашек и кинжалов, в прошении, поданном на имя начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска в 1896 г., сообщает, что он первым в округе «завел керосиновый двигатель и молот хлеба»⁸. В 1893–1896 гг. Омар Али-Оглы изготовил мельхиоровые оправы «под чернение» к 950 шашкам и 370 кинжалам [Фролов, 2009, с. 264].

Следует заметить, что многие мастера начинали свою деятельность в Кубанской области с сотрудничества с войсковым начальством и управлениями отделов, занимаясь отделкой «казенных» клинков. Войсковые подряды на изготовление оправ обеспечивали мастеров стабильной работой и соответствующим доходом. В дальнейшем, заработав первоначальный капитал и стремясь к автономной деятельности, они самостоятельно заказывали партии клинков на Златоустовской оружейной фабрике и продавали собранные изделия казакам. В этом случае фактически происходила трансформация ремесленника в частного предпринимателя, владельца производственно-торгового предприятия.

Приведем пример такой трансформации на примере братьев Юнуса Ибрагим-Оглы и Али Бита-Оглы Керимовых. В первой половине 1890-х гг. они становятся крупными подрядчиками войска. В 1893 г. управление Лабинского отдела заключило с братьями контракт на «обделку» кинжальных и шашечных клинков златоустовского производства, выписываемых из войсковой мастер-

⁷ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 202.

⁸ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6963. Л. 5–5об.

Илл. 2. Письмо Тита Сидоровича Терещенко управителю Златоустовской оружейной фабрики на фирменном бланке предприятия от 21 мая 1913 г. [АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 202]

Fig. 2. Letter from Tit Sidorovich Tereshchenko to the manager of the Zlatoust Arms Factory on the company's letterhead, dated May 21, 1913 [AZGO. Fund I-20. Ref. 1. Case 2165. Fol. 202]

ской⁹. В конце 1890-х гг. Керимовы уже самостоятельно заказывали партии клинков на Златоустовской фабрике. К примеру, в 1899 г. Юнусом Ибрагим-Оглы Керимовым были заказаны 246 штук кубанских¹⁰ шашечных клинков — 200 штук первого сорта и 46 штук второго сорта, а также 100 штук кубанских кинжальных клинков второго сорта и 200 штук кинжальных пластунских¹¹ клинков второго сорта¹². В справочнике «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год» Юнус Ибрагим-Оглы Керимов упомянут уже как владелец магазина «азиатских товаров» в Екатеринодаре [*Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год...*, 1901, с. 65].

Одним из крупнейших частных заказчиков златоустовских клинков являлся кубачинец Курбан Кабука-Оглы¹³, имевший мастерскую в хуторе Романовском Кавказского отдела Кубанской области. В 1901 г. по его заказам фабрика приготовила и отправила 332 кинжальных и 170 шашечных клинков [Талантов, 2024, с. 482]. Сохранилось письмо мастера, отправленное руководству Златоустовской фабрики 29 сентября 1911 г., которым он заказал 200 кинжальных и 100 шашечных клинков второго сорта (илл. 3)¹⁴. На рубеже XIX–XX вв. партии клинков также регулярно заказывал владелец мастерской в Майкопе Абдусалам Омар Кадие-Оглы [Талантов, 2024, с. 461].

Помимо клинков со стандартными украшениями в виде картушей, нанесенных травлением, стоимость которых не превышала 3–5 рублей, владельцы мастерских в Кубанской области заказывали и более дорогие, богато украшенные изделия. Так, по заказу Али Ибрагимова, владевшего мастерской и магазином в Екатеринодаре, в 1905 г. Златоустовской оружейной фабрикой были изготовлены 10 «клинков (шашечных. — С. Т.) кавказск[их] особ[ого] обр[азца] с трав[ленным] золоченым по синему фону украшением на 5 [дюймов] никелиров[анных]» стоимостью 10 рублей 25 копеек за штуку¹⁵.

Изготовлением оправ для холодного оружия в Екатеринодаре также занималась мастерская Абдула Юсуп-Хаджи-Оглы Хаджи-Мирзаева. Здесь в 1902 г. были изготовлены оправы для кинжальных клинков из партии, поставленной в Кубанское войско владикавказским предприятием Гузуна Гузунова¹⁶, о которой также будет упомянуто ниже [Фролов, 2009, с. 266].

⁹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6963. Л. 17.

¹⁰ Определение «кубанский» в документе использовано в значении «образца Кубанского казачьего войска».

¹¹ Определение «пластунский» в документах Златоустовской оружейной фабрики использовалось применительно к кинжальным клинкам кубанского образца увеличенной длины: 39 см вместо стандартных 33 см. Для клинков стандартной длины использовалось определение «кавалерийский» [Талантов, 2024, с. 500].

¹² АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 651. Л. 85, 86об., 96.

¹³ Сведения о происхождении мастера сообщены его потомком Гаджикурбаном Абакаровичем Кабукаевым. Автор выражает благодарность Шапи Абдулкадировичу Куртаеву (с. Кубачи, Республика Дагестан) за помощь в поиске информации.

¹⁴ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 117.

¹⁵ АЗГО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 626. Л. 44об.

¹⁶ Серебряных дел мастер, владелец производственно-торгового предприятия

Министерству
торговли и промышленности.
Управлению Златоустовского завода
и оружейной фабрики
по почте
сего вышлите малой скор.
100 шт. Кинж. № 1914
50 ~ ~ ~ ~ ~
и еще вышлите через медальон
100 шт. Кинж. № 1914
50 ~ ~ ~ ~ ~
все сдайте наложен. пл.
а тридцать руб. пусть оста-
ет за вами,
С уважением,
Курбан Кабука Оглы
Кут. Романовский куд. Оглы
при Станции Кавказской
Сент. 29/1911.

Илл. 3. Письмо Курбана Кабука-Оглы управителю Златоустовской оружейной фабрики на почтовой карточке от 29 сентября 1911 г. [АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 117]

Fig. 3. Letter from Kurban Kabuka-Ogly to the manager of the Zlatoust arms factory on a postcard dated September 29, 1911 [AZGO. Fund I-20. Ref. 1. Case 2165. Fol. 117]

Выявлены письма на бланках производственно-торговых предприятий Кубанской области, принадлежавших выходцам из Дагестана, адресованные управителю Златоустовской оружейной фабрики, содержащие ряд сведений, позволяющих дополнить и уточнить имевшиеся ранее представления о деятельности этих предприятий.

Так, в письме владельца «специальной мастерской золотых и серебряных изделий» в Баталпашинске Хаджи-Мамма Ахмедова, датированном 16 февраля 1913 г., уточняются условия заказа шашечных и кинжальных клинков (илл. 4). Обратим внимание, что мастер просит выслать заказ «как можно скорее, ибо на товар [есть] большой спрос». Из текста письма также можно узнать о некоторых деталях логистики: груз с клинками из Златоуста следовало отправить на станцию Невинномысскую Владикавказской железной дороги. Заметим, что в тексте шапки бланка также упомянуты «златоустовские шашки и кинжалы»¹⁷.

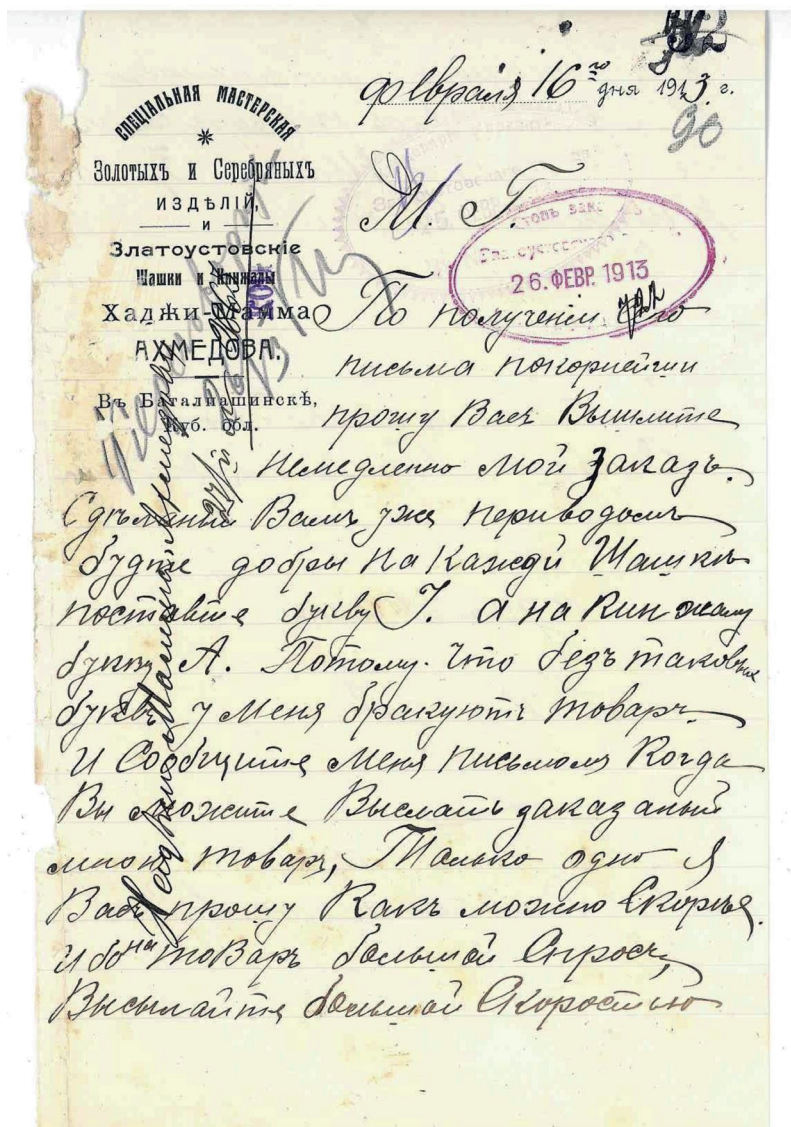
Особый интерес представляет письмо выходца из селения Кубачи¹⁸ Гаджи-Магомета Магометова, владевшего вместе со своим братом Али-Гаджи мастерской и магазином в Армавире, от 2 июня 1913 г., адресованное управителю Златоустовской оружейной фабрики. Текст письма написан на фирменном бланке, содержащем ряд подробных сведений, позволяющих составить достаточно полное представление о деятельности предприятия (илл. 5). Так, «Кавказский магазин» братьев Магометовых был расположен по адресу: с. Армавир, ул. Вороньянская д. 4, дом Каспарова. Под названием и адресом магазина слева напечатано изображение государственного герба, под которым расположен вензель с надписью «Почетный диплом», справа — изображение аверса и реверса медали Признательного императорского Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства и следующие надписи: «1910 года» и «Большая серебряная медаль», соответственно, над и под изображением медали.

В левой верхней части бланка содержится отпечатанный блок с рекламной информацией. Документ позволяет получить представление об ассортименте и видах деятельности, которыми занималось производственно-торговое предприятие братьев Магометовых. Помимо продажи холодного оружия, в том числе «казенных шашек и кинжалов» с клинками златоустовского производства, и «азиатских кавказских золотых и серебряных вещей», магазин предлагал «каракули разных цветов», листовое золото и серебро. Также на бланке указано, что «специальная мастерская при магазине принимает заказы на золотые, серебряные, костяные и стальные вещи». Среди вариантов отделки, помимо «ажурных» и «чеканных», упомянуты изделия «с эмалью». В конце рекламного текста уточняется, что магазин покупает лом золота и серебра.

в г. Владикавказе. Выходец из с. Кумух Кази-Кумухского округа Дагестанской области [Аствацатурян, 2004, с. 126].

¹⁷ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 96–96об.

¹⁸ Автор выражает благодарность Гаджи Гаджирабадановичу Каммагаджиеву (с. Кубачи, Республика Дагестан) за предоставленную информацию о происхождении братьев Магометовых.

Илл. 4. Письмо Хаджи-Мамма Ахмедова управителю Златоустовской оружейной фабрики на фирменном бланке предприятия от 16 февраля 1913 г. Изображение оборотной стороны не публикуется [АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 96]

Fig. 4. Letter from Hadji-Mamma Akhmedov to the manager of the Zlatoust arms factory on the company's letterhead, dated February 16, 1913. The image of the reverse side is not published [AZGO. Fund I-20. Ref. 1. Case 2165. Fol. 96]

Илл. 5. Письмо Гаджи-Магомета Магометова управителю Златоустовской оружейной фабрики на фирменном бланке предприятия от 2 июня 1913 г. [АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 187]

Fig. 5. Letter from Gadzhi-Magomet Magometov to the manager of the Zlatoust arms factory on the company's letterhead, dated June 2, 1913 [AZGO. Fund I-20. Ref. 1. Case 2165. Fol. 187]

Заметим также, что в тексте письма упомянут адрес проживания Г.-М. Магометова в Армавире: ул. Генерала Засса, д. 98¹⁹.

Рост числа мастеров в Кубанской и Терской областях неизбежно приводил к увеличению конкуренции, которая, в свою очередь, влияла на заработок. В прошении дагестанских серебряков, работавших во Владикавказе, поданном кавказскому наместнику в 1906 г., вместе с просьбой об уменьшении пробирной пошлины, взимаемой с их изделий, объяснены причины сокращения доходов от промысла: «Издrevле, благодаря страшному малоземелью, население Дагестанской области принуждено заниматься кустарными ремесленными промыслами. Так как продукты этого труда на находят сбыта у нас на родине, то мы принуждены уходить далеко в отхожие промыслы от своей родины-Дагестана, оставляя там свои семьи, родню, дома и клочки земель, неся в то же время все натуральные повинности и уплачивая казенные и мирские подати по своим обществам. Всему окружающему нас горскому населению Кавказа мы показываем пример мирного упорного труда, и поистине зарабатываем себе кусок хлеба в поте лица, ибо труд наш серебряков в высшей степени кропотливый и тяжелый, начиная с момента обучения ему, и кончая должностью мастера и самостоятельного хозяина. Производимые нами вещи исключительно служат украшением туземных и казачьих костюмов и оружия, и сбыт их крайне ограничен; благодаря конкуренции и увеличения числа кустарей, благодаря малоземелью, наше ремесло из года в год все падает, большинство из нас не может выйти из постоянных долгов, забирая в кредит металл на обработку иногда за тяжелые проценты»²⁰.

Очевидно, что при благоприятных экономических условиях должен был происходить процесс слияния и укрупнения мастерских. Однако из-за событий, связанных с революцией и Гражданской войной, произошло значительное падение спроса, что привело к упадку промысла.

Также следует отдельно упомянуть о дагестанских мастерах, работавших в черкесских аулах. Очевидно, помимо оправ для оружия и деталей конского снаряжения, значительную долю ассортимента их изделий занимали женские украшения. Принимая во внимание, что женский костюм и аксессуары к нему в традиционном обществе являются достаточно консервативными элементами материальной культуры, можно сделать вывод о том, что мастера, работавшие в аулах Кубанской области, ориентировались как на местные представления о стиле украшения и надлежащем виде изделий, так и привнесли типичные для Дагестана орнаменты и технику [Студенецкая, 1989, с. 208]. Известны имена выходцев из Дагестана, работавших в аулах Кошехабль — Яхъя Кадиев, Сулейман, Умар, и Хакуринохабль — братья Барок и Шариф Куваевы (Кушаевы), Джабраил Табасараев [Аствацатурян, 1977, с. 153–154]. Примечательно, что некоторые местные жители, также занимавшиеся ювелирным промыслом, учились ремеслу у дагестанских мастеров, на что указывает Е. Н. Студенецкая [Студенецкая, 1989, с. 208].

¹⁹ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2165. Л. 187.

²⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 6. Д. 383. Л. 71.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об изготовлении клинков в Кубанской области в конце XIX — начале XX в. Частично спрос на кинжальные клинки работы кавказских мастеров в регионе был сформирован кубанскими казаками. К 200-летию Кубанского казачьего войска в 1896 г. екатеринодарской мастерской Сулеймана²¹ были изготовлены украшенные кинжалы и шашки с мемориальными надписями [Фролов, 2009, с. 264]. Судя по известным предметам в частных собраниях и письменным источникам, в конце 1890-х — начале 1900-х гг. предприятием братьев Керимовых, упоминавшихся выше, для Кавказского и Черноморского конных полков Кубанского казачьего войска были поставлены партии клинков, вероятно, собственного производства, с клеймом «КЕРИМОВЫ» [Фролов, 2009, с. 265]. Формальным основанием для приобретения казаками кинжалов с клинками кавказского производства в начале XX в. являлся приказ по Военному ведомству 1900 г. № 7, согласно которому «казакам Кавказских казачьих войск» предоставлялось право «иметь на вооружении кинжалы местного производства при том условии, чтобы таковые соответствовали утвержденному подлежащим наказным атаманом образцу». В соответствии с описанием, выработанным комиссией, учрежденной при Войсковом штабе, владикавказским предприятием Гузуна и Магомеда Гузуновых и екатеринодарским — Сулеймана Юсупова — были изготовлены клинки, одобренные в качестве образцовых приказом по Кубанскому казачьему войску от 16 ноября 1900 г. № 117.

К сожалению, известные ранее и выявленные автором статьи источники не содержат достаточных сведений, которые позволили бы в полной мере оценить масштаб клинкового производства в регионе. Отсутствие в известной литературе сведений и изображений холодного оружия с клинками с клеймами (за исключением упомянутых выше Сулеймана Юсупова и Керимовых), которые были бы атрибутированы как изделия мастеров, работавших в Кубанской области, говорит о том, что клинковое производство в регионе не получило широкого распространения. Очевидно, владельцами кубанских ювелирных мастерских, помимо изделий златоустовского и местного производства, приобретались клинки, изготовленные в Терской и Дагестанской областях. В контексте этого стоит упомянуть о факте поставки в Кубанское войско 330 клинков производства владикавказской мануфактуры Гузунова в 1901 г. [Фролов, 2009, 266].

В период Первой Мировой войны кавказские (дагестанские) оружейники становятся субподрядчиками Екатеринодарской военно-ремесленной школы, снабжавшей кинжалами Кубанское войско. За первые четыре месяца 1917 г. в школу мастерами было поставлено 2883 кинжальных клинка, из которых 500 штук изготовил мастер Дарсан, 1083 штуки — Гасан Гасанов, 1300 штук — А. Гусейнов [Фролов, 2009, с. 267].

После установления советской власти спрос на холодное оружие в регионе сократился до минимума. Этнограф-кавказовед Л. И. Лавров отмечал, что «с 1920 г. адыгейцы, как и казаки, перестали носить кинжалы, ставшие после этого лишь настенным украшением» [Лавров, 1982, с. 13]. Описывая экспеди-

²¹ Вероятно, здесь имеется в виду Сулейман Юсупов, речь о котором пойдет ниже.

цию 1936 г., ученый заметил следующее: «На улицах Баталпашинска не видел никого с кинжалом на поясе. Черкесы, абазины и ногайцы, не говоря уже о казаках, перестали его носить» [Лавров, 1982, с. 44].

История отходничества дагестанских оружейных и ювелирных мастеров в Кубанскую область иллюстрирует изменения, произошедшие в Кавказском крае в пореформенный период. Государство, включив всю территорию Восточного и Западного Кавказа в экономическое и правовое пространство империи, обеспечило необходимую для развития экономики безопасность. Таким образом, были созданы предпосылки для миграции значительного числа ремесленников из Дагестанской области в соседние регионы. В Кубанской области спрос на оружие с отделкой в стиле, характерном для местной традиции украшения металла, формировали кубанские горцы — адыги и другие кавказские народы. Чинами Кавказских казачьих войск, а также офицерами регулярных частей российской армии, дислоцированных в регионе, был сформирован и поддерживался стабильный спрос на холодное оружие, украшенное в кавказском стиле с учетом особенностей моды, сложившейся в армейской и казачьей среде. Многолетняя практика заказов клинков на Златоустовской оружейной фабрике владельцами ювелирных предприятий свидетельствует об интеграции выходцев из Дагестана в экономическое пространство Российской империи. В свою очередь, дагестанские мастера оказали заметное влияние на формирование художественного облика украшенного оружия, бытовавшего в Кубанской области в конце XIX — начале XX в.

Список сокращений / Abbreviations

АЗГО — Архив Златоустовского городского округа (Златоуст) [Archive of the Zlatoust City District (Zlatoust)].

ГАКК — Государственного архива Краснодарского края (Краснодар) [State Archive of the Krasnodar Kray (Krasnodar)].

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) [Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)].

Список литературы / References

1. Аствацатурян Э. Г. *История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX — начале XX в. Дагестан и Закавказье*. Ч. II. М.: Наука, 1977 [Astvatsaturyan E. G. *History of Weapons and Silver Production in the Caucasus in the 19th and early 20th centuries. Daghestan and Transcaucasia*. Part 2. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].
2. Аствацатурян Э. Г. *Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела*. М.: Наука, 1982 [Astvatsaturyan E. G. *Index of Hallmarks and Names of Caucasian Craftsmen of Weapons and Silversmithing*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].
3. Аствацатурян Э. Г. *Оружие народов Кавказа*. СПб.: Атлант, 2004 [Astvatsaturyan E. G. *Weapons of the Peoples of the Caucasus*. St. Petersburg: Atlant, 2004 (in Russian)].
4. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Под ред. Д. С. Нейфельда. Ростов-на-

- Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1901 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1901. Book of Administration, Industry and Trade*. Ed. by N. S. Neyfeld. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1901 (in Russian)].
5. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1903 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1903 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1903. Book of Administration, Industry and Trade*. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1903 (in Russian)].
 6. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1905 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1905 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1905. Book of Administration, Industry and Trade*. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1905 (in Russian)].
 7. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1908 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1908 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1908. Book of Administration, Industry and Trade*. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1908 (in Russian)].
 8. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1911 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1911 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1911. Book of Administration, Industry and Trade*. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1911 (in Russian)].
 9. *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год. Книга администрации, промышленности и торговли*. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиана, 1912 [*The entire Don Region and the North Caucasus in 1912. Book of Administration, Industry and Trade*. Rostov-on-Don: Publ. of A. I. Ter-Abramyan, 1901 (in Russian)].
 10. Габиев Д.-М. С. *Лакское ювелирное искусство XIX–XX вв. Сборник трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности*. Вып. 7. М.: Легкая индустрия, 1973. С. 176–199 [Gabiev D.-M. S. *Lak Jewellery Art in the 19th and early 20th centuries. Research Institute of Art Industry. A collection of works*. Issue 7. Moscow: Legkaya industriya, 1973, pp. 176–199 (in Russian)].
 11. Двалишвили Л. Б. Оружейный ряд в Тифлисе в 30-х годах XVII — 20-х годах XX века. *Историческое оружиеведение*. 2023. № 12. С. 4–55 [Dvalishvili L. B. Armoury Row in Tiflis from the 1630s to the 1920s. *Historical Weapons Science*. 2023. No. 12, pp. 4–55 (in Russian)].
 12. Ильчук Н. М. Художественная обработка металла в лакском селении Кумух в XIX–XX вв. *Советская этнография*. 1958. № 3. С. 72–84 [Ilchuk N. M. Artistic metalworking in the Lak village of Kumukh in the 19th and 20th centuries. *Soviet Ethnography*. 1958. No. 3, pp. 72–84 (in Russian)].
 13. Киреев Ф. С. Из истории открытия Владикавказской железной дороги. *KAVKAZ-FORUM*. 2021. № 7(14). С. 82–90 [Kireev F. S. From the History of the Opening of Vladikavkaz Railroad. *KAVKAZ-FORUM*. 2021. No. 7(14), pp. 82–90 (in Russian)].

14. Лавров Л. И. *Этнография Кавказа*. Л.: Наука, 1982 [Lavrov L. I. *Ethnography of the Caucasus*. Leningrad: Nauka, 1982 (in Russian)].
15. *Русско-дагестанские отношения в XVII — начале XIX в. Сборник документов*. Сост. В. Г. Гаджиев М.: Наука, 1988 [Russian-Daghestan Relations in the 17th — early 19th centuries Collection of documents. Comp. by V. G. Gadzhiev. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
16. *Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам (с 1 января 1871 года по 1 января 1872 года)*. Т. 7. СПб.: Изд. Главного управления иррегулярных войск, 1872 [Collection of Government Orders for the Cossack Troops (from January 1, 1871 to January 1, 1872). Vol. 7. St. Petersburg: Publ. of the Main Directorate of Irregular Troops, 1872 (in Russian)].
17. Студенецкая Е. Н. *Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв.* М.: Наука, 1989 [Studenetskaya E. N. *Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th — 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].
18. Субботин О. С. Региональные особенности архитектуры железнодорожных комплексов. *Жилищное строительство*. 2013. № 1. С. 18–21 [Subbotin O. S. Regional Features of the Architecture of Railway Complexes. *Housing construction*. 2013. No. 1, pp. 18–21 (in Russian)].
19. Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX — начале XX века. *Историческое оружиеведение*. 2023. № 12. С. 316–392 [Talantov S. V. On Blades of Daggers and Shashkas used by the Terek Cossack Host in the late 19th to early 20th centuries. *Historical Weapons Science*. 2023. No. 12, pp. 316–392 (in Russian)].
20. Талантов С. В. Частные заказы кинжальных и шашечных клинков Кубанского казачьего войска на Златоустовской оружейной фабрике в конце XIX — начале XX века. *Историческое оружиеведение*. 2024. № 13. С. 432–522 [Talantov S. V. Private Orders for Kindjal and Shashka Blades of the Kuban Cossack Host from the Zlatoust arms factory in the late 19th and early 20th centuries. *Historical Weapons Science*. 2024. No. 13, pp. 432–522 (in Russian)].
21. Фролов Б. Е. *Холодное оружие кубанских казаков*. Краснодар: Диапазон-В, 2009 [Frolov B. E. *Edged weapons of the Kuban Cossacks*. Krasnodar: Diapazon-V, 2009 (in Russian)].
22. Шигабудинов М. Ш. *Отходничество в Дагестане в конце XIX — начале XX в.* Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2000 [Shigabudinov M. Sh. *Seasonal Work in Dagestan in the Late 19th and Early 20th Centuries*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2000 (in Russian)].

Информация об авторе

Талантов Сергей Вадимович — независимый исследователь, Москва, Россия; talantovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2296-7225>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Талантов С. В. Дагестанские ремесленники и предприниматели
Ориенталистика. 2026;9(2):250–270

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена рецензентами 21.05.2026; принята к публикации 28.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergey V. Talantov — independent researcher, Moscow, Russia; talantovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2296-7225>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 28.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Научная статья

УДК 94(47+57)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-271-291>

Исторические науки

Великий князь Николай Николаевич: путь на Кавказ (май — сентябрь 1915 г.)

Давид Георгиевич Мартиросян¹, Михаил Алексеевич Волхонский²

¹ Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба ВС РФ, Москва, Россия,
david81@inbox.ru

² Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия,
volhonskyma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6189-734X>

Аннотация. Статья посвящена событиям отставки в сентябре 1915 г. великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и назначением его на должность кавказского наместника. Анализ документов личного происхождения показал, как отставка великого князя стала прямым следствием и итогом развернувшейся в военных и придворных кругах борьбы за власть, спровоцированной поражениями и отступлениями русской армии. В свою очередь, болезнь кавказского наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова подсказала императору Николаю II решение отправить «опального» великого князя в «почетную ссылку» на Кавказ. Это позволило сохранить вокруг великого князя Николая Николаевича созданный ранее ореол «победоносного полководца» и «безупречного воина».

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Кавказский край, Кавказский фронт, Николай II, Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич (младший), И. И. Воронцов-Дашков

Для цитирования: Мартиросян Д. Г., Волхонский М. А. Великий князь Николай Николаевич: путь на Кавказ (май — сентябрь 1915 г.). *Ориенталистика*. 2026;9(2):271–291. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-271-291>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Мартиросян Д. Г., Волхонский М. А., 2026
© Ориенталистика, 2026

Grand Duke Nikolai Nikolaevich: the way to the Caucasus (May — September 1915)

David G. Martirosyan¹, Michael A. Volkhonskiy²

¹ *Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, david81@inbox.ru*

² *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, volhonskyma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6189-734X>*

Abstract. The article deals with the resignation of Grand Duke Nikolai Nikolaevich of Russia (1856–1929) from the post of Supreme Commander in September 1915 and his subsequent appointment to the post of the Governor of the Caucasus. Research into his personal papers has shown that the resignation of the Grand Duke was a direct consequence of the power struggle. This struggle in military and court circles was the result of defeats and retreats of the Russian Imperial army in the WWI. In turn, the illness of the Caucasian viceroy, Count Ilarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov (1837–1916), prompted Emperor Nicholas II of Russia to send the “disgraced” Grand Duke into “honourable exile” to the Caucasus. This made it possible to preserve the aura of a “victorious commander” and an “impeccable warrior”, which accompanied Grand Duke Nikolai Nikolaevich.

Keywords: The Russian Empire, the First World War, the Caucasian Region, the Caucasian Front, Nicholas II, Supreme Commander, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Jr.), I. I. Vorontsov-Dashkov

For citation: Martirosyan D. G., Volkhonskiy M. A. Grand Duke Nikolai Nikolaevich: the way to the Caucasus (May — September 1915). *Orientalistica*. 2026;9(2):271–291. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-271-291>.

23 сентября 1915 г. в 11 часов утра на вокзал Тифлиса в литерном поезде прибыл великий князь Николай Николаевич (младший), недавно назначенный на должность кавказского наместника. Это событие стало началом последней главы в истории Кавказского края¹ в составе Российской империи. Сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и внук императора Николая I, он известен в отечественной историографии в первую очередь как верховный главнокомандующий русской армией в первый год Первой миро-

¹ Кавказский край — историко-географический термин, обозначавший территории губерний, областей и округов, вошедших в состав Российской империи в результате кавказских, русско-турецких и русско-персидских войн. Представлял собой особое административное образование, управляемое на особых нормативно-правовых основаниях. Во главе региона стоял главноначальствующий, или наместник, наделенный широкими полномочиями.

вой войны. Однако его деятельность в качестве кавказского наместника и главнокомандующего Кавказской армией до сих пор остается вне поля зрения исследователей.

Общеизвестно, что в XIX — начале XX в. характер и основные направления политики, проводимой на Кавказе российской властью, во многом определялись личностью того, кому в Санкт-Петербурге (Петрограде) доверяли управление этой имперской окраиной. Более того, обстоятельства назначения этого человека на столь высокую должность всегда указывали на то, каких реформ и результатов от него ожидали в столице. В ряде работ российских исследователей, посвященных анализу политики наместников и главноначальствующих на Кавказе, особое внимание уделяется именно этому аспекту — процессу выбора российскими императорами в разные периоды истории наиболее достойного из числа нескольких претендентов на должность главы края, а также формулированию программы его деятельности [Блиева, 2003, с. 39–49; Волхонский, 2006, с. 87–106; Волхонский, 2018, с. 171–189; Урушадзе, 2024, с. 568–583; Урушадзе, 2025, с. 17–27].

В этом контексте особый интерес представляют многочисленные перипетии, предшествовавшие назначению на Кавказ великого князя Николая Николаевича, которому в период Первой мировой войны некоторые политические круги пророчили роль военного «диктатора» или даже рассматривали его как наиболее достойного претендента на императорский трон. Если история снятия великого князя с должности Верховного главнокомандующего русской императорской армии довольно хорошо изучена [Дякин, 1967; Флоринский, 1988; Айрапетов, 2014; Емелина, 2019], то обстоятельства отставки кавказского наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова менее известны и требуют дополнительного исследования.

В данной статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов. Какие причины побудили императора Николая II заменить на должности кавказского наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова на великого князя Николая Николаевича (младшего)? Была ли эта перестановка следствием осознания императором необходимости изменения внутривластных курсов на Кавказе в условиях войны или же она была больше связана с борьбой за власть в высших политических и придворных кругах империи?

Вновь образованное в 1905 г. кавказское наместничество управлялось на момент вступления России в Первую мировую войну человеком, обладавшим огромным влиянием и авторитетом в высших эшелонах власти Российской империи. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф И. И. Воронцов-Дашков занимал должность кавказского наместника уже 10 лет и долгое время считался в правительственных кругах безальтернативной кандидатурой для этой должности. Однако через полгода после вступления России в войну, в начале марта 1915 г., появились первые признаки того, что в столице начали задумываться о возможной отставке старого наместника, что было обусловлено несколькими обстоятельствами.

В конце 1914 г. у 77-летнего И. И. Воронцова-Дашкова обнаружились серьезные проблемы со здоровьем. Полковник Н. А. Бигаев, командир конвоя наместника, вспоминал: «Однако война, всей тяжестью надавившая на ста-

рые уже плечи маститого воина и Главнокомандующего, через три-четыре месяца уложила его в постель, и с тех пор болезнь не выпускала старика из своих железных объятий, приковав его к постели» [Бигаев, 2003, с. 427]. Император Николай II лично убедился в этом, когда в конце ноября 1914 г. посетил Кавказ. В своем дневнике за 26 ноября он записал: «...В 11 час[ов] прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был не здоров, и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. ... Приехал во дворец после часа. Побывал у графа и позавтракал с графиней» [*Дневники императора Николая II...*, 2013, с. 76]. Только очень серьезные проблемы со здоровьем могли заставить Иллариона Ивановича не встретить лично императора на станции, а затем не сопровождать его по Тифлису и в его поездке на боевые позиции частей и соединений Кавказской армии. В январе 1915 г. в столичных придворных кругах уже открыто обсуждали пагубное влияние плохого здоровья наместника на управление Кавказским краем. Великий князь Андрей Владимирович² 17 января записал в своем дневнике содержание следующего разговора с генерал-лейтенантом П. Н. Енгальчевым³: «А вот на Кавказе — дела творятся. Прямо чудеса, что такое. Бедный граф Воронцов так рамолен⁴, что перед приездом государя ему впрыснули камфору, и он мог три минуты говорить с государем. После чего впал снова в полный рамолисмент. Он и доклады больше не принимает. Графиня к нему никого не пускает, принимает лично все доклады и управляет всем Кавказом лично, как гражданской частью, так и военной» [*Военный дневник великого князя...*, 2008, с. 88].

Возможно, на проблему со здоровьем Воронцова-Дашкова в Петрограде не обратили бы такого пристального внимания, если бы этот фактор негативно не отразился на ходе военных действий на Кавказском (русско-турецком) фронте. Событием, пошатнувшим авторитет наместника, стали некоторые обстоятельства Сарыкамышской операции (6 декабря 1914 г. — 6 января 1915 г.), которые чуть не привели к военной катастрофе. Являясь с началом Первой мировой войны командующим Кавказской армией, Илларион Иванович делегировал все полномочия в части ведения военных действий своему помощнику по военной части генералу от инфантерии А. З. Мышлаевскому, бывшему начальнику Главного управления Генерального штаба и заслуженному профессору Императорской Николаевской военной академии.

В момент острейшего кризиса, возникшего в середине декабря 1914 г. на русско-турецком театре военных действий, генерал А. З. Мышлаевский не смог в должной мере разобраться в сложившейся оперативной обстановке и, в момент острейшего кризиса оставил войска, спешно выехав в Тифлис. Тем не менее благодаря инициативности и решительности командира 1-го

² Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956) — член императорской фамилии, внук императора Александра II, двоюродный брат Николая II.

³ С декабря 1914 г. генерал-лейтенант князь Павел Николаевич Енгальчев занимал должность Варшавского генерал-губернатора.

⁴ От французского “*ramolli*” — расслабленный, физически и умственно немощный, впавший в слабоумие человек.

Кавказского армейского корпуса Г. Э. Берхмана и начальника Штаба армии Н. Н. Юденича, которые грамотно воспользовались тактическими ошибками турецкого командования, главные силы Кавказской армии выстояли и триумфально завершили Сарыкамышскую операцию [Мартиросян, 2008, с. 27–30].

Однако в период с 14 по 18 декабря 1914 г. в Тифлисе возникли панические настроения как среди военно-административного аппарата, так и среди населения. Посылаемые в этот временной интервал в Ставку эмоциональные телеграммы вызвали встречные вопросы, на которые никто в штабе Кавказской армии не мог дать внятных ответов. Обострившиеся хронические болезни генерал-адъютанта И. И. Воронцова-Дашкова фактически лишили его возможности участвовать в экстренных совещаниях и оперативно руководить Кавказской армией и тылом, а генерал А. З. Мышлаевский не обладал необходимыми полномочиями. Более того, поспешный отъезд последнего в Тифлис был воспринят войсками как проявление трусости, что автоматически приравнивалось к потере авторитета [Масловский, 1933, с. 99–100].

В Петрограде ходили не самые приятные слухи о «бегстве» А. З. Мышлаевского с фронта и панических телеграммах, которые ближайшее окружение наместника отправляло в Ставку. Великий князь Андрей Владимирович записал в своем дневнике 17 января историю, которую он услышал от генерал-лейтенанта А. А. Гулевича. Дежурный генерал штаба наместника генерал Б. П. Веселовзоров отправил всем министрам и другим ответственным лицам телеграммы, в которых говорилось, что турки подступили к «стенам» Тифлиса, что Кавказ будет ими завоеван, ситуация безнадёжная и необходимо срочно прислать минимум два армейских корпуса. Верховный главнокомандующий, узнав об этом, потребовал уволить генерала. Однако выяснилось, что последний был личным другом супруги наместника Елизаветы Андреевны, которая и велела ему отправить за подписью графа И. И. Воронцова-Дашкова вышеуказанные телеграммы, и она же от имени кавказского наместника просила великого князя Николая Николаевича оставить попавшего в немилость генерала на службе [Военный дневник великого князя..., 2008, с. 89].

От череды отставок и унижительных расследований всех обстоятельств фактической утраты управления войсками и краем тифлисских сановников «спасли» солдаты и офицеры Кавказской армии. Одержанная ими блестящая победа над турками под Сарыкамышем сгладила негативное впечатление, произведенное действиями ближайшего окружения наместника зимой 1914/1915 гг. 7 января 1915 г. Николай II записал в дневнике: «По донесениям графа Воронцова видно, что преследование остатков разбитых турецких корпусов закончилось; они все прогнаны далеко за границу. Так окончилось знаменитое движение внутрь наших пределов армии под командою мнящего себя Наполеоном Энвер-паши» [Дневники императора Николая II..., 2013, с. 103].

Кроме того, император явно испытывал к возрастному наместнику глубокую симпатию и привязанность, о чем в воспоминаниях независимо друг

от друга свидетельствовали мемуаристы. Описывая поездку Николая II на Кавказе в ноябре 1914 г., дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков писал об отношении императора к наместнику: «Считая себя как бы в гостях у графа Воронцова-Дашкова, его величество не приглашал никого из местных властей к завтракам и обедам, носившим совершенно неофициальный характер. Государь чувствовал себя весьма непринужденно в этой семье, в которой в детстве бывал запросто, будучи сверстником детей графа Воронцова-Дашкова» [Воейков, 1995, с. 144]. Начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор А. И. Спиридович, также указывая на особое отношение императора к И. И. Воронцову-Дашкову, писал: «Государь же питал к графу особое уважение и любовь, согретую теплыми детскими воспоминаниями; ведь государь рос и играл с детьми графа. И это чувство не ослабевало к графу до самой его смерти» [Спиридович, 2022, с. 37].

Поэтому, несмотря на то что Илларион Иванович сам просил об отставке по болезни, император не захотел с ним расставаться. Полковник Н. А. Бигаев вспоминал: «Сознавая, что ему не оправиться от недуга настолько, чтобы руководить операциями Кавказской армии и одновременно управлять сложным, особенно в условиях войны с главенствующим в мусульманском мире государством Турцией, Кавказом, граф Воронцов-Дашков просил его величество освободить его от несения непосильных по состоянию его здоровья обязанностей и уволить на покой. Несмотря на повторное ходатайство о том же, государь не согласился на увольнение графа Воронцова-Дашкова с поста Главнокомандующего и Наместника Кавказа. Его величество писал в ответ на настойчивое ходатайство графа об увольнении: “Я не могу представить Кавказ без Вас...”» [Бигаев, 2003, с. 428].

Однако в Петрограде в феврале и марте 1915 г. в политических и военных кругах активно обсуждалась необходимость кадровых изменений в военно-политическом руководстве Кавказского края. Этот вопрос попытался поднять перед императором председатель Государственной думы М. В. Родзянко. «26 февраля государь назначил мне явиться в шесть часов вечера, — вспоминал он. — Доклад мой продолжался в кабинете государя около двух часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением великого князя Сергея Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова...» [Родзянко, 1929, с. 44].

В Ставке и военном министерстве, несмотря на успешно завершившуюся на Кавказском фронте зимнюю кампанию 1914–1915 гг., также решили заранее принять кадровые решения, не дожидаясь нового кризиса. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник его штаба генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич были обеспокоены срочной заменой генерал-лейтенанта А. З. Мышлаевского. При обсуждении этого вопроса с военным министром В. А. Сухомлиновым также была озвучена необходимость поиска подходящего кандидата для замены И. И. Воронцова-Дашкова.

В конце февраля 1915 г. Н. Н. Янушкевич писал В. А. Сухомлинову: «Визит [царя] состоялся. Все хорошо, спокойно... В[еликий] к[нязь] доложил г[осуда-

рю] и[мператору] о необходимости “убрать” г[енерала] Мышл[аевского]. Принципиальное согласие последовало. Будьте милостивы срочно протелеграфировать 2–3 фамилии для представления подходящего заместителя: не готового на распри с Юденичем и могущего влиять на наместника. Прошу на случай, если спросят» [Переписка В. А. Сухомлинова..., 1923, с. 38]. В ответном письме от 2 марта 1915 г. военный министр писал: «Невероятно трудный вопрос личного состава крупных должностей, о котором приходится думать заблаговременно. Получив Ваше письмо о Мышл[аевском] и порадовавшись, что решено удалить вредную занозу из кавказского многострадального тыла, я решил предложить Вам мои мысли по этому поводу. Приходится теперь уже наметить для Кавказа и Царства Польского будущих наместников. Это две такие крупные фигуры, что кандидаты должны быть вне конкурса, и я другого решения не вижу, как назначение особ императорской фамилии. Вел[икий] князь Сергей Михайлович поправляется и для Кавказа он очень подходит. Поэтому, на всякий случай, вместо Мышл[аевского] следовало бы назначить человека, ему подходящего. Мне кажется, третье условие к тем двум, которые Вы указали. Я Вам телеграфировал сегодня фамилии, из них Вольский⁵, Ирман⁶ и Гаитенов⁷ знакомы с Кавказом, в особенности первый; что же в отношении Покотило⁸, то не знаю, пожелает ли его граф Воронцов. Что же касается Царства Польского, то если бы только согласился великий князь Николай Николаевич — это было бы, бесспорно, лучшим решением» [Переписка В. А. Сухомлинова..., 1923, с. 38–39]. В письме от 5 марта Н. Н. Янушкевич подвел итог обсуждению поднятого министром вопроса о новом наместнике: «В[еликий] к[нязь] говорил не раз мне и при мне другим, что его заветная мечта — после войны получить право не возвращаться ни к какой должности и проживать $\frac{3}{4}$ года в Першине — Тульской губернии. Сергей Михайлович, вероятно, охотно примет Кавказ. Для В[оронцова-Дашкова], значит, пока надо искать другой выход» [Переписка В. А. Сухомлинова..., 1923, с. 40–41].

Характерно, что инициатором обсуждения вопроса о назначении на должности наместников на Кавказе и Царстве Польском двух великих князей выступил именно военный министр. С одной стороны, предложение назначить великих князей на две эти очень высокие в рамках имперской иерархии должности, в частности на Кавказ — великого князя Сергея Михайловича, было вполне логичным. Последний, сын бывшего кавказского наместника (с 1862 по 1881 г.) великого князя Михаила Николаевича, родившийся в имении Боржом Тифлисской губернии, близко знавший Кавказ, подходил на должность наместника. Вне всяких сомнений, он был бы благожелательно встречен кавказским обществом и местным чиновничеством.

Однако предложение военного министра имело скрытый смысл, который становится понятен, если учесть серьезные разногласия, возникшие

⁵ Генерал-лейтенант Вольский Сигизмунд Викторович.

⁶ Генерал от артиллерии Ирман (Ирманов) Владимир Александрович.

⁷ Генерал-лейтенант Гаитенов Валериан Михайлович.

⁸ Генерал от кавалерии Покотило Василий Иванович.

в начале 1915 г. между ним и двумя великими князьями. Конфликт В. А. Сухомлинова с Верховным главнокомандующим Николаем Николаевичем был вызван их давней неприязнью, а также нежеланием великого князя зависеть от военного министра. «Великий князь, — писал в воспоминаниях Сухомлинов, — вел войну на свой собственный страх и риск. Как специалист военный министр был ему не нужен, а в роли “чиновника постороннего ведомства” в его Главной квартире он был человек лишний» [Сухомлинов, 1924, с. 309]. К этому добавлялось недовольство Ставки проблемами со снабжением армии оружием и боеприпасами. «Ошеломленному народу внутри страны все поражения объяснили недостатком боевого снаряжения! ... Сухомлинов! ...», — сетовал военный министр [Сухомлинов, 1924, с. 317]. На той же почве проблем с производством боеприпасов, особенно снарядов, возник конфликт военного министра с великим князем Сергеем Михайловичем. «С тенденциями Главн[ого] арт[иллерийского] управления справиться трудно, т.к. приходится считаться не с этим учреждением, а с вел[иким] кн[язем] Серг[еем] Мих[айловичем]», — отмечал В. А. Сухомлинов в письме к Н. Н. Янушкевичу [Переписка В. А. Сухомлинова..., 1923, с. 33]. О самом великом князе военный министр позже отзывался как о «честолюбивом дилетанте» [Сухомлинов, 1924, с. 317].

В свою очередь, великий князь Сергей Михайлович отвечал целенаправленной дискредитацией военного министра в военных и придворных кругах. «Странно, что великие князья Александр и Сергей Михайловичи, не стесняясь, называют его (Сухомлинова. — Д. М., М. В.) открыто преступником, — писал в дневнике великий князь Андрей Владимирович. — Почему это происходит, я решительно не знаю. Не кроется ли причина в том, что эта война показала, как плохо наша артиллерия подготовлена в материальном отношении. Нежелая, вероятно, чтобы его обвинили в этом, он (Сергей Михайлович. — Д. М., М. В.) открыто обвиняет Сухомлинова» [Военный дневник великого князя..., 2008, с. 139].

Учитывая описанные конфликтные отношения военного министра с обоими великими князьями, становится понятным, что его предложение назначить их на должности наместников Кавказа и Царства Польского, возможно, было попыткой прозондировать возможность убрать их с ключевых должностей в армейской иерархии. И если предложение относительно великого князя Николая Николаевича скорее относилось к отдаленному будущему, то назначение великого князя Сергея Михайловича на Кавказ, по мнению В. А. Сухомлинова, могло быть осуществлено в ближайшее время. Неизвестно, было ли каким-либо способом предложено великому князю Сергею Михайловичу занять должность наместника. Но в итоге предложение военного министра осталось нереализованным. Тем не менее важно отметить, что с марта 1915 г. в Петрограде кавказское наместничество явно стало рассматриваться как идеальное место для своего рода «ссылки» кого-нибудь из великих князей.

До конца июля 1915 г. император не принимал отставку И. И. Воронцова-Дашкова, учитывая успешные действия Кавказской армии на фоне других фронтов. Однако в военных и правительственных кругах Петрограда, как это

ни удивительно, были крайне недовольны стремительным продвижением русских войск вглубь территории противника. На заседании Совета министров 30 июля 1915 г. государственный контролер⁹ П. А. Харитонов выразил обеспокоенность: «Куда мы зарываемся на Кавказ? Как бы все это не кончилось катастрофой. Я не судья в стратегических и тактических тонкостях, но все-таки не могу не видеть, что там политические соображения берут верх над чисто военными. Все знают исключительные симпатии наместника к армянам. Не увлекается ли он этими симпатиями? Даже при поверхностном взгляде на карту видно, что движение войск направляется главным образом на армянские земли. Без того положение повсюду тяжелое, а мы тут еще будем рисковать ради воссоздания Армении... Следовало бы обратить на все это внимание государя». Его поддержал недавно назначенный управляющий¹⁰ Военным министерством генерал от инфантерии А. А. Поливанов: «Хотя Государственный контролер и не стратег, но он правильно анализирует положение на Кавказе. Я тоже с большой тревогой смотрю на тамошние действия. Как бы там не произошло катастрофы. До меня доходят слухи, что генерал Юденич¹¹ возмущен тифлисскими распоряжениями и ждет мало хорошего от будущего». В ходе обсуждения все члены Совета пришли к единому мнению, «что, если даже оставить в стороне чисто военную сторону, с точки зрения общей политики нежелательно преждевременно раздувать армянский вопрос¹², который без того в некоторых заграничных кругах стараются выставить в виде одной из целей войны». В итоге Совет министров поручил военному министру «доложить государю о направлении кавказских событий» [Яхонтов, 2015, с. 60–75].

Обсуждение кавказских дел продолжилось на заседании Совета министров 4 августа 1915 г., где государственный контролер снова выступил с критикой в адрес наместника: «А на Кавказе шествие вперед не прекращается, — указывал П. А. Харитонов. — Чхеидзе¹³ впадает чуть ли не в истерику

⁹ Осуществлял надзор за законностью и правильностью финансовой деятельности всех государственных ведомств и учреждений.

¹⁰ Поливанов Алексей Андреевич был назначен управляющим Военным министерством 13(26) июня 1915 г., а военным министром Российской империи — 10(23) сентября 1915 г., пробыв на посту до марта 1916 г.

¹¹ С января 1915 г. по настоянию Ставки Верховного главнокомандующего оформилась и успешно функционировала двухступенчатая система управления войсками на русско-турецком театре военных действий. Официально кавказский наместник граф И. И. Воронцов-Дашков являлся главнокомандующим Кавказской армией, но фактически руководил войсками генерал от инфантерии Н. Н. Юденич, который в оперативных документах значился командующим Кавказской армией.

¹² «Армянский вопрос» представлял собой комплекс политических проблем, связанных с угнетенным положением армянского населения в Османской империи и его стремлением к автономии или независимости.

¹³ Чхеидзе Николай Семёнович (1864–1926) — российский и грузинский политический и государственный деятель. В 1915 г. Чхеидзе был депутатом Государственной думы IV созыва от Тифлисской губернии и председателем меньшевистской фракции (после раскола социал-демократической фракции в октябре 1913 г.).

и грозит непоправимыми несчастьями. При мне он кричал в Думе во время перерыва, что кавказской армией командует не Верховный главнокомандующий и не наместник, а графиня Воронцова-Дашкова, опутанная армянскими сетями. В самом деле, куда мы там, с позволения сказать, прём?». На возмущение государственного контролера немедленно отреагировал генерал А. А. Поливанов. «Известно куда — к созданию великой Армении. Я вчера имел случай говорить с Его Величеством о кавказском движении и возможных печальных его последствиях, причем отметил, что собрание Земли Армянской составляет, по-видимому, основное стремление графа Воронцова-Дашкова. На этих словах государь император, ласково улыбнувшись, соизволил поправить меня — не графа, а графини» [Яхонтов, 2015, с. 77–103].

На Кавказе знали о нападках Совета министров на Иллариона Ивановича, который к этому времени был уже совсем тяжело болен. Командир конвоя наместника полковник Н. А. Бигаев писал в воспоминаниях: «Оказывается, не всегда хорошо и выгодно побеждать. В 1915 г. наши армии на Западном фронте, разбитые, отступали, а Кавказская армия победоносно вторгалась все глубже и глубже в неприятельские земли и именно в том направлении, где местное население было на нашей стороне. В мою тему не входят вопросы стратегии, поэтому я не буду останавливаться на действиях графа главнокомандующего, который, кстати будет сказано, в это время совершенно не касался армии, ибо был тяжело болен, лежал в постели, не показываясь наружу из дворца великого князя Георгия Михайловича в Боржоме» [Бигаев, 2003, с. 412].

Тем временем, после серии успешных наступательных операций германских и австро-венгерских войск весной и летом 1915 г. русским войскам пришлось оставить Галицию, Курляндию (Литву и часть Латвии) и Привислинский край (Русскую Польшу). Ценой значительных территориальных и огромных людских потерь удалось избежать разгрома, но моральное потрясение правящих кругов и населения империи было настолько велико, что без отставок в высшем командном составе армии уже было не обойтись. Как в правительственных, так и в армейских кругах было очевидно, что в Ставке необходимо провести срочные кадровые изменения. Однако великий князь медлил с принятием необходимых решений, что только усугубляло ситуацию. Председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко в своих мемуарах очень точно подметил: «Вера в в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, отступление, граничащее с бегством, — все доказывало бездарность начальника штаба при Верховном — генерала Янушкевича. Великий князь должен был давно заменить его Алексеевым, бывшим начальником штаба у генерала Иванова во время нашего наступления в Галиции, а затем главнокомандующим западного фронта. На этом имени сходились решительно все. Я писал об этом великому князю, горячо убеждал его оставить Янушкевича и взять на его место Алексева» [Родзянко, 1929, с. 128].

Сам великий князь Николай Николаевич, столкнувшись с военными неудачами, стал все больше проявлять свои слабые стороны: отсутствие твердости перед лицом трудностей на фронтах и склонность к политическим

интригам. Еще в начале мая 1915 г., докладывая прибывшему в Ставку Николаю II о поражениях русских войск в Галиции, великий князь неожиданно для императора сам заговорил о своей замене. «Бедный Н[иколай], рассказывая мне все это (*об отступлениях*. — Д. М., М. В.), плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком, — писал Николай II императрице Александре Федоровне. — Он несколько не был возбужден, я чувствовал, что он говорит именно то, что думает» [*Переписка Николая и Александры...*, 1923, с. 196]. Еще тяжелее переживал великий князь падения крепостей Ковно и Новогеоргиевск, произошедшие 4 и 6 августа соответственно. По свидетельству находившегося в Ставке протопресвитера¹⁴ армии и флота Российской империи Г. И. Шавельского, Верховный главнокомандующий полностью потерял контроль над собой: «Великий князь полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушки, и весь вздрагивал. Услышав мои слова: «Ваше Высочество, что с Вами?», он поднял голову — по лицу его текли слезы. «Батюшка, ужас! — воскликнул он. — Ковно отдано без боя... Командант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает... При таком положении что можно дальше сделать?!... Ужас, ужас!» И слезы еще сильнее полились у него» [Шавельский, 2019, с. 131].

Еще одной слабостью великого князя стала политика, а точнее — его вовлеченность в политические интриги. Великий князь Андрей Владимирович записал в своем дневнике высказывание генерала от инфантерии Ф. Ф. Палицына¹⁵, который был его близким сотрудником: «Он политикой занимается, к нему министры ездят — я б их не принимал, а армией не командует... Это нельзя, нельзя заниматься политикой и войной. Это не совместимо, и добра не будет» [*Военный дневник великого князя...*, 2008, с. 142].

После отставки в июне 1915 г. военного министра В. А. Сухомлинова основным объектом политических интриг великого князя Николая Николаевича и его окружения стала императрица Александра Федоровна. Данный факт подтверждал протопресвитер Г. И. Шавельский, отметивший в мемуарах растущую ненависть великого князя к императрице, которую считали главной проводницей пагубного влияния при дворе «старца» Григория Распутина. Великий князь полагал, что заключение императрицы в монастырь могло бы спасти ситуацию [Шавельский, 2019, с. 83]. В свою очередь, начальник охраны императора генерал А. И. Спиридович писал: «Начавшийся сдвиг политики правительства в сторону общественности совпал со странными, нехорошими, доходившими до нас слухами. Из Москвы были получены письма, в которых говорилось про состоявшееся в Москве

¹⁴ Протопресвитер — высшее звание белого духовенства (священников, имеющих право на семейную жизнь) в православных церквях. В Русской православной церкви звание присваивается исключительно патриархом Московским и всея Руси.

¹⁵ Палицын Фёдор Фёдорович (1851–1923) — исполнял до августа 1915 г. должность генерала для поручений и советника при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. С декабря 1915 г. был прикомандирован к штабу Кавказской армии.

совещание представителей земств и городов, которое вынесло постановление добиваться устранения государя от вмешательства в дела войны, и даже верховного управления, об учреждении диктатуры или регентства в лице великого князя Николая Николаевича. Заговорили о заключении императрицы Александры Федоровны в монастырь, и это связывалось со Ставкой...» [Спиридович, 2022, с. 118].

Как следствие в Петрограде и Москве усилились слухи о «заговоре» Ставки против императора и императрицы. На фоне явно проявившейся неспособности штаба Верховного главнокомандующего предотвратить новые поражения русских армий Юго-Западного и Северо-Западного фронтов, а также давнего желания самого императора встать во главе русской армии, Николаем II было принято решение сместить великого князя Николая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего. Ключевым элементом его плана была отставка И. И. Воронцова-Дашкова, которая должна была освободить единственную должность, подходящую по статусу влиятельному члену императорской семьи.

4 августа 1915 г., после очередного доклада военного министра в Царском Селе, Николай II сообщил генералу А. А. Поливанову о своем намерении взять на себя командование армией. «Вслед за тем он вынул из стола написанный листок бумаги и прочитал мне проект своего письма к великому князю Николаю Николаевичу, — писал военный министр в воспоминаниях. — Оно начиналось с указания на тяжелое положение наших армий, которое не позволяет ему более оставаться вдали от них, а потому он решил исполнить свое прежнее намерение и ступить в верховное командование армиями, избрав себе начальником штаба ген. Алексеева¹⁶. Далее было несколько слов благодарности великому князю за достигнутое на войне его трудами и просьба к нему принять на себя главное командование войсками на кавказском фронте со званием наместника, ибо граф Воронцов-Дашков давно уже просил об увольнении от этих обязанностей; прежде его заместителем намечался великий князь Георгий Михайлович, но во время войны его назначить на такую должность нельзя. Упоминалось, что своего ныне начальника штаба, ген. Янушкевича, великий князь может взять с собой и, кроме того, ему же предлагалось взять к себе и свиты его величества ген. — майора князя Владимира Николаевича Орлова, исполнявшего обязанности начальника военно-походной канцелярии» [Поливанов, 1924, с. 203–204]. Интересно, что в сохранившемся черновике письма императора великому князю Николаю Николаевичу об отставке И. И. Воронцова-Дашкова говорилось немного иначе, чем это передает военный министр. «...Тебя назначаю наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией ввиду недомогания графа Воронцова, — говорилось в черновике письма. — Георгию теперь во время войны там не место»¹⁷. Здесь, прежде всего, важно указание на болезнь наместника.

¹⁶ Речь идет о генерале от инфантерии Алексееве Михаиле Васильевиче, который на тот момент являлся командующим армиями Северо-Западного фронта.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1.

Этот фрагмент черновика также примечателен упоминанием о великом князе Георгии Михайловиче как возможном кандидате на должность кавказского наместника. Действительно, он идеально подходил на эту роль, поскольку с детства был тесно связан с Кавказом, о чем в придворных кругах все прекрасно знали. Именно поэтому великий князь Георгий Михайлович был направлен императором на Кавказ с января по март 1915 г. для проведения неофициальной инспекции. Дневник Николая II подтверждает это поручение и последующий доклад [*Дневники императора Николая II...*, 2013, с. 105, 114]. Вскоре после этого, в конце марта 1915 г., великого князя назначили шефом 4-го Кубанского пластунского батальона. Ожидалось, что он заменит И. И. Воронцова-Дашкова на посту кавказского наместника, но в августе 1915 г. эта должность понадобилась для почетной ссылки великого князя Николая Николаевича.

Военный министр генерал А. А. Поливанов лично передал в Могилеве великому князю Николаю Николаевичу письмо императора о его отставке 9 августа, которую тот принял с видимым спокойствием. Министр впоследствии вспоминал: «Не могу скрыть, что меня волновала задача передать этому благородному и впечатлительному человеку известие о предстоящем смещении его с должности... Поэтому я чувствовал свою задачу облегченной, когда после моих слов о том, что, ввиду трудного положения нашей армии, государь не считает себя вправе оставаться вдали от нее и решил принять верховное командование на себя, Николай Николаевич широким жестом перекрестился, а когда я добавил, что государь просил его занять должность главнокомандующего и наместника на Кавказе, то удовольствие его от этого известия сделалось ясно видимым» [Поливанов, 1924, с. 210].

Приняв отставку, великий князь сразу погрузился в детали своего переезда на Кавказ, передав через министра желание взять с собой генерала Н. Н. Янушкевича и заехать на некоторое время в имение Першино [Поливанов, 1924, с. 210]. На заседании Совета министров 12(25) августа А. А. Поливанов доложил следующее: «Великому князю очень понравилась комбинация с назначением его на Кавказ, в котором он видит вполне почетный для себя выход. Но психоз с Янушкевичем не исцелился даже событиями последнего времени. После первых же слов его высочество сказал: оставьте мне Янушкевича; передайте государю мою просьбу назначить его помощником наместника кавказского, и я надеюсь, что просьба эта будет поддержана Советом министров. К этому вопросу великий князь возвращался несколько раз в течение нашей беседы и в конце концов заявил, что он решительно настаивает, чтобы назначение Янушкевича предшествовало его назначению в наместники... Должен добавить, что великий князь произвел на меня впечатление человека, окончательно изнервничавшегося и замученного. Не касаясь нравственной стороны, но в физическом отношении отъезд из Ставки будет для него огромным облегчением. О результатах посещения Могилева мной доложено его императорскому величеству. Мне выражена благодарность за удачное выполнение поручения... Что касается назначения генерала Янушкевича помощником наместника Кавказского, то на это высочайшее соизволение последовало» [Яхонтов, 2015, с. 155–162].

15(28) августа, во время очередного доклада императору, А. А. Поливанов затронул и вопрос с отставкой И. И. Воронцова-Дашкова. Министр заинтересовался у Николая II, каким образом будет доведено до сведения Иллариона Ивановича предстоящее назначение великого князя Николая Николаевича на его место. В ответ император сообщил, что он уже направил И. И. Воронцову-Дашкову письмо соответствующего содержания и награждает его орденом Святого Георгия 3-й степени [Поливанов, 1924, с. 210].

В тот же день в Боржом¹⁸, где тогда находился на лечении И. И. Воронцов-Дашков с семьей, была направлена на его имя телеграмма следующего содержания: «Послал вам Дмитрия Шереметева¹⁹ с письмом. Считаю нужным предупредить вас, что я решил взять руководство действиями наших армий на себя. Поэтому в[еликий] к[нязь] Николай Николаевич будет освобожден от командования армиями с назначением на ваше место. Уверен, что вы поймете серьезность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене. Николай»²⁰. В фондах одного из федеральных архивов сохранился черновик вышеупомянутого письма Николая II, адресованный кавказскому наместнику: «Граф Илларион Иванович. Незабвенный памяти державный родитель мой в свое время оценил Ваши выдающиеся душевные качества, и Вы были им призваны к занятию положения близкого и доверенного лица. Вы достойно оправдали его монаршее доверие, служа престолу и отечеству с неукоснительной прямоотой, честностью и усердием, столь необходимым государям в деле их трудного служения. Я лично глубоко и сердечно признателен Вам, как за вашу прошлую, так и за настоящую деятельность, проявляющуюся в неустанной отзывчивости ко всему тому, что может быть полезным для возлюбленного нами отечества. Считаю наиприятнейшей обязанностью Вам это высказать, равно, как и искреннее пожелание и надежду — о сохранении Вас еще на многие лета как одного из вернейших и надежнейших слуг царю и отечеству»²¹.

В ответном письме И. И. Воронцов-Дашков, выразив «глубокую благодарность» за лестное содержание переданного Д. С. Шереметевым письма, позволил себе высказать несколько соображений относительно решений императора. «Полученная мною 10-го телеграмма Вашего величества вызвала во мне следующие размышления, которые я с разрешенной мне Вами откровенностью позволяю себе высказать, — писал наместник. — Ваше величество желает встать во главе армии. Для дальнейших событий по управлению обширным Российским государством необходимо, чтобы армия под Вашим начальством была бы победоносной. Неудача отразилась бы пагуб-

¹⁸ В 1915 г. Боржом представлял собой известный и популярный город-курорт в Российской империи, расположенный в живописном ущелье на Кавказе. Он был широко известен благодаря своим уникальным минеральным водам, которые ценились за целебные свойства.

¹⁹ Речь идет о Шереметеве Дмитрии Сергеевиче (1862–1937), полковнике Кавалергардского полка, флигель-адъютанте, состоявшем в ближайшем окружении императора Николая II.

²⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1.

²¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 4–4об.

но на дальнейшем царствовании Вашем. Я лично убежден в окончательном успехе, но не уверен в скором повороте событий... Назначение великого князя Николая Николаевича наместником Вашим на Кавказ я считаю весьма желательным. Великому князю легче управлять Кавказом, чем простому смертному, таковы уж свойства Востока. Я уверен, что великий князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость. Но пожелает ли он занять это место? Разжалование его из попов в дьяконы сильно затрагивает его самолюбие и не может не быть для него крайне тяжелым, он будет просить вашего величества об увольнении от занимаемого поста по болезни, без нового назначения, или о разрешении ему отдыха на более или менее продолжительный срок»²².

Несколькими днями раньше, 18 августа, наконец вышел указ о назначении генерала Н. Н. Янушкевича помощником кавказского наместника по военной части, а 23 августа 1915 г. состоялось официальное назначение великого князя Николая Николаевича на должность кавказского наместника. В этот день в Ставку прибыл император Николай II и им был подписан целый ряд приказов, определявших перестановки в высшем командном составе русской армии. Среди прочих был и указ Правительствующему Сенату, который гласил: «Приняв на себя Верховное командование войсками действующих армий, все милостивейше повелеваем нашему генерал-адъютанту, Верховному главнокомандующему, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть наместником нашим на Кавказе, главнокомандующим Кавказской армией и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск, с оставлением нашим генерал-адъютантом»²³.

В тот же день был подписан Николаем II высочайший рескрипт на имя генерал-адъютанта И. И. Воронцова-Дашкова, в котором, в частности, говорилось: «При моем посещении Кавказа в прошлом году я вынес самое светлое и бодрое впечатление о войсках Кавказской армии. Ее героические подвиги, проявившиеся с особенной силой в решительных боях в декабре прошлого года и в июле текущего, отмечены мною пожалованием вам ордена святого великомученика и Победоносца Георгия III степени... Уступая вашему настойчивому желанию посвятить ваши силы работе, более соответствующей здоровью вашему, расстроенному непосильными трудами, я с душевным сожалением освобождаю вас от обязанностей моего наместника на Кавказе, главнокомандующего Кавказской армией и войскового наказного атамана и, искренне ценя ваши заслуги перед престолом и отечеством, назначаю вас состоять при мне»²⁴.

Официальные проводы великого князя Николая Николаевича состоялись 25 августа 1915 г. Около шести часов вечера на железнодорожном вокзале Могилева собрались все высшие должностные лица, находившиеся в Ставке Верховного главнокомандующего. Согласно телеграмме, приведен-

²² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 621. Л. 1–2.

²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 202. Л. 1.

²⁴ Кавказ: Ежедневная литературно-политическая газета. 1915. № 195. С. 1.

ной в мемуарах генерала от инфантерии А. А. Поливанова, проводы великого князя происходили следующим образом: «Ко времени отбытия поезда на станцию изволил прибыть государь император с министром имперского двора ген[ерал]-ад[ъютантом] гр[афом] Фредериксом и своею свитою государь император был встречен великим князем и прошел с ним в вагон; пробыв некоторое время и сердечно простившись с великим князем, государь император вышел с е[го] и[мператорским] в[ысочеством] на платформу. Великий князь простился с министром имп[ераторского] двора и свитою его величества. В это же время государь император обходил, достаивая милостивыми словами, состоящих при вел. князе лиц и его адъютантов. Вскоре поезд тронулся. Великий князь, стоя в дверях вагона, отдавал честь его величеству. Государь император, также отдавая честь, оставался на платформе до тех пор, пока поезд не прошел» [Поливанов, 1994, с. 126].

В своем тамбовском имении Першино великий князь пробыл более трех недель, давая необходимое время И. И. Воронцову-Дашкову для завершения дел на Кавказе. Тот факт, что отъезд Николая Николаевича в Тифлис затягивался, весьма тревожил императрицу Александру Федоровну, которая в письме супругу 14 сентября 1915 г. попросила его ускорить процесс: «Милый мой, прикажи ему скорее ехать на юг. Всякого рода дурные элементы собираются вокруг него и хотят использовать его, как знамя. Господь этого не допустит. Но было бы безопасней, если б он скорей уехал на Кавказ. Ты дал ему 10 дней, а завтра уже будут три недели, как он покинул Ставку. Будь тверд и в этом, прошу тебя» [*Переписка Николая и Александры...*, 1923, с. 348]. После оказанного из Ставки «давления» Николай Николаевич отбыл из Першино 19 сентября 1915 г. Его поезд, достигнув пределов кавказского наместничества, проследовав через Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области и вдоль западного берега Каспийского моря, вечером 22 сентября 1915 г. прибыл в город Баку²⁵.

Не до конца проясненным остается вопрос, где бывший и только назначенный наместники лично встретились, чтобы символично обозначить передачу власти в крае. В письме императору в середине августа 1915 г. И. И. Воронцов-Дашков, в частности, писал: «Ежели великий князь согласится тотчас занять новую должность, то я бы просил разрешения вашего не ожидать его в Тифлисе, а встретить у границ Кавказа в Ростове-на-Дону»²⁶. Воспоминания командира конвоя наместника полковника Н. А. Бигаева, вроде бы, подтверждают факт встречи двух наместников в Ростове. «По заранее условленному порядку оба наместника, бывший и вновь назначенный, — писал он, — встретились по пути на границе Кавказа, в Ростове, где произошла «сдача» края новому главе его» [Бигаев, 2003, с. 431]. В то же время бывший генерал-квартирмейстер генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов указывал: «Великий князь Николай Николаевич, приехав в Тифлис в конце сентября 1915 г., поселился там во дворце наместника. Ко времени его при-

²⁵ Баку: Ежедневная литературная, политическая и общественная газета. 1915. № 212. С. 1.

²⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 621. Л. 1об.

бытия бывший наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков уже выехал из Тифлиса, и они свиделись в пути, на станции Баладжары» [Данилов, 1933, с. 279].

Возможно, что генерал Ю. Н. Данилов спутал личную встречу двух наместников с первой торжественной встречей, которая была проведена для великого князя Николая Николаевича как раз на перроне узловой станции Баладжары Закавказской железной дороги, находившейся на окраине Баку. В честь высокого гостя был выстроен почетный караул от Каспийской отдельной флотской роты и флотский духовой оркестр. На перроне его встречали бакинский градоначальник П. И. Мартынов, бакинский губернатор В. В. Алышевский, старший морской начальник на Каспийском театре с подчинением Каспийской флотилии и командир Бакинского военного порта контр-адмирал Е. В. Ключфельд, городской голова Л. Л. Быч, гласные городской думы, представители духовенства, консулы иностранных государств и прочие приглашенные лица²⁷. Быстро завершив церемониальную часть и коротко переговорив с присутствовавшими, великий князь Николай Николаевич не стал задерживаться в Баку и в тот же день отбыл в Тифлис.

Подводя итог всем вышеперечисленным обстоятельствам перемещения великого князя Николая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего во дворец кавказского наместника в Тифлисе, необходимо отметить, что, конечно, это назначение стало прямым следствием политической борьбы в военных и придворных правящих кругах империи, спровоцированной летом 1915 г. поражениями и отступлениями русской армии. В свою очередь, болезнь кавказского наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова подсказала Николаю II решение «почетной» ссылки великого князя на Кавказ.

В то же время решение, принятое императором Николаем II летом 1915 г., было положительно воспринято большей частью военно-политической элиты империи. Своего рода «почетная отставка», позволила удалить великого князя из Ставки, но при этом сохранить созданный вокруг него ореол полководца и воина, который на протяжении целого года с переменным успехом руководил войсками империи. Сам великий князь блестяще отыграл свою роль «мученика» и прибыл на Кавказ в ореоле государственного деятеля царской фамилии, которому интригами «подрезали крылья», не дав времени исправить чужие ошибки.

Как показали дальнейшие события, назначение великого князя кавказским наместником стало весьма удачным решением. Хорошо принятый местной элитой (кавказские промышленники, банкиры, аристократы, сановники) и населением, он со временем проявил себя как весьма талантливый администратор и организатор, сохранив практически без изменений структуру управления краем, созданную его предшественником. Более того, он не стал отказываться и от двухступенчатой системы военного управления, сформировавшейся при графе И. И. Воронцове-Дашкове. Приняв должность главнокомандующего Кавказской армией, Николай Николаевич сохранил все

²⁷ Баку: Ежедневная литературная, политическая и общественная газета. 1915. № 212. С. 1.

нити военного управления в руках успешного полководца генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, который, как и прежде, продолжал именоваться в официальной переписке командующим Кавказской армией.

Список сокращений / Abbreviations

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва) [State Archives of the Russian Federation (Moscow)].

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) [Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)].

Список литературы / References

1. Айрапетов О. Р. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей*. М.: Кучково поле, 2014 [Ayrapetov O. R. *Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1915: The Apogee*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2014 (in Russian)].
2. Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917). Публ. М. В. Сидоровой. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. Т. XII. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2003. С. 402–449 [Bigaev N. A. The Last Viceroys of the Caucasus (in the Light of Personal Memoirs) (1902–1917). Published by M. V. Sidorova. *Russian Archive: The History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries. Almanac*. Vol. XII. Moscow: TRITE Studio; Russian Archive, 2003, pp. 402–449 (in Russian)].
3. Блиева З. М. Кавказское наместничество в середине XIX века: становление новой административной стратегии. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион*. Серия: Общественные науки. 2003. № 59. С. 39–49 [Blieva Z. M. The Caucasian Viceroyalty in the Mid-19th Century: The Formation of a New Administrative Strategy. *University Proceedings. North Caucasus Region*. Series: Social Sciences. 2003. No. 59, pp. 39–49 (In Russian)].
4. Воейков В. Н. *С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II*. М.: Воениздат, 1995 [Voeikov V. N. *With the Tsar and without the Tsar: Memoirs of the Last Palace Commandant of Emperor Nicholas II*. Moscow: Voenizdat, 1995 (in Russian)].
5. *Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917)*. Сост., предисл., коммент. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008 [The Military Diary of Grand Duke Andrei Vladimirovich Romanov (1914–1917). Compiled, with an introd. and comment. by V. M. Osin and V. M. Khrustalev. Moscow: Sabashnikov Publishers, 2008 (in Russian)].
6. Волхонский М. А. Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе. *Кавказский сборник*. Т. 3(35). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2006. С. 87–106. [Volkhonskiy M. A. The First Russian Revolution and the Restoration of the Viceroyalty in the Caucasus. *Caucasian Collection*. Vol. 3(35). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2006, pp. 87–106 (in Russian)].

7. Волхонский М. А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. *Российская история*. 2018. № 3. С. 171–189. [Volkhonskiy M. A. The Abolition of the Viceroyalty in the Caucasus in 1881–1882. *Russian History*. 2018. No. 3, pp. 171–189 (in Russian)].
8. Данилов Ю. Н. *Великий князь Николай Николаевич*. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930 [Danilov Yu. N. *Grand Duke Nikolai Nikolaevich*. Paris: Imprimerie de Navarre, 1930 (in Russian)].
9. *Дневники императора Николая II (1894–1918)*. Т. 2. Ч. 2: 1914–1918. Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013 [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918). Vol. 2. Pt. 2: 1914–1918. Ed. by S. V. Mironenko. Moscow: ROSSPEN, 2013 (in Russian)].
10. Дякин В. С. *Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917)*. Л.: Наука, 1967 [Diakin V. S. *The Russian Bourgeoisie and Tsarism during the First World War (1914–1917)*. Leningrad: Nauka, 1967 (in Russian)].
11. Емелина М. А. Кризис Верховного главнокомандования и «бунт министров» летом 1915 года. *Военно-исторический журнал*. 2019. № 2. С. 14–23. [Emelina M. A. The Crisis of the Supreme Command and the “Ministers’ Revolt” in the Summer of 1915. *Military-Historical Journal*. 2019. No. 2, pp. 14–23 (in Russian)].
12. Мартirosян Д. Г. Генерал Г. Э. Берхман «управлял ходом дела, которое кончилось большим успехом...». *Военно-исторический журнал*. 2008. № 6(528). С. 27–30. [Martirosian D. G. General G. E. Berkman “Directed the Course of an Affair that Ended in Great Success...”. *Military-Historical Journal*. 2008. No. 6(528), pp. 27–30 (in Russian)].
13. Масловский Е. В. *Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Стратегический очерк*. Париж: Возрождение, 1933 [Maslovskii E. V. *The World War on the Caucasian Front, 1914–1917. A Strategic Essay*. Paris: Vozrozhdenie, 1933 (in Russian)].
14. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил И. Блинов. *Красный архив: Исторический журнал*. 1923. Т. III. С. 29–74 [Correspondence between V. A. Sukhomlinov and N. N. Yanushkevich. Communicated by I. Blinov. *Red Archive: Historical Journal*. 1923. Vol. III, pp. 29–74 (in Russian)].
15. *Переписка Николая и Александры Романовых 1914–1915 гг.* Т. III. Москва — Петроград: Государственное изд-во, 1923. [Correspondence between Nicholas and Alexandra Romanov, 1914–1915. Vol. III. Moscow — Petrograd: State Publishing House, 1923 (in Russian)].
16. Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 13 марта 1916 г.). Публ. В. В. Поликарпова. *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 119–137 [Polivanov A. A. Nine Months at the Head of the War Ministry (June 13, 1915 — March 13, 1916). Publ. by V. V. Polikarpov. *Voprosy istorii (Questions of history)*. 1994. No. 2, pp. 119–137 (In Russian)].
17. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. Т. 1. Под ред. А. М. Зайончковского. М.: Высший военный редакционный совет, 1924 [Polivanov A. A. *From the Diaries and Memoirs in His Capacity as War Minister and His Assistant, 1907–*

1916. Vol. 1. Ed. by A. M. Zaionchkovskii. Moscow: Supreme Military Editorial Council, 1924 (in Russian)].
18. Родзянко М. В. *Крушение империи*. Изд. 2-е. Л.: Прибой, 1929 [Rodzianko M. V. *The Collapse of the Empire*. 2nd ed. Leningrad: Priboi, 1929 (in Russian)].
 19. Спиридович А. И. *Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Воспоминания генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, начальника императорской дворцовой охраны Николая II*. М.: Центрполиграф, 2022 [Spiridovich A. I. *The Great War and the February Revolution, 1914–1917. Memoirs of a Major General of the Separate Corps of Gendarmes, Head of the Imperial Palace Guard of Nicholas II*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2022 (in Russian)].
 20. Сухомлинов В. *Воспоминания*. Берлин: Русское универсальное издательство, 1924 [Sukhomlinov V. *Memoirs*. Berlin: Russian Universal Publishing House, 1924 (in Russian)].
 21. Урушадзе А. Т. Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881). *Ориенталистика*. 2024;7(3):568–583 [Urushadze A. T. *The Tsar's Brother in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and His Entourage (1862–1881)*. *Orientalistica*. 2024;7(3):568–583 (in Russian)].
 22. Урушадзе А. Т. Наместник императора: Кавказ в системе государственного управления николаевской России. *Вестник Пермского университета. История*. 2025. № 2(69). С. 17–27 [Urushadze A. T. *The Emperor's Viceroy: The Caucasus in the System of State Administration of Nicholas I's Russia*. *Perm University Herald. History*. 2025. No. 2(69), pp. 17–27 (in Russian)].
 23. Флоринский М. Ф. *Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. (Совет министров в 1914–1917 гг.)*. Л.: Изд. ЛГУ, 1988 [Florinskii M. F. *The Crisis of State Administration in Russia during the First World War (The Council of Ministers in 1914–1917)*. Leningrad: Leningrad University Press, 1988 (in Russian)].
 24. Шавельский Г. *Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии*. М.: Вече, 2019 [Shavelskiy G. *Memoirs of the Last Protopresbyter of the Russian Army*. Moscow: Veche, 2019 (in Russian)].
 25. Яхонтов А. Н. *Тяжелые дни: секретные заседания Совета министров, 16 июля — 2 сентября 1915 года*. М.: Икс-Истори, 2015 [Yakhontov A. N. *Hard Days: Secret Meetings of the Council of Ministers, July 16 — September 2, 1915*. Moscow: X-History, 2015 (in Russian)].

Информация об авторах

Мартиросян Давид Георгиевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Москва, Россия, david81@inbox.ru.

Волхонский Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия, volhonskyma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6189-734X>.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена рецензентами 11.05.2026; принята к публикации 25.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

David G. Martirosyan — Ph.D (Hist.), research fellow, Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, david81@inbox.ru.

Michael A. Volkhonskiy — Ph.D (Hist.), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, volhonskyma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6189-734X>.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 11.05.2026; accepted for publication 25.05.2026; published 20.06.2026.

The authors has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

УДК 94(47+57):355.58

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-292-304>

Исторические науки

Госпитальные суда Российского общества Красного Креста на Черном море в годы Первой мировой войны

Елизавета Евгеньевна Полянская

*Государственный исторический музей, отдел драгоценных металлов,
научный сотрудник, Москва, Россия,
el.evq.polyanskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4259-0079>*

Аннотация. В статье преимущественно на основе анализа журналов главного управления Российского общества Красного Креста и данных периодики рассматривается история госпитальных судов, оказавших помощь Кавказскому фронту в годы Первой мировой войны. За рассматриваемый период обеспечивали лечение военнослужащих Кавказского фронта три таких госпиталя, однако история их помощи была недолгой. В условиях дальних расстояний и плохого качества дорог, а порой и их отсутствия, госпитальные суда, поступившие в распоряжение Российского общества Красного Креста, могли бы сыграть важную роль в лечении и эвакуации больных. Гибель госпитального судна «Португаль» стала вопиющим нарушением международного права, подрыв судна «Вперед» вынудил общество отказаться от идеи использования госпитальных судов и переоборудовать их под санитарные транспорты.

Ключевые слова: госпитальные суда, Российское общество Красного Креста, Первая мировая война, Кавказский фронт, Черное море, «Португаль»

Для цитирования: Полянская Е. Е. Госпитальные суда Российского общества Красного Креста на Черном море в годы Первой мировой войны. *Ориенталистика*. 2026;9(2):292–304. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-292-304>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Hospital Ships of the Russian Red Cross Society on the Black Sea During the World War I

Elizaveta E. Polyanskaya

State Historical Museum, precious metals' department, research fellow,
Moscow, Russia, el.evg.polyanskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4259-0079>

Abstract. The author examines the history of hospital ships of the Russian navy that aided the Caucasian Front during World War I. Its main source is the journals of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society and the periodical press. During this period, three such hospital ships were placed for medical treatment to servicemen of the Caucasian Front. However, this service didn't last long. Given the long distances and poor-quality roads (or their complete absence), the hospital ships of the Russian Red Cross Society could have played an important role in treating and evacuating wounded and sick personnel. The sinking of the hospital ship "Portugal" became a flagrant violation of international law, and the mining of the ship "Vperyod" forced the Society to abandon the idea of using hospital ships and also to convert them into sanitary transports.

Keywords: hospital ships, Russian Red Cross Society, First World War, Caucasian Front, Black Sea, "Portugal"

For citation: Polyanskaya E. E. Hospital Ships of the Russian Red Cross Society on the Black Sea During the World War I. *Orientalistica*. 2026;9(2):292–304. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-292-304>.

Первая мировая война на Кавказском фронте сопровождалась не только активными боевыми действиями, но и острой проблемой эвакуации раненых с прибрежных участков боевых действий. В условиях сложной географии региона и ограниченной наземной инфраструктуры особую роль приобрела морская транспортировка пострадавших, организуемая Российским обществом Красного Креста при поддержке военного командования. В 1916 г. были предприняты попытки создания системы специализированных госпитальных судов, таких как «Португаль», «Экватор» и «Вперед», предназначенных для эвакуации и оказания медицинской помощи раненым.

Деятельность плавучих госпиталей сочетала гуманитарные задачи с военными условиями, что делало их уязвимыми в зоне боевых действий. Особое значение приобрел инцидент с гибелью госпитального судна «Португаль», ставший одним из наиболее резонансных событий морской войны на Черном море. Он выявил как организационные трудности эвакуационной системы, так и противоречия в соблюдении норм международного гуманитарного права.

В феврале 1916 г. главный уполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубев направил обращение к принцу А. П. Ольденбургскому, в котором предложил организовать систему морской эвакуации из прибрежных районов в Батум, являвшийся опорным пунктом Приморского отряда. По его данным, после боевых действий в районе Вице с начала февраля удалось эвакуировать примерно 400 раненых. На побережье функционировали два эвакуационных пункта, рассчитанных на 200 человек, куда при неблагоприятных погодных условиях свозили пострадавших с разных участков фронта. Доставка раненых осуществлялась на военных транспортах, следовавших в Батум после выполнения своих задач по разгрузке. Дополнительно применялась небольшая фелюга, способная перевозить до 40 тяжелораненых и буксируемая основными судами. Подобная схема была малоэффективной, так как полностью зависела от расписания транспортных рейсов. В связи с этим Голубев подчеркивал необходимость создания отдельных, специально предназначенных средств для эвакуации¹.

Вскоре в Батум был доставлен пароход «Португаль» (также известный под названиями «Португалия» и «Портюгаль»). Его приобрел батумский комендант генерал-майор В. П. Ляхов, после чего судно передало Российскому обществу Красного Креста². Построенный во Франции в 1886 г. для компании “Messageries Maritimes”, этот пароход изначально обслуживал дальние маршруты, включая направления в Южную Америку и на Дальний Восток. Со временем его эксплуатация сместилась в акватории Средиземного и Черного морей. Судно имело водоизмещение около 9805 тонн, длину 460 футов и ширину 46 футов. В результате переоборудования пароход был превращен в плавучий госпиталь, способный принять до 800 раненых и больных. На борту разместили операционную, две перевязочные, аптеку и лабораторию, оснащенные по современным на тот момент стандартам. Медицинская служба включала трех врачей, 26 сестер милосердия и 50 санитаров [«Портюгаль» и «Экватор», 1915, с. 3118–3119].

Параллельно с «Португалем» на Кавказский фронт было направлено еще одно госпитальное судно — «Экватор», построенное во Франции в 1874 г. первоначально как грузопассажирский пароход. После переоборудования оно стало использоваться для медицинских целей и могло одновременно принимать до 700 раненых, располагая 400 койками. На борту были предусмотрены операционная, две перевязочные, аптечное отделение, а также помещения для размещения персонала Красного Креста. Состав команды включал уполномоченного Российского общества Красного Креста, старшего и младшего врачей, старшего ординатора, 25 сестер милосердия и 50 санитаров. 14 февраля 1916 г. «Экватор» прибыл в Батум, после чего был задействован в регулярных рейсах, обеспечивая вывоз раненых с прибрежных участков Кавказского фронта.

Незадолго до ввода плавучих госпиталей в эксплуатацию в конце декабря 1915 г. правительства Германии, Османской империи и Болгарии офици-

¹ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 16. Л. 128.

² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 400об. —401.

ально признали за судами «Португаль» и «Экватор» статус госпитальных и заявили о гарантии их безопасности и неприкосновенности [Мартirosян, 2020, с. 110]. Тем не менее «Португаль» успел совершить всего 5 рейсов: вскоре после этого он был потоплен немецкой подводной лодкой.

15 марта судно прибыло в Батум, где было высажено 610 раненых, среди которых находились и турецкие военнослужащие. После этого началась подготовка к следующему рейсу в порт Оф, запланированному на утро 17 марта, с целью срочной эвакуации еще около 200 человек [Мартirosян, 2020, с. 111]. Помимо экипажа и медицинского персонала, на борту находился перевязочный отряд Российского общества Красного Креста. Вечером 16 марта в 18:30 «Португаль» покинул Батумский порт, взяв на буксир три плоскодонных бота и паровой катер, предназначенные для доставки людей с берега. Судно имело характерную окраску: белый корпус с красными полосами и нанесенными знаками и флагами Красного Креста. Утром 17 марта в районе мыса Фиджие из-за сильного волнения моря один из буксируемых ботов оказался залит водой. В результате трое матросов оказались за бортом, а четвертому удалось перебраться в другой бот³.

Сделав остановку у селения Фахтия, команда приняла на борт пострадавших и вынуждена была задержаться, ожидая, пока из одного из ботов удалят набравшуюся воду. В это время основная часть экипажа и медицинского персонала находилась на верхней палубе. Погодные условия оставались благоприятными: было ясно и спокойно⁴.

Когда работы уже подходили к концу, один из матросов заметил в воде перископ подводной лодки. Капитан-лейтенант А. Н. Тихменев, полагая, что противник будет соблюдать нормы международного права, не придал этому обстоятельству решающего значения.

Согласно сведениям представителя санитарного управления Кавказского фронта Е. И. Бернова, подводная лодка, обогнув судно, заняла позицию примерно в 40 саженях и произвела торпедную атаку: первая торпеда прошла мимо цели, тогда как вторая поразила машинное отделение⁵. После этого последовал взрыв котлов, корпус судна разрушился, и уже через полторы минуты оно полностью ушло под воду⁶.

Стремясь спастись, находившиеся на судне люди бросались в воду как с носовой, так и с кормовой части, пытаясь отдалиться от возникшего водоворота. Взрыв котлов отбросил в море тех, кто находился на палубе, остальные оказались под обломками и погибли. «Португаль» окончательно ушел под воду в 8:22 утра, продержавшись на поверхности примерно полторы минуты.

В первые минуты после катастрофы положение частично удалось стабилизировать благодаря наличию на буксире ботов и парового катера, с их помощью из воды удалось поднять значительное число людей.

³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 563. Л. 150об.

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 321.

⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 579.

Неподалеку в момент происшествия находился миноносец «Сметливый» под командованием старшего лейтенанта М. И. Бужинского; вскоре к месту гибели судна также подошел моторный катер, которым управлял лейтенант М. М. Домерщиков⁷.

Санитар Левицкий и фармацевт А. Л. Рытвинский, не умея плавать, передали свои спасательные пояса сестрам милосердия и остались в воде, погибнув после того, как успели помочь части раненых [К гибели «Португалии»..., 1916, с. 1286].

Сестра милосердия Надеждинской общины Яунславьет, проявляя личное мужество, спасла французского матроса, доставив его к берегу, после чего снова вернулась в воду для оказания помощи тонущим. От предоставленного ей отпуска она отказалась и продолжила службу в передовом отряде Красного Креста [В городе, 1916, с. 4].

Старшая сестра судна, баронесса Мейендорф, после первого взрыва разбудила находившуюся в каюте сестру и отдала ей свой спасательный пояс. Вскоре произошел второй взрыв; спасенную сестру подобрала русские моряки, но сама Мейендорф погибла [Мейендорф, 2014, с. 13; Жигальцова, 2010, с. 169–173].

Утром 17 марта с миноносца «Сметливый», который в это время обеспечивал прикрытие десантной операции у порта Оф, заметили стоящий без движения «Португаль», и «Сметливый» направился к месту происшествия. Сразу после взрыва с миноносца были спущены шлюпки для спасения людей.

Осмотрев обстановку, командир корабля пришел к выводу, что судно было поражено торпедой, после чего отдал приказ открыть огонь по обнаруженной подводной лодке. Было выпущено около 25 снарядов; после нескольких залпов противник ушел под воду и скрылся⁸. Позднее стало известно, что атаку на госпитальное судно санкционировал командир немецкой подводной лодки U-33 капитан-лейтенант Конрад Гансер.

Примерно через час после спасения людей доставили на берег, где их обогрели у костров, после чего на подошедших тральщиках переправили в Ризе, а затем в Батум.

По первоначальным сведениям, из 273 человек, находившихся на борту, выжили 158, остальные 115 были признаны пропавшими без вести. Эти данные быстро разошлись в печати и воспринимались как официальные. Однако уже 23 марта 1916 г. Л. В. Голубев уточнил, что к числу спасенных следует добавить еще 13 членов французской команды и 9 русских санитаров. Кроме того, помощник командира Берган, студент Позняков и французский врач Бешан в момент гибели «Португалии» на судне отсутствовали⁹. Позднее Российское общество Красного Креста представило уточненную статистику, согласно которой число погибших составляло 85 человек [Мартиросян, 2020, с. 112].

⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 579.

⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 563. Л. 161 об.

⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 587.

Согласно данным Е. И. Бернова, на 21 марта 1916 г. среди погибших числились уполномоченный Красного Креста Л. Л. Татищев, который направлялся в хирургический пункт, старшая сестра баронесса А. Ф. Мейендорф, заведующая бельевым отделением Тихменева, врач Кандрышев, а также 14 сестер милосердия. Кроме того, в списке значились заведующий хозяйством Левицкий, фармацевт Ратвинский, помощник капитана Баутц, помощник механика Немченко, 20 санитаров, 21 матрос, офицер М. Жоржет, 20 членов французской команды и четыре человека обслуживающего персонала¹⁰.

26 июня 1916 г. Л. В. Голубев направил в Главное управление Российского общества Красного Креста уточненные данные о последствиях катастрофы. Согласно этим сведениям, из 36 сестер милосердия удалось спастись 11. Из командного состава выжили командир Тихменев, французский капитан Дюван, механик Спатовский, старший врач Н. А. Воеводин, врач Глинский и священник Добровольский. Также сообщалось, что среди русской команды и санитаров было спасено 126 человек, а среди французского персонала — 30 человек¹¹.

Приказом главнокомандующего от 2 апреля уполномоченный РОКК Тышкевич наградил выживших участников событий Георгиевскими медалями III и IV степеней.

Позднее, 22 апреля, награды были присуждены посмертно баронессе А. Мейендорф, сестрам милосердия, заведующей бельевым отделением Тихменевой, а также сиделкам Крушевской и Юдкевич¹². Эти решения стали официальным признанием мужества и самоотверженности экипажа и медицинского персонала.

Гибель госпитального судна, ставшая результатом нарушения норм международного права и общепринятых моральных принципов, вызвала в России широкий общественный отклик. В периодической печати публиковались материалы, в которых случившееся характеризовалось как «бессмысленное, жестокое и бесстыдное преступление», связанное с уничтожением судна и гибелью ни в чем не повинных людей¹³.

Этот инцидент вызвал заметный отклик и в странах Антанты. Одновременно в печати государств Четверного союза появлялись публикации, в которых отвергались выдвинутые обвинения и предлагались альтернативные версии произошедшего. В частности, турецкие и болгарские издания распространяли искаженные результаты «расследований», утверждая, что «Португаль» якобы использовался для перевозки воинских подразделений, а потому представлял собой законную военную цель [Nachtigal, 2003, S. 123–126].

В конце апреля 1916 г. на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста рассматривалась информация, поступившая от сотрудника Министерства иностранных дел. Сообщалось, что германское

¹⁰ Там же. Л. 579.

¹¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 321.

¹² Там же. Л. 33об.

¹³ Русский врач. 1916. № 13. С. 309, 310.

правительство направило в Лондон рапорт командира подводной лодки, осуществившей атаку на «Португаль». В документе утверждалось, что судно якобы было перегружено и буксировало лодки с людьми, в связи с чем экипаж подводной лодки сделал вывод о возможном наличии на борту военного контингента. Командир также заявлял об отсутствии на судне опознавательных знаков Красного Креста, а последующий взрыв объяснял присутствием значительного количества взрывчатых веществ на борту. Кроме того, в рапорте указывалось, что после взрыва миноносец якобы открыл огонь по подводной лодке¹⁴.

В ответ представитель Министерства иностранных дел С. Д. Боткин сообщил, что по результатам работы чрезвычайной следственной комиссии было подтверждено наличие на судне всех установленных отличительных знаков госпитального судна. Также было установлено, что буксируемые баржи и катер использовались исключительно для доставки раненых между берегом и самим судном, а не для каких-либо иных целей¹⁵.

Ряд нейтральных обществ Красного Креста, в том числе австрийское и венгерское, а также Международный комитет Красного Креста, выразили сожаление в связи с гибелью «Португалия»¹⁶. Весной 1916 г. в Стокгольме планировалось формирование смешанной комиссии по делам военнопленных, однако германская сторона, несмотря на посреднические усилия принца Карла Шведского, отказалась поддержать резолюцию, осуждающую потопление судна. Вследствие этого представители Российского общества Красного Креста отказались от участия в работе комиссии, и ее заседание так и не состоялось¹⁷.

Российская сторона выражала готовность организовать поездку представителя германского Красного Креста Рудольфа Г. Петерсена на место гибели судна для установления обстоятельств происшествия. Однако в совместном заявлении немецкого, австрийского и венгерского обществ Красного Креста от 11 мая 1916 г. утверждалось, что выдвигаемые российской стороной требования расходятся с официальными турецкими сообщениями и потому не имеют достаточных оснований [Эггер, 2014, с. 78].

Привлечь виновных к ответственности или добиться официальных извинений от Германии не удалось. Лишь государства Антанты квалифицировали капитан-лейтенанта К. Гансера как военного преступника, однако это не повлекло для него немедленных последствий: он продолжил службу на Черном море до марта 1917 г., затем возглавил подводную лодку U-156 в Северном море и после окончания войны вышел в почетную отставку [Nodos, 2018, p. 51–52].

По инициативе Главного управления Красного Креста был организован общероссийский сбор средств в помощь семьям погибших. Одновременно приняли решение о сооружении памятника «Португалии», организацию кото-

¹⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 58.

¹⁵ Там же. Л. 59.

¹⁶ Там же. Л. 30б.

¹⁷ Там же. Л. 13, 321; РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 2. Л. 233–233об.

рого поручили А. Д. Самарину. В Москве этим вопросом занималась специальная комиссия, в которую вошли представители городского управления, общественных организаций и РОКК. Памятник планировалось установить на Всероссийском братском кладбище в селе Всехсвятском, где уже были захоронены около 6000 воинов и выделены участки для сестер милосердия. Московское городское управление выделило на строительство 25 тысяч рублей, а остальную сумму предполагалось собрать по всей стране. Победителем конкурсного отбора стал проект И. Д. Шадра «Памятник мировому страданию». Однако после Февральской революции финансирование было прекращено, и проект так и не был реализован¹⁸.

После гибели «Португалия», как сообщал «Вестник Красного Креста», персонал госпитального судна «Экватор» заявил о готовности продолжать службу и при необходимости жертвовать жизнью ради оказания помощи раненым [К гибели «Португалии»..., 1916, с. 1286]. Кроме того, Российское общество Красного Креста приняло решение расширить флот плавучих госпиталей и уведомило об этом воюющие стороны 28 апреля 1916 г.

К середине мая было подготовлено к эксплуатации новое судно «Вперед», а также состоялось освящение госпитального судна «Атене» («Атеней»), часть медицинского персонала которого ранее служила на «Португалие». «Атене» было оснащено 900 койками, операционной, тремя перевязочными и двумя палатами для тяжелораненых [Новый плавучий госпиталь, 1916, с. 2384]. Судно «Вперед», построенное во Франции в 1898 г. как товаро-пассажирский пароход, имело водоизмещение 858 тонн и развивало скорость до 12 узлов. В 1915 г. оно было передано России французским правительством и переоборудовано в Батуме по распоряжению принца А. П. Ольденбургского на средства местного управления РОКК. Судно было рассчитано на 120 коек и предназначалось для эвакуации раненых с анатолийского побережья; к выполнению задач оно приступило в начале мая 1916 г.¹⁹

Пароход был приведен в соответствие с требованиями международных конвенций: его корпус окрашен в белый цвет, а на борту размещались необходимые опознавательные знаки. Общее руководство судном осуществлял отставной контр-адмирал А. К. Вильгельмс, а должность командира занимал капитан дальнего плавания Петров. В состав медицинского и обслуживающего персонала входили доктор Невтонов, заведующий хозяйством Крыжановский, фельдшер Филатов, сестры милосердия Вебер, княжна Эристова, Граматина, Оганезова и Каринская, а также 13 санитаров, две горничные, повар и санитар-доброволец Домбровский [Потопление госпитального судна «Вперед», 1916, с. 2400–2401; Айрапетов, 2015, с. 105]²⁰.

25 июня 1916 г. госпитальное судно «Вперед» было атаковано германской подводной лодкой «U-38». В тот день пароход вышел из Батума в направлении Трапезунда для эвакуации раненых примерно в 4:30 утра. На борту находились старшая сестра милосердия Успенская, сестры Гартонг

¹⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 619об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 26; РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 2. Л. 234.

²⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 358–360.

и Лисовская, дезинфекционный врач 127-й пехотной дивизии Колесников и заведующий медицинским складом 3-го передового отряда РОКК Степанов. Около 9:30 утра, на расстоянии примерно 30 миль от Батума и в 2,5 милях от берега, справа по борту был замечен пенящийся след торпеды. По свидетельствам очевидцев с берега, после ее пуска подводная лодка на короткое время всплыла, чтобы убедиться в результатах атаки, а затем вновь ушла под воду. Капитан Петров, находившийся на мостике, отдал приказ спустить шлюпки и надеть спасательные жилеты. Почти сразу торпеда попала в носовую часть судна; «Вперед» начал погружаться носом, одновременно кренясь вправо, и полностью затонул спустя около четырех минут [Потопление госпитального судна «Вперед», 1916, с. 2400–2401; Айрапетов, 2015, с. 105]²¹.

Благодаря слаженным действиям экипажа и медицинского персонала всем находившимся на борту удалось своевременно надеть спасательные жилеты; были также спущены четыре шлюпки. Вскоре к месту происшествия подошли лодки с берега, что позволило ускорить спасательные работы. Из 67 человек, находившихся на судне, удалось спасти 60. Погибли отставной контр-адмирал Вильгельмс, санитар-доброволец Домбровский и пятеро матросов. Трое матросов получили тяжелые ранения, еще трое — легкие. Медицинский персонал, «не успев даже обсушиться или переодеться», сразу же приступил к оказанию помощи пострадавшим [К гибели госпитального судна «Вперед», 1916, с. 2400–2401]. Раненые были размещены в запасном полевом госпитале в Батуме, а уцелевшие — в общежитии 3-го отряда Красного Креста на пароходе «Экватор»²². Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич представил весь персонал судна к боевым наградам²³.

4 июля 1916 г. на заседании Главного управления Красного Креста было доложено, что Центральный комитет германского Красного Креста выразил намерение провести собственное расследование обстоятельств гибели госпитального судна «Вперед»²⁴.

Однако уже 25 июля 1916 г. Российское общество Красного Креста было вынуждено прекратить эксплуатацию плавучих госпиталей, поскольку турецкая сторона отказалась признавать за судами «Атене» и «Экватор» статус госпитальных. В связи с этим было принято решение переоборудовать их для перевозки раненых, при этом сохранив на борту медицинский персонал²⁵.

Турецкая сторона мотивировала свой отказ тем, что Россия, по ее утверждению, не признавала неограниченное число турецких госпитальных судов. В ответ представители Министерства иностранных дел России заявляли, что российская сторона признавала все турецкие госпитальные суда, о которых поступали официальные уведомления в установленном порядке.

²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 358–360.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 365.

²⁴ Там же. Л. 378.

²⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 488об.

В результате Россия объявила о прекращении применения к турецким госпитальным судам положений Гаагской конвенции 1907 г., касающихся распространения норм Женевской конвенции на ведение морской войны²⁶.

В сентябре 1916 г. по просьбе главноуполномоченного Южного района Красного Креста судно «Экватор» было передано в его распоряжение²⁷. За период работы на Кавказском фронте с 5 апреля по 22 сентября 1916 г. его персонал, действуя как на самом судне, так и на обслуживаемых транспортах, обеспечил эвакуацию 354 офицеров и 15 943 нижних чинов²⁸.

Л. В. Голубев указывал, что вывод судна «Экватор» с Кавказского фронта заметно усложнил организацию эвакуации раненых и больных из Трапезунда, который являлся важным эвакуационным центром для трех корпусов. По его оценкам, еженедельно необходимо было вывозить от 1000 до 1200 человек, что делало наличие специально оборудованного госпитального судна крайне необходимым²⁹.

Именно осенью и зимой 1916 г. ситуация с эвакуацией на Кавказском фронте значительно ухудшилась. Хотя нельзя однозначно утверждать, что это было вызвано исключительно отсутствием госпитальных судов, их наличие, безусловно, способствовало бы облегчению положения.

На заседании Главного управления 2 января 1917 г. Л. В. Голубев докладывал об «острой нужде в госпитальном судне» для организации эвакуации раненых и больных. Он подчеркивал, что в этот период перевозка осуществлялась на обычных транспортах в сопровождении медицинского персонала Красного Креста, при этом для больных обеспечивались тюфяки, одеяла и питание³⁰. Вскоре в его распоряжение был передан госпитальный транспорт Черноморского флота «Петр Великий», который уже 8 января совершил первый рейс, эвакуировав 92 раненых и больных из Трапезунда в Батум³¹.

Организация морской эвакуации раненых на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны стала важным, но крайне уязвимым элементом военно-медицинской системы России. В условиях активных боевых действий на турецком направлении резко возросло количество раненых, что потребовало создания специальных каналов их транспортировки в тыл. Первоначально эвакуация осуществлялась за счет случайных и приспособленных средств — военных транспортов и небольших судов, что делало систему зависимой от расписания рейсов и погодных условий. Такая организация оказалась недостаточно эффективной, что вызвало необходимость формирования специализированного флота госпитальных судов.

Введение в эксплуатацию плавучих госпиталей «Португаль» и «Экватор», а затем «Вперед» и «Атене», стало значительным шагом в развитии военно-медицинской помощи. Эти суда были оснащены операционными, перевязоч-

²⁶ Там же. Л. 344об. — 348об., 400–400об.

²⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1179. Л. 218об.

²⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 280; РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 2. Л. 290–290об.

²⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 2. Л. 290–290об.

³⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1204. Л. 2об. — 3.

³¹ Там же. Л. 90.

ными и медицинскими помещениями, а также квалифицированным персоналом Российского общества Красного Креста. Их использование позволило существенно увеличить объемы эвакуации раненых и повысить качество оказания медицинской помощи непосредственно в процессе транспортировки.

Однако опыт применения госпитальных судов показал их высокую уязвимость в условиях морской войны. Несмотря на международное признание их статуса, они неоднократно становились целью атак подводных лодок, что особенно ярко проявилось в трагедии «Португалья». Гибель этого судна стала одним из наиболее резонансных эпизодов, продемонстрировавших ограниченность действия международных конвенций в условиях тотальной войны и противоречие между гуманитарными нормами и военной практикой.

Катастрофы госпитальных судов вызвали широкий общественный и международный резонанс, усилили критику методов ведения войны и привели к дипломатическим разногласиям между воюющими сторонами. Одновременно они стали символом самоотверженности медицинского персонала и гуманитарной миссии Красного Креста, многие представители которого проявили высокий уровень профессионализма и личного мужества.

Практический опыт показал, что наличие специализированных судов было критически важным для эвакуации раненых с Кавказского фронта. Их отсутствие в отдельные периоды приводило к серьезным затруднениям в организации медицинской помощи. Таким образом, морская эвакуация стала неотъемлемой частью военной медицины, но ее эффективность напрямую зависела от безопасности морских коммуникаций и соблюдения международных норм.

В целом события 1915–1916 гг. отчетливо продемонстрировали, что даже тщательно организованная гуманитарная система в условиях мировой войны остается крайне уязвимой. Опыт использования госпитальных судов на Кавказском фронте стал важным историческим свидетельством как развития военной медицины, так и пределов действия международного гуманитарного права в условиях вооруженных конфликтов.

Список сокращений / Abbreviations

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
[Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

РОКК — Российское общество Красного Креста [Russian Red Cross Society].

Список литературы / References

1. Айрапетов О. Р. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год. Сверхнапряжение*. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015 [Airapetov O. R. *The Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). The Year 1916. Overstrain*. Moscow: Kuchkovo Pole; Voennaya Kniga, 2015 (in Russian)].
2. В городе. Кавказ. 24 марта 1916 г. № 68. С. 4.
3. Жигальцова Л. В. «Умирать стоит, спасая других. Иначе обидно...»: гибель баронессы А. Ф. Мейендорф. *Родина*. 2010. № 3. С. 169–173 [Zhigaltsova L. V.

- "It Is Worth Dying While Saving Others. Otherwise, It Is a Shame...": The Death of Baroness A. F. Meyendorff. *Rodina (Homeland)*. 2010. No. 3, pp. 169–173 (in Russian)].
4. К гибели «Португалии» (Правительственный вестник, Петроград). *Вестник Красного Креста*. 1916. № 4. С. 1286 [On the Sinking of "Portugal" (Government Herald, Petrograd). *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1916. No. 4, p. 1286 (in Russian)].
 5. К гибели госпитального судна «Вперед». Телеграмма военного губернатора. *Вестник Красного Креста*. 1916. № 7. С. 2400–2401 [On the Loss of the Hospital Ship "Vpered". Telegram of the Military Governor. *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1916. No. 7, pp. 2400–2401 (in Russian)].
 6. Мартиросян Д. Г. «Я увидел след мины, направлявшийся прямо в середину судна». Трагическая гибель русского госпитального судна «Португаль» в марте 1916 г. *Родина*. 2020. № 11. С. 110–113 [Martirosyan D. G. "I Saw the Track of a Mine Heading Straight for the Middle of the Ship." The Tragic Loss of the Russian Hospital Ship "Portugal" in March 1916. *Rodina (Homeland)*. 2020. No. 11, pp. 110–113 (in Russian)].
 7. Мейендорф М. Ф. *Воспоминания*. Сост., предисл. Е. Муравьевой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014 [Meyendorff M. F. *Memoirs*. Comp. and introd. by E. Muravyeva. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2014 (in Russian)].
 8. Новый плавучий госпиталь. *Вестник Красного Креста*. 1916. № 7. С. 2384 [A New Floating Hospital. *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1916. No. 7, p. 2384 (in Russian)].
 9. «Португаль» и «Экватор». *Вестник Красного Креста*. 1915. № 7. С. 3118–3119 ["Portugal" and "Ekvator". *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1915. No. 7, pp. 3118–3119 (in Russian)].
 10. Потопление госпитального судна «Вперед». *Вестник Красного Креста*. 1916. № 7. С. 2400–2401 [The Sinking of the Hospital Ship "Vpered". *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1916. No. 7, pp. 2400–2401 (in Russian)].
 11. Черноморские госпитальные судна. *Вестник Красного Креста*. 1916. № 1. С. 193 [Black Sea Hospital Ships. *Vestnik Krasnogo Kresta (Red Cross Bulletin)*. 1916. No. 1, p. 193 (In Russian)].
 12. Эггер М. Дипломатическое урегулирование проблемы военнопленных на Восточном фронте (на примере четырех конференций Красного Креста в Стокгольме в 1915–1917 гг.). *Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей*. Вып. 2. Отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлова, А. А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 73–85 [Egger M. The Diplomatic Settlement of the Prisoners of War Issue on the Eastern Front (On the Example of Four Red Cross Conferences in Stockholm in 1915–1917). *The First World War, the Versailles System and Modernity. Collection of Articles*. Issue 2. Ed. by I. N. Novikova, A. Yu. Pavlova, A. A. Malygina. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2014, pp. 73–85 (in Russian)].
 13. Hodos P.-N. *The Kaiser's Lost Kreuzer: A History of U-156 and Germany's Long-Range Submarine Campaign Against North America, 1918*. Jefferson: McFarland & Company, 2018.

14. Nachtigal R. *Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918)*. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2003.

Информация об авторе

Полянская Елизавета Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела драгоценных металлов Государственного исторического музея, Москва, Россия; el.evg.polyanskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4259-0079>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена рецензентами 19.05.2026; принята к публикации 23.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Elizaveta E. Polyanskaya — Ph. D (Hist.), research fellow, precious metals' department, State Historical Museum, Moscow, Russia; el.evg.polyanskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4259-0079>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.04.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 23.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

УДК 930.25:94(470.6)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-305-317>

Исторические науки

«...Положить правильное основание разбору важнейших архивов Кавказского наместничества» (Проект создания Кавказской археографической комиссии А. П. Николаи, 1864 г.)

Сергей Борисович Манышев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,*

msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>

Аннотация. В статье вводится в научный оборот проект А. П. Николаи об учреждении Кавказской археографической комиссии в Тифлисе в 1864 г. В документе рассматриваются проблемы сохранения, систематизации и научного изучения архивных материалов Кавказского наместничества Российской империи. Анализируется опыт археографических комиссий, действовавших в других регионах страны, и подчеркивается их значение для развития науки и совершенствования государственного управления. Отмечается, что Кавказ, несмотря на его административную и политическую важность, длительное время оставался недостаточно изученным из-за отсутствия опубликованных официальных источников. В проекте рассматривается история формирования архива Главного управления наместника кавказского, его структура, объем и изменения в системе делопроизводства с начала XIX в. Выделяются основные этапы развития архива и характеризуются попытки его упорядочения и отбора дел для хранения. Подчеркивается высокая научная ценность архивных документов, отражающих процесс становления гражданского управления и постепенного включения кавказских территорий в состав Российской империи. Обосновывается необходимость создания специальной археографической комиссии для разбора, сохранения и публикации архивных материалов, а также подготовки обобщающего исследования по истории управления Кавказом.

Ключевые слова: архивное дело, Кавказ, Тифлис, Кавказская археографическая комиссия, А. П. Николаи, А. П. Берже

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Манышев С. Б., 2026
© Ориенталистика, 2026

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-030).

Для цитирования: Манышев С. Б. «...Положить правильное основание разбору важнейших архивов Кавказского наместничества» (Проект создания Кавказской археографической комиссии А. П. Николаи, 1864 г.). *Ориенталистика*. 2026;9(2):305–317. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-305-317>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-289-301>

History studies

“...To propose a proper basis for the analysis of the most important archives of the Caucasian Viceroyalty” (Project for the Establishment of the Caucasian Archaeographic Commission by A. P. Nikolai, 1864)

Sergey B. Manyshv

HSE-University, Moscow, Russia,
msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>

Abstract. The article introduces the project for establishing the Caucasian Archaeographic Commission in Tiflis in 1864, following the suggestion of Baron Alexander P. Nikolai (1829-1899). The document addresses the problems of preservation, systematisation, and scholarly study of the archival materials of the Caucasian Viceroyalty of the Russian Empire. It analyses the experience of archaeographic commissions operating in other regions of the country and emphasises their importance for the development of scholarship and the improvement of state administration. It is noted that despite its administrative and political significance, the Caucasus long remained insufficiently studied due to the lack of published sources. The project examines the history of the formation of the archive of the Chief Administration of the Caucasian Viceroy, its structure, scope and changes in the system of record-keeping with the effect from the beginning of the nineteenth century. The project deals with the main stages of the development of the archive, various attempts connected to its organisation, and the subsequent selection of archival files and items for permanent preservation. The article stresses the high scholarly value of the archival documents, as they reflect the process of the formation of civil administration and the gradual incorporation of Caucasian territories into the Russian Empire. The article substantiates the necessity of establishing a special archaeographic commission for the examination, preservation, and publication of archival materials, as well as for preparing a comprehensive study on the history of the administration of the Caucasus.

Keywords: archival studies, Caucasus, Tiflis, Caucasian Archaeographic Commission, A. P. Nikolai, A. P. Berge

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Acknowledgments: This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-030) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Manyshev S. B. "...To propose a proper basis for the analysis of the most important archives of the Caucasian Viceroyalty" (Project for the Establishment of the Caucasian Archaeographic Commission by A. P. Nikolai, 1864). *Orientalistica*. 2026;9(2):305–317. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-305-317>.

Во второй половине XIX в. российское правительство стремилось к последовательной интеграции Кавказа в имперское пространство, что требовало системного накопления знаний по истории, этнографии и статистике региона. После завершения вооруженного сопротивления горцев в конце 1850-х — начале 1860-х гг. стало возможным осмыслить процесс присоединения, его причины и последствия [Колосовская, Ткаченко, 2025, с. 130–230].

Однако состояние архивного дела на Кавказе оставалось неудовлетворительным: документы хранились бессистемно, зачастую в неподходящих условиях, что объяснялось длительным военным временем [«Небрежное отношение к архивам...», 2003, с. 63]. Ведомственные архивы региона продолжали страдать от хаоса и неразобранности, а проекты их централизации сталкивались с трудностями и риском утраты документов. В итоге было признано, что работа на местах более эффективна, чем перевозка материалов [Максимчик, Манышев, 2020, с. 46–48].

Зимой 1864 г. барон Александр Павлович Николаи выступил с инициативой создания на Кавказе археографической комиссии, аргументируя это нехваткой достоверных сведений о регионе, основанных на официальных документах. Он подчеркивал необходимость систематизации архивных материалов и создания на их основе истории установления российского владычества на Кавказе¹. Уже 11 марта 1864 г. наместник Михаил Николаевич учредил Кавказскую археографическую комиссию.

Комиссия имела небольшой штат, включавший председателя, постоянного члена, писцов и переводчиков, владевших местными языками. Важным требованием было наличие у сотрудников специальной подготовки и знания региональной специфики². Среди ключевых участников были Н. Г. Берзенов, Д. З. Бакрадзе, И. М. Нырков и М. Ф. Ахундов³. Особую роль сыграл А. П. Берже — историк-ориенталист, ставший фактическим лидером и организатором работы комиссии. Его научные исследования и архивные находки значительно обогатили изучение Кавказа [Колосов, 1987, с. 216; Рыбаков, 2006, с. 358–360].

В апреле 1864 г. была разработана инструкция, определившая принципы работы комиссии. Основным направлением стало изучение архива Главного управления наместника Кавказа⁴. Документы делились на три категории:

¹ ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 53. Л. 32–32об.

² ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 53. Л. 32об.

³ ЦИАГ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1178. Л. 7об.

⁴ ЦИАГ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 30

подлежащие уничтожению, временно сохраняемые и предназначенные для постоянного хранения. При этом особое внимание уделялось отбору материалов, представляющих научный интерес. Иноязычные документы предлагалось публиковать в оригинале с переводом и комментариями, а секретные — ограниченным тиражом⁵. Несмотря на отсутствие официального утверждения инструкции, именно она определила дальнейшую деятельность комиссии [Парова, 1989, с. 184].

За первые месяцы работы было обработано более 10 тысяч листов архивных материалов, из которых лишь четверть признали исторически значимыми [Отчет..., 1869, с. 1]. Документы охватывали период конца XVIII — начала XIX в. и отражали различные аспекты кавказской политики. Первоначальная идея тематических публикаций была отвергнута в пользу хронологического принципа издания «Актов»⁶. Работа велась крайне тщательно: документы переписывались, сверялись с оригиналами, уточнялись географические и этнические названия, часто искаженные в источниках.

Издание каждого тома занимало около года, включая многократные корректуры. Тираж был ограничен (около 200 экземпляров), что существенно снижало доступность издания⁷. Несмотря на малочисленность сотрудников, комиссия выполняла огромный объем работы, включая подготовку новых томов и обработку архивов различных административных деятелей Кавказа.

Помимо публикации документов, комиссия занималась их отбором для уничтожения, что было характерно для архивной практики того времени. В условиях реформ 1860-х гг. архивы переполнялись, что приводило к массовому уничтожению документов, зачастую без должного анализа [Маяковский, 1941, с. 267–269]. В 1873 г. комиссия приняла решение уничтожить значительное количество дел за 1800–1826 гг., считая, что важнейшие материалы уже опубликованы⁸. Впоследствии такой подход был признан ошибочным.

Деятельность комиссии вызвала неоднозначную реакцию современников. В критических рецензиях указывалось на неудобный формат издания, высокую цену и недостаточную научную проработку (отсутствие введений, указателей, комментариев) [Максимчик, Манышев, 2020, с. 53]. Эти недостатки впоследствии неоднократно отмечались исследователями. Однако официального ответа на критику не последовало, что, вероятно, объяснялось зависимостью комиссии от административных решений [Полиевктов, 1925, с. 111].

В целом деятельность Кавказской археографической комиссии сыграла важную роль в систематизации и публикации исторических источников по истории Кавказа. Несмотря на отдельные недостатки, ее труды заложили основу для дальнейших исследований региона и обеспечили сохранение значительного массива документального наследия.

⁵ ЦИАГ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 31об. — 32об.

⁶ ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 14об.

⁷ ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 118. Д. 1. Л. 281.

⁸ ЦИАГ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3118. Л. 17об.

Публикуемый ниже документ извлечен из фонда 8 «Департамент общих дел Главного управления наместника кавказского» Центрального исторического архива Грузии. Публикация подготовлена с учетом «Методических рекомендаций по публикации архивных документов в печатном виде» (2022).

Записка о составлении археографической комиссии для разбора местных архивов⁹

19 февраля 1864 г.
г. Тифлис

В последнее время правительство наше обратило особенное внимание на разбор своих архивов и обнародование хранящихся в них актов. Учрежденные с этою целью в главнейших городах империи археографические комиссии уже оказали значительные услуги, с одной стороны, науке, открыв ей обильный запас неизвестных дотоле сведений, а с другой — самому правительству, которое вместо разрозненных дел, состоящих из массы бумаг, большую частью маловажного содержания, имеет теперь полные сборники документов, сгруппированных в строгом систематическом порядке, проверенных критически и, главное, представляющих существенную важность в отношениях статистическом, историческом, географическом, политическом, юридическом и административном, в обширном смысле последнего слова. Если где настоят еще крайняя надобность в учреждении, подобном археографическим комиссиям, как это здесь, на Кавказе. Небезосновательно по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой разнохарактерной части нашего отечества, сведений серьезных, добытых из официальных актов, которые во всех образованных странах считаются достовернейшим источником. В этом отношении до сего времени правительством ничего не было предпринимаяемо, и Кавказ по-прежнему остается страной неизвестною даже для самой России. Ввиду мероприятий настоящего времени по разным отраслям государственного управления, обнимающим собою все части обширной Русской империи, было бы весьма полезно и даже необходимо положить правильное основание разбору важнейших архивов Кавказского наместничества¹⁰ — и дело это на первый раз начать с архива Главного управления наместника кавказского как с центрального в своем роде учреждения и обширного по объему и важности заключающихся в нем актов.

Основание этого архива¹¹ относится к первой эпохе введения в здешнем краю нашего административного порядка, который при постепенном распространении в Закавказье русского владычества обуславливал и его объем. Относительно же времени, предшествовавшего присоединению Грузии

⁹ Заголовок документа.

¹⁰ Кавказское наместничество — административная единица в составе Российской империи, объединявшая территории Северного Кавказа и Закавказья, было во второй раз создано в 1844 г.

¹¹ Он назывался сначала архивом Канцелярии главноуправляющего, с 1845 г. — архивом Канцелярии наместника кавказского, а с 1859 г. — архивом Главного управления наместника (*примеч. автора*).

к Российской империи, сведений в нем весьма мало, чтобы не сказать, что их вовсе нет, так как, за исключением записки статского советника Коваленского¹², они ограничиваются двумя-тремя документами, не заключающими в себе ничего важного. Все дела того времени хранятся в георгиевском и ставропольском архивах.

С течением времени архив Главного управления начал быстро приращаться и, после с лишком полувекового существования, достиг настоящего громадного состава. Все хранящиеся в нем дела, по роду ведения и содержания их, могут быть отнесены к трем периодам, из которых первый начинается с 1801 г. и продолжается до 1816 г., т[о] е[сть] до вступления генерала Ермолова¹³ в управление Грузией. Второй обнимает все время управления генерала Ермолова, имея крайним пределом 1827 г.; затем начинается третий период, который продолжается и поныне.

Существенная разница этих трех периодов между собою заключается в следующем: в первом — дела еще не заводились обыкновенным канцелярским порядком; исходящие бумаги от лица главноуправляющего записывались без сокращения в подробный журнал, после чего черновые отпуски уничтожались. Высочайшие же повеления, отношения министров и донесения подчиненных мест и лиц вносились в особые книги погодно и по каждой части отдельно. Под частями разумеется то, что переписка по губерниям Кавказской¹⁴ и Астраханской¹⁵ составляла одну отдельную часть под названием «кавказской и астраханской»; внутренние административные распоряжения — другую, «грузинскую»; дипломатическая переписка и переписка по управлению полупокорными ханствами — третью, так называемую «пограничную». Этот порядок ведения дел, за некоторыми отклонениями, существовал до 1816 г.

Во втором периоде исходящие журналы велись по-прежнему, но самые дела уже начали заводиться обыкновенным порядком.

Наконец, с 1827 г. так называемая «пограничная» часть в Канцелярии главноуправляющего хотя еще и существовала, но по ней производились только дела, относящиеся к внутреннему управлению ханствами Карабаг-

¹² Напечатана в «Кавказском календаре» на текущий год (*примеч. автора*) (см.: [Записка статского советника..., 1863].

¹³ Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) — российский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837). Участник Наполеоновских войн, в 1816 г. назначен командиром Отдельного Грузинского корпуса и главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, а также чрезвычайным послом в Персии. На Северном Кавказе применял тактику фронтального продвижения и прочного закрепления покоренных территорий. В 1827 г. уволен в отставку.

¹⁴ Кавказская губерния — административно-территориальная единица на Кавказе, созданная в 1785 г., затем переименована в Кавказскую область (1790) и подчинена Астраханской губернии, а в 1796 г. — упразднена. В 1802 г. вновь образована с центром в Георгиевске, в 1822 г. переименована в Кавказскую область с центром в Ставрополе.

¹⁵ Астраханская губерния — административно-территориальная единица на Кавказе, созданная в 1717 г., в 1785 г. вошла в состав Кавказского наместничества.

ским¹⁶, Шекинским¹⁷, Ширванским¹⁸, Бакинским¹⁹ и Дербентским²⁰ и владениями Имеретинским²¹, Гурийским²², Мингрельским²³ и Абхазским²⁴. Дипломатическою же перепискою занимались особые чиновники, состоявшие при главноуправляющих, пока впоследствии образовалась как самостоятельное учреждение Дипломатическая канцелярия, откуда дела в архив Главного управления уже не поступали.

В начале [18]30-х гг. при главноуправляющем бароне Розене²⁵ внутреннее управление за Кавказом было преобразовано, вследствие чего и дела в канцелярии его распределены по следующим частям:

1. Грузинской;
2. Имеретинской. (Под эту рубрику вошло делопроизводство по управлению владениями Гурийским, Мингрельским и Абхазским и Джаро-Белоканскою областью²⁶);
3. Ахалцыхской;

¹⁶ Карабахское ханство — государственное образование в Закавказье, существовавшее во второй половине XVIII — начале XIX в. Согласно Кюрекчайскому договору 1805 г. вошло под протекторат России, а Гюлистанский мирный договор 1813 г. окончательно закрепил этот факт.

¹⁷ Шекинское ханство — государственное образование в Закавказье, существовавшее во второй половине XVIII — начале XIX в. Присоединено к России в 1813 г., а в 1819 г. — ханская власть была ликвидирована и создана одноименная провинция.

¹⁸ Ширванское ханство — государственное образование, существовавшее на территории Закавказья в середине XVIII — начале XIX в. с центром в городе Шемахе.

¹⁹ Бакинское ханство — государственное образование, существовавшее на территории Закавказья в середине XVIII — начале XIX в. с центром в городе Баку. Было ликвидировано после вхождения в состав Российской империи в 1806 г., а на его территории создана Бакинская провинция.

²⁰ Дербентское ханство — государственное образование, существовавшее на территории Кавказа, прилегающей к Каспийскому морю, в середине XVIII — начале XIX в. с центром в городе Дербенте. В 1806 г. захвачено российскими войсками, а по Гюлистанскому мирному договору окончательно вошло в состав Российской империи.

²¹ Имеретинское владение — территория Имеретинского царства, которое было ликвидировано российскими властями в 1810 г., а на его месте образована Имеретинская область.

²² Гурийское владение — территория Гурийского ханства, которое в 1810 г. перешло под протекторат Российской империи, сохранив свою автономию. В 1828 г. автономия была упразднена, а княжество преобразовано в уезд.

²³ Мингрельское владение — территория Мингрельского ханства в Западной Грузии, вошедшего в подданство Российской империи в 1803 г., сохранявшее частичную автономию в решении гражданских дел.

²⁴ Абхазское владение — территория Абхазского княжества, которое в 1810 г. вошло в состав Российской империи на правах самоуправляемого княжества.

²⁵ Розен Григорий Владимирович (1782–1841) — российский военный и государственный деятель, участник Польской кампании 1831 г., командующий Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области.

²⁶ Джаро-Белоканская область — административно-территориальная единица на Кавказе, созданная в 1830 г., впоследствии преобразована в Джаро-Белоканский округ.

4. Армянской;
5. Мусульманской;
6. Дагестанской;
- и 7. Кавказской.

Что же касается до дел Астраханской губернии, то они отошли в ведение тамошнего губернатора.

В 1838 г. распределение по частям уничтожено, и дела с тех пор ведутся по тому порядку, который указан в «Учреждении...» 10 апреля 1840 г.²⁷ в архиве оказалось 43 514 дел.

Год от года возрастающее накопление дел в архиве должно было подать мысль о разборе последнего, и с этою целью в 1843 г. по распоряжению генерала Нейдгардта²⁸ была составлена особая комиссия. Ей было вменено в обязанность дела, подлежащие на основании вышеозначенного «Учреждения...» уничтожению, отделить от дел, которые должны были поступить на всегдашнее хранение. По окончании комиссией возложенного на нее поручения в августе 1844 г. в архиве оказалось 43 514 дел и 877 книг²⁹. Из них было предназначено к уничтожению — 32 976 дел и 249 книг; к хранению — 10 538 дел и 628 книг.

По докладе об этом генерал Нейдгардт приказал дела, отобранные для уничтожения, оставить еще на один год, на тот конец, что, быть может, в каких-либо из них, особливо же в тех, которые относились к позднему времени, окажется надобность, а по истечении этого срока составить новый доклад, долженствовавший с большою безошибочностью определить, какие дела следует отнести к первому разряду, т[о] е[сть] подвергнуть уничтожению, и какие — ко второму. Во исполнение чего архивариусом в 1846 г. был подан доклад с представлением подробной ведомости делам, требовавшимся для справок из числа предложенных к уничтожению. Таких дел в промежуток времени с 4 августа 1844 г. по 20 марта 1846 г. оказалось 98. Дальнейших затем распоряжений не последовало, и самое производство по настоящему предмету было сдано в архив.

Этим ограничивается все, что можно сказать об архиве за прошлое время его существования. Между тем, с 1844 г. объем его увеличился почти втрое и вместо 43 514 дел ныне он заключает в себе 101 371 дело, кроме 877 переплетенных томов. Эта масса дел может послужить богатым источником всевозможных сведений по развитию в здешнем крае гражданского управления и постепенного присоединения к России разных владений, образовавших собою Кавказское наместничество в нынешних его пределах. В этом смысле

²⁷ Имеется в виду «Учреждение для управления Закавказским краем», определявшее основные направления управления кавказской окраиной Российской империи.

²⁸ Нейдгардт Александр Иванович (1784–1845) — российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1841), участник Отечественной войны, в 1842 г. назначен главноуправляющим Закавказским краем и командиром Отдельного Кавказского корпуса.

²⁹ Книги эти заключают в себе частью входящие и исходящие журналы и разнородные книги; частью же подлинные решения министров, донесения подчиненных мест и лиц, прошения и разные письма пограничных ханов и беков (*примеч. автора*).

особенно важен период времени от 1801 по 1827 и даже 1830 гг., после коего в архив поступали дела уже о предметах обыкновенной, навсегда установившейся администрации.

Имея в виду все вышеизложенное и принимая в соображение, с одной стороны, что дела архива, возымевшего свое начало с первых годов текущего столетия, могут представлять несомненный научный интерес, а с другой стороны, то обстоятельство, что дела эти в настоящем своем виде подвержены порче и даже совершенному уничтожению под влиянием времени и других непредвидимых случайностей, я полагал бы весьма полезным сохранить их для следующих поколений посредством печати и с этою целью образовать ныне же при Главном управлении особую комиссию на тех же началах, на коих во внутренней России учреждены археографические комиссии.

На эту комиссию возложить:

1. Тщательный разбор архивных документов, любопытных в каком-либо отношении, на русском, грузинском, армянском и других восточных языках и обнародование их отдельными выпусками, печатаемыми по мере извлечения из дел материалов, в подлинниках с тем, чтобы акты на восточных языках сопровождались русским переводом и необходимыми критическими замечаниями и дополнениями, по мере их надобности и;

2. Составление подробного исследования о постепенном развитии в здешнем крае гражданского управления под русским владычеством. Труд этот представит несомненную важность для разных административных целей в применении к настоящему времени.

В состав комиссии назначить лиц, получивших научное образование, основательно знающих туземные языки и специально посвятивших себя изучению Кавказа и отдельных его национальностей, а также хорошо знакомых с редакционной частью.

Комиссию для руководства в ее трудах снабдить подробною инструкциею.

Если Вашему императорскому высочеству³⁰ благоугодно будет одобрить настоящие мои соображения, то я полагал бы учредить означенную комиссию ныне же под председательством коллежского советника Берже³¹ из начальника архива надворного советника Ныркова³², письменного перевод-

³⁰ Имеется в виду Михаил Николаевич (1832–1909) — великий князь, сын императора Николая I, кавказский наместник (1862–1881), председатель Государственного совета (1881–1905).

³¹ Берже Адольф Петрович (1828–1885) — историк-востоковед, выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1851), по окончании которого был определен на службу в канцелярию кавказского наместника. В 1864 г. возглавил Кавказскую археографическую комиссию, где руководил публикацией ее «Актов...». Автор большого числа научных работ по истории, филологии и этнографии Кавказа.

³² Нырков Иван Макарович — чиновник Главного управления наместника кавказского, где возглавлял архив, а также руководил типографией.

чика Главного управления майора Мирза-Фет Али Ахундова³³ и состоящего при Главном управлении коллежского асессора Берзенова³⁴.

Занятия комиссии займут немалое время; после разработки здешнего архива необходимо будет приступить к разбору архивов в Георгиевске³⁵ и в Ставрополе³⁶, но я позволяю думать, что ввиду тех несомненных и драгоценных для науки и, в особенности, для отечественной истории приобретений, которые должны быть плодом предполагаемых занятий, некоторое денежное пожертвование из сумм на полезные для края предприятия вполне оправдывается. Главнейшая доля труда ляжет, без сомнения, на председателя комиссии и на члена ее Берзенова; они оба должны посвятить ему все свое время, а потому ожидать от них выполнения других служебных обязанностей невозможно. Коллежский советник Берже, занимая должность чиновника особых при мне поручений, которых по штату всего положено два, не может иначе посвятить себя ученым трудам, как с освобождением его от занятий по прямой должности; между тем ни я, при ограниченном числе состоящих при мне лиц, не могу иметь при себе только номинального чиновника особых поручений, ни он не может отказаться от содержания, присвоенного теперешней его должности. Между тем я его считаю специально способным для ученых трудов и уверен, что он с особенною любовью с успехом будет руководить трудами комиссии. Согласование как успеха предположения, так и справедливых прав трудящихся на вознаграждение за их труды, возможно, только если Вашему императорскому высочеству благоугодно будет предоставить коллежскому советнику Берже должность хотя бы и без штатного содержания, но с отнесением нужного на это расхода на тот источник, на который будут отнесены все расходы по предположенной комиссии. Равным образом и на этот источник необходимо бы было отнести и содержание г[осподина] Берзенова, который, состоя сверх штата в Главном управле-

³³ Ахундов Мирза Фет-Али (1818–1878) — писатель и поэт, общественный деятель. В 1834 г. поступил на службу в канцелярию главноуправляющего гражданской частью на Кавказе, где занимал должность штатного письменного переводчика. Владение русским, арабским, персидским и турецким языком позволили ему заниматься переводом документов для Кавказской археографической комиссии.

³⁴ Берзенов Николай Георгиевич (1831–1874) — историк и этнограф, окончил Тифлисскую духовную семинарию (1849), постоянный сотрудник газеты «Кавказ», в Кавказской археографической комиссии занимался переводом документов с грузинского языка.

³⁵ Георгиевск — город на Северном Кавказе, основанный в 1786 г. на месте одноименной российской крепости, в 1802–1822 гг. — центр Кавказской губернии. До начала 1880-х гг. здесь находился архив крепости, в котором хранились документы с последней четверти XVIII в., касавшиеся в том числе Рязанского, Черниговского и Тамбовского наместничеств. Впоследствии остатки этих материалов были перевезены в Тифлис.

³⁶ Ставрополь — город на Северном Кавказе, основанный как крепость в 1777 г., в 1822 г. стал центром Кавказской области, а затем из Георгиевска сюда были переведены все присутственные областные места (1824). В результате этого здесь образовался крупный архив, который содержал документы как по военным вопросам, так и по гражданскому управлению Предкавказьем.

нии, такого вовсе не получает. Что же касается г[оспод] Ныркова и майора Фет-Али Ахундова, то их участие в занятиях комиссии, не отвлекая их постоянно, не препятствует им сохранить настоящие их должности. Независимо от труда ученого предстоит довольно значительный труд механический в переписке всех тех документов, которые признано будет полезным поместить в сборнике, предположенном к печати; для выполнения сего нужно определенное число писцов и сумма на канцелярские расходы. Наконец, в последствии времени, но еще не в слишком близкой будущности, потребуются расходы на печатание.

Делая свод всех этих соображений моих, представляемых на благоугодный суд Вашего императорского высочества, оказалось бы нужным на содержание археографической комиссии произвести следующий расход: на содержание коллежского советника Берже: жалованья — 1500 р[ублей], квартирных — 450 [рублей]; коллежского асессора Берзенова: жалованья — 1000 [рублей], квартирных — 1000 [рублей]; писцам трем по русской переписке по 300 руб[лей] — 900 [рублей]; двум [писцам] по мусульманской переписке по 250 р[ублей] — 500 [рублей]; одному [писцу] по грузинской переписке 200 руб[лей] — 200 [рублей]; одному [писцу] по армянской переписке 200 руб[лей] — 200 [рублей]; на канцелярские расходы — 500 [рублей]. А всего — 5550 [рублей].

Расход этот я полагал бы отнести на сумму на полезные предприятия в крае.

Статс-секретарь барон А. Николаи³⁷
ЦИАГ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4136. Л. 1–10об.
Подлинник. Подпись — автограф.

Список сокращений / Abbreviations

ИАИ — Историко-архивный институт [Historical and Archival Institute]
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Россия) [Manuscripts Department of the Russian State Library (Moscow, Russia)]
СКФУ — Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия) [North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)]
ЦИАГ — Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси, Грузия) [Central Historical Archive of Georgia (Tbilisi, Georgia)]

Список литературы / References

1. Записка статского советника Петра Коваленского о Грузии. [Публ.] А. П. Берже. *Кавказский календарь на 1864 год*. Тифлис: Тип. Главного

³⁷ Николай Александр Павлович (1821–1899) — государственный деятель, начал службу в канцелярии новороссийского и бессарабского губернатора, затем вместе с М. С. Воронцовым продолжил ее на Кавказе, где принимал участие в Даргинской экспедиции (1845) и Салтинском походе (1847), являлся членом совета Главного управления Закавказского края. На исходе Кавказской войны он покинул регион, но уже в 1863 г. вернулся на должность начальника Главного управления наместника кавказского.

- управления наместника кавказского, 1863. С. 180–212. [Note of State Councillor Petr Kovalensky on Georgia. Publ. by A. P. Berzhe. *Caucasian calendar for 1864*. Tiflis: Printing House of the Chief Administration of the Caucasian Viceroy, 1863, pp. 180–212 (in Russian)].
2. Колосов Л. Н. А. П. Берже: материалы к научной биографии. *История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983*. Отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1987. С. 213–224 [Kolosov L. N. A. P. Berzhe: Materials for a Scholarly Biography. *History and Historians. Historiographical Yearbook. 1982–1983*. Ed. by M. V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1987, pp. 213–224 (in Russian)].
 3. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. *Российский ориентализм: взаимодействие власти и знания на Северном Кавказе в XIX — начале XX в.* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2025 [Kolosovskaia T. A., Tkachenko D. S. *Russian Orientalism: Interaction of Power and Knowledge in the North Caucasus in the 19th — early 20th Century*. Stavropol: North Caucasus Federal University Press, 2025 (in Russian)].
 4. Максимчик А. Н., Манышев С. Б. «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...». (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.). *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 2. С. 44–61 [Maximchik A. N., Manyshchev S. B. “...To Collect the Most Important Acts and Information from the Archives...” (The Caucasian Archaeographic Commission and Archival Affairs in the Caucasus in the Second Half of the 19th Century). *Novoe proshloe / The New Past*. 2020. No. 2, pp. 44–61 (in Russian)].
 5. Маяковский И. Л. *Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства). Ч. 1: История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции*. М.: ИАИ, 1941 [Mayakovskiy I. L. *Essays on the History of Archival Affairs in the USSR (An Attempt at a Systematic Guide). Part 1: The History of Archival Affairs in the USSR up to the October Socialist Revolution*. Moscow: IAI, 1941 (In Russian)].
 6. «Небрежное отношение к архивам — признак невысокого умственного уровня общества». Записка подпоручика И. О. Шантыра об архиве военного ведомства в городе Ставрополе (1877 г.). Вступ. статья, коммент., публ. Н. В. Ушаковой. *Отечественные архивы*. 2003. № 2. С. 59–86 [‘Negligent Attitude toward Archives Is a Sign of a Low Intellectual Level of Society’: A Note by Second Lieutenant I. O. Shantyry on the Archive of the Military Department in the City of Stavropol (1877). Introductory article, commentary, and publication by N. V. Ushakova. *Domestic archives*. 2003. No. 2, pp. 59–86 (in Russian)].
 7. Отчет о действиях археографической комиссии за время с апреля месяца 1864 г. по июль 1869 г. *Кавказ: Газета политическая и литературная*. 1869. № 96. С. 1–2 [Report on the Activities of the Archaeographic Commission from April 1864 to July 1869. *Kavkaz: Political and Literary Newspaper*. 1869. No. 96, pp. 1–2 (in Russian)].
 8. Парова Л. М. К истории Кавказской археографической комиссии. (По новым архивным материалам). *Археографический ежегодник за 1988 год*. Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1989. С. 176–185 [Parova L. M. On the

- History of the Caucasian Archaeographic Commission (Based on New Archival Materials). *Archaeographic Yearbook for 1988*. Ed. by S. O. Shmidt. Moscow: Nauka, 1989, pp. 176–185 (in Russian)].
9. Полиевктов М. А. Кавказская археографическая комиссия и ее наследие в Центральном архиве ССР Грузии. *Bulletin historique*. 1925. L. II. С. 105–119. [Polievktov M. A. The Caucasian Archaeographic Commission and Its Legacy in the Central Archives of the Georgian SSR. *Bulletin historique*. 1925. Vol. II, pp. 105–119 (in Russian)].
 10. Рыбаков А. Л. Ориенталист на Кавказе: к 120-летию со дня смерти А. П. Берге (1828–1866). *Кавказский сборник*. Т. 3(35). Отв. ред. В. В. Дегоев. М.: Русская панорама, 2006. С. 356–369 [Rybakov A. L. An Orientalist in the Caucasus: On the 120th Anniversary of the Death of A. P. Berge (1828–1866). *Caucasian Collection*. Vol. 3(35). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2006, pp. 356–369 (in Russian)].

Информация об авторе

Манышев Сергей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена рецензентами 20.05.2026; принята к публикации 27.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergey B. Manyshev — Ph.D (Hist.), Researcher, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia; msergey1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 27.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Научная статья

УДК 929:930.1

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-318-331>

Исторические науки

Традиции русского кавказоведения в трудах советского востоковеда-арабиста Александра Барабанова (1906–1941)

Дмитрий Владиславович Овсянников

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>*

Аннотация. Статья представляет научный портрет Александра Михайловича Барабанова — яркой, но преждевременно ушедшей в годы Великой Отечественной войны фигуры отечественной арабистики и кавказоведения. Его научная известность связана прежде всего с переводом хроники дагестанского книжника Мухаммада Тахира ал-Карахи, благодаря которому российская историография получила важный источник по истории Северного Кавказа. Опираясь на материалы архивных фондов, а также воспоминания современников и научного окружения ученого, автор реконструирует профессиональные интересы и методологические установки А. М. Барабанова, а также педагогические и институциональные связи, определявшие его научную траекторию. Несмотря на фрагментарность источниковой базы, исследование показывает, что личность и научная практика А. М. Барабанова могли сыграть значительную роль в продолжении и развитии ленинградской школы арабистики в послевоенный период, если бы не его трагический уход. Статья вносит вклад в изучение кадрового потенциала советского востоковедения и подчеркивает значение отдельных персоналий для понимания историко-научных процессов в области источниковедения и кавказоведческих исследований.

Ключевые слова: А. М. Барабанов, Кавказская война, Дагестан, Чечня, ал-Карахи, имам Шамиль, кавказоведение, арабистика

Для цитирования: Овсянников Д. В. Традиции русского кавказоведения в трудах советского востоковеда-арабиста Александра Барабанова (1906–1941). *Ориенталистика*. 2026;9(2):318–331. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-318-331>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Traditions of Russian Caucasian Studies in the Works of the Soviet Orientalist and Arabist Alexander Barabanov (1906–1941)

Dmitry V. Ovsiannikov

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>*

Abstract. The article offers a scholarly portrait of Alexander Mikhailovich Barabanov, a prominent figure in Soviet/Russian Arab and Caucasian studies in the pre-World War II period. The life and scholarly career of this remarkable individual were cut short in 1941 during the siege of Leningrad. Barabanov's name as a scholar is almost exclusively associated with his translation of the chronicle by the Dagestani bookman and antiquarian Muhammad Tahir al Karahi. This chronicle was a major contribution to the collection of known sources on the history of the Northern Caucasus. Various archival holdings on one hand and personal memoirs of those who met Barabanov and worked with him on the other, constitute a necessary background used by the author to reconstruct Barabanov's interests and research methods. All this, together with his educational background, provides a cornucopia of aspects which contributed to the formation of a youth from a humble origin into a prominent scholar and an authority in a chosen field of historical studies. Regardless of the fragmentary sources available, the study demonstrates that Barabanov's personality and scholarly practice played a significant role in what is called "the Leningrad school of Arab studies" in the prewar period. This role might have been even more significant had it not been for his tragic death in 1941. The article contributes to the study of the human resources of Soviet Oriental studies and highlights the importance of individual scholars for understanding historical and scholarly processes in the fields of source critical studies and Caucasian studies.

Keywords: A. M. Barabanov, Caucasian War, Dagestan, Chechnya, al-Karahi, Imam Shamil, Caucasian studies, Arab studies

For citation: Ovsiannikov D. V. Traditions of Russian Caucasian Studies in the Works of the Soviet Orientalist and Arabist Alexander Barabanov (1906–1941). *Orientalistica*. 2026;9(2):318–331. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-318-331>.

В 1941 г. в издательстве Академии наук СССР вышел русский перевод сочинения секретаря имама Шамиля Мухаммеда-Тахира ал-Карахи под названием «О дагестанских войнах в период Шамиля». Это сочинение было известно уже в XIX в., когда оказалось в поле зрения известного ориенталиста А. П. Берже. А неудачная попытка его издания в середине 1920-х гг. делала новый совет-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ский перевод чрезвычайно интересным [Покровский, 2000, с. 79–83]. Как указывал известный знаток кавказской истории Н. И. Покровский, горские источники «просто тонут в гряде материалов, оставленных нам царизмом, но тем ценнее каждая запись, исходящая от лиц, близко стоявших к руководству мюридистским движением или проповедовавших тарикат» [Покровский, 1936, с. 219]. И если изучению сочинения Мухаммеда-Тахира посвящена значительная историография [Шихсаидов, 2010; Абдулмажидов и др., 2021], то востоковеду А. М. Барабанову, благодаря которому и сегодня мы имеем возможность обращаться к русскому переводу этого важного труда, почти не нашлось места в исследовательской литературе [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 267–268, 286; Тихонов, 1985, с. 40, 42]. Между тем, в 2026 г. исполняется 120 лет со дня его рождения.

Из «выдвиженцев» — в востоковеды

Согласно материалам автобиографии, Александр Михайлович Барабанов родился 30 ноября 1906 г. в селе Назорное Ростовского уезда Ярославской губернии (ныне — Ильинский район Ивановской области) в семье крестьянина-бедняка¹. Его отец, не имея домашней скотины, занимался отходничеством: периодически отдавал землю в аренду, а сам нанимался дворником в Санкт-Петербург. Будучи призванным на фронт в 1914 г., он вернулся после революции 1917 г. в родное село, где был избран председателем Комбеда, однако спустя год умер от тифа².

А. М. Барабанов до 1919 г. учился в сельской школе, по окончании которой стал работать письмоносцем, а затем — батраком у зажиточных крестьян, чернорабочим в «кооперативной терочной». В 1924 г. он приехал в Ленинград, где поступил на службу землекопом, а спустя два года начал трудиться на стройке фабрики «Красное Знамя», которая как раз в этот период проходила через реконструкцию и строительство нового корпуса на Петроградской стороне. В 1929 г. А. М. Барабанов был избран председателем расценочно-конфликтной комиссии при рабочем комитете стройки. За год до этого он вступил в ряды ВКП(б) и был направлен на учебу в Совпартшколу. Вероятно, именно получение среднего партийно-политического образования способствовало тому, что Александр Михайлович начал вести активную пропагандистскую работу в кружках по истории партии и политической экономии³.

В 1930 г. А. М. Барабанов был выдвинут на работу в только что основанный Ленинградский строительный техникум, где одновременно проходил учебу на вечернем отделении и являлся заведующим хозяйственной частью. По окончании двух курсов, в 1932 г., он был командирован на учебу в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе. Согласно правилам приема, в вуз принимались абитуриенты в возрасте от 21 до 30 лет из рабочих, беднейшего крестьянства и батраков, которые имели партийный и производственный стаж не менее трех лет [Кононов, Иориш, 1977, с. 75]. Всем этим

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 4.

² Там же.

³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 4.

параметрам вполне соответствовал А. М. Барабанов. В рассматриваемое время, несмотря на реорганизацию учебных планов, в институте отводилось более 50% аудиторных занятий именно на изучение языков, так как главной задачей была подготовка специалистов марксистско-ленинской направленности хотя бы с одним западноевропейским и одним восточным языком [Кононов, Иориш, 1977, с. 73]. То есть, Ленинградский восточный институт был призван готовить не столько ученых, сколько сотрудников для практической работы.

Александр Михайлович и во время учебы был верен избранной политико-партийной линии, являясь членом бюро ячейки ВКП(б) факультета, а также работая политредактором в радиоузле 3-й Табачной фабрики⁴.

В 1936 г. А. М. Барабанов защитил работу на тему «Деятельность египетского национального банка “Миср”» и получил диплом с отличием, в котором значилась специальность экономиста по арабским странам [Долинина, 1994, с. 267].

По окончании института А. М. Барабанов был направлен в Москву в Научно-исследовательский институт по изучению национально-колониальных проблем, однако в июле 1937 г. уволился из-за «отсутствия работы по специальности»⁵.

Такого рода карьерная траектория была характерна для так называемых «выдвиженцев», т. е. передовиков производства с соответствующим рабоче-крестьянским происхождением, которых выдвигали на руководящие должности для «усиления» кадрового актива и в противовес «социально чуждым» для советской власти «общественным элементам», «благородным из бывших», тем, кто имел происхождение из дворян и духовенства. Нередко такое противопоставление людей в одном коллективе приводило к трениям.

Ленинградская школа востоковедения и А. М. Барабанов

В феврале 1938 г. А. М. Барабанов был зачислен в «кандидатскую аспирантуру» Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде по специальности «Новая история арабских стран» со стипендией в 400 рублей⁶.

Таким образом Александр Михайлович стал частью историко-институционального феномена, связанного с петербургской (позднее — ленинградской) школой академического востоковедения. Стоит сказать, что в отечественной востоковедческой традиции петербургско-ленинградская школа занимает особое место: она сочетает фундаментальную филологическую подготовку с практической ориентацией на работу с рукописями и региональными источниками, в том числе касающимися Кавказа и Туркестана. Формирование этой школы происходило под воздействием как академических традиций, так и прикладных потребностей (филологическая обработка рукописных текстов, учебные задачи, научные экспедиции, а также ответ на запрос сначала имперской администрации, а затем и советских властных чинов). Непрерывность традиций обеспечивалась за счет преемственности педагогических связей,

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 1.

созданием профильных кафедр и институтских кабинетов, а также накоплением уникальных рукописных фондов.

Становление академического востоковедения в России неразрывно связано с имперским центром — Санкт-Петербургом, где с 1818 г. функционировал Азиатский музей Академии наук, а в 1855 г. был открыт Факультет восточных языков при Университете. Порой руководство этих учреждений сводилось к одним и тем же личностям. Так, светило мировой арабистики В. Р. Розен в 1881–1882 гг. руководил Азиатским музеем, а в 1893 г. стал деканом Факультета восточных языков. Именно здесь сформировалась уникальная исследовательская традиция, заложенная такими учеными, как Х. Д. Френ и А. К. Казембек. Перенесение на русскую почву немецкой системы организации рационального знания отразилось и на востоковедении. По сути, в Петербурге сформировался один из европейских центров науки, который задавал тон в глубине анализа и «академичности», т. е. направленности на сугубо научные задачи, и относительной свободе от задач колониального характера, присущих другим имперским державам Европы.

Формирование подобной традиции было связано с рядом выдающихся ученых и педагогов, чья работа определила лицо школы. Особое место занимает упомянутый выше В. Р. Розен, который сумел сформировать мощную группу учеников, интересы которых выходили за пределы его «епархии» — арабистики. Среди них тюрколог В. В. Бартольд, индолог С. Ф. Ольденбург, лингвист-экспериментатор Н. Я. Марр. Из арабистов нельзя обойти такую фигуру, как И. Ю. Крачковский — филолог, палеограф и педагог, по инициативе и под руководством которого велась активная работа с арабскими рукописями, в том числе затрагивающими и Кавказ. В описанном круге складывалась манера сочетать лингвистическую щепетильность с историко-источниковедческим вниманием к контексту и локальной специфике. Плеяда розеновских учеников стояла у основания советской науки, передав как эстафету уже ленинградской школе преподавательскую преемственность, подготовку аспирантов и систематическую работу с архивами. Практика полевых командировок позволяла обнаруживать и описывать многочисленные списки, рукописи и личные архивы, которые впоследствии легли в основу изданий и исследований. Накопление и каталогизация фондов зачастую оставались проблемой ввиду недостатка штатных специалистов, что диктовало важность подготовки арабистов, владеющих палеографией и региональной топонимикой. Характерная особенность петербургской и затем ленинградской традиции — системная работа с арабскими текстами «в живом» источниковом корпусе: перевод, текстологическая критика, подготовка арабских изданий, комментирование и сопоставление списков. Уделялось внимание палеографическим признакам, пояснительным значкам и местным надстрочным/подстрочным элементам, которые помогают реконструировать локальные практики письма и устаревшие лексические пласты [Крачковский, 1958, с. 66–104; Бертельс, 1972; Петросян, 1994; Тольц, 2013].

В такой среде формировался А. М. Барабанов как ученый. Тем удивительнее, что он не пошел дальше по партийной линии, не занялся изучением революционного движения на современном ему Востоке, а избрал в качестве научной проблематики историю Кавказа XIX в.

Знакомство А. М. Барабанова с И. Ю. Крачковским состоялось еще в Ленинградском восточном институте, где последний возглавлял кафедру арабского языка [Кононов, Иориш, 1977, с. 29, 81], а затем уже стал его научным руководителем. Игнатий Юлианович в одном из писем указывал, что Александр Михайлович попал к нему в аспирантуру «в порядке принудительного ассортимента» [Долинина, 1994, с. 268]. Однако очень скоро стало очевидным, что ученик, к которому относились со скепсисом, достаточно перспективен и готов работать на износ. В зачетном листке А. М. Барабанова за подписью И. Ю. Крачковского стоят отметки «отлично» по арабскому и французскому языкам⁷.

В характеристике, данной Александру Михайловичу одним из преподавателей, содержится рекомендация в необходимости скорейшего овладения французским языком для успешного выполнения научной работы. «Задача эта значительно облегчается, благодаря знанию Барабановым английского и арабского языков», — добавлял преподаватель⁸. Аспирант проявил большие способности в овладении языками, быстро схватывал грамматику и пополнял словарный запас, опираясь на знания английского языка. Ему было свойственно большое усердие и сознательность в своих занятиях, в ходе которых он посвящал достаточное количество времени языку. Проблемы с произношением («тов. Барабанов невольно сбивается на английское произношение») были не принципиальными, и он добивался довольно быстрых результатов за счет систематической работы⁹.

Среди неопубликованных работ А. М. Барабанова удалось выявить его статью «Арабы и ислам»¹⁰, а также разработанную им программу для спецкурса «Роль и значение ислама в истории стран Ближнего Востока»¹¹, обе работы демонстрируют глубокое знание предмета и широкий тематический охват.

Арабоязычные источники по истории Кавказа в научном творчестве А. М. Барабанова

Именно академик И. Ю. Крачковский обратил внимание молодого ученого на значительный корпус материалов на арабском языке по истории Северного Кавказа, который ранее не был объектом внимания исследователей. Аспирантура открыла возможность А. М. Барабанову приложить свои усилия для работы в этой недостаточно изученной области. Еще в начале 1930-х гг. Игнатий Юлианович обратил внимание на значительное число арабоязычных источников, связанных с жизнью и деятельностью имама Шамиля. Однако в большинстве своем они были известны лишь в некачественных русских переводах, что делало их непригодными для научной работы [Крачковский, 1960а, с. 560]. Сам И. Ю. Крачковский в 1935 г. сделал несколько сообщений

⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 6.

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 8. Д. 146.

¹¹ АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 8. Д. 98.

относительно сочинения Мухаммеда-Тахира, рукопись которого лишь за год до этого поступила в Институт востоковедения [Крачковский, 1960b, с. 585, 587].

Именно наличие такого интересного нарративного источника заставило А. М. Барабанова взяться за его изучение. Работа предполагала перевод сочинения на русский язык, его критическое арабоязычное издание, а также исследование [Крачковский, 1958, с. 170, 183]. И. Ю. Крачковский отмечал, что диссертация «"История Шамиля М. Тахира (издание текста, перевод и комментарии)" подготавливается успешно»¹².

Определяющую роль в успешном завершении работы сыграла командировка Александра Михайловича 1939 г.¹³ в Махачкалу в краеведческий музей Дагестана, во время которой им было обнаружено довольно много документов, рукописей и книг на арабском языке.

Описывая состояние научной жизни в Дагестане, А. М. Барабанов рисует печальную картину и отмечает отсутствие специального работника, владеющего арабским языком, в штате музея. Обработка данных фондов не производилась, причем не было даже инвентарной описи арабских фондов. Не велся сбор и учет материалов на периферии. Музей покупал при случае предлагаемые документы у различных лиц, однако, складывал их в кучу, не устанавливая ни степени важности, ни периода, к которому они относятся¹⁴.

В итоге А. М. Барабановым было собрано несколько десятков подлинных писем Шамиля и около сотни — его набобов, часть которых имела в том числе и русские переводы. Здесь же была обнаружена переписка шамхала Тарковского, князя М. З. Аргутинского-Долгорукова и других русских военачальников¹⁵. Кроме того, А. М. Барабанов выявил собственноручное письмо Мухаммеда-Тахира и письмо известного дагестанского книгоиздателя Магомед-Мирзы Мавраева к сыну ал-Карахи — Хабибулле об издании сочинения его отца [Барабанов, 1941, с. 25].

Помимо этого, аспирантом А. М. Барабановым было описано около 20 документов. Но попытка составить их полный формуляр (адресат, отправитель, краткое содержание и дата) оказалась не полной, так как было трудно разобрать почерк, а также отсутствовали пособия для восстановления имен и наименований местностей, на что ушло много времени¹⁶.

Другое собрание источников на арабском языке А. М. Барабанов обнаружил в Дагестанском научно-исследовательском институте национальных культур, где к тому моменту никто из сотрудников предметно не изучал историю Кавказской войны. Он писал, что «вопросами, связанными с деятельностью Шамиля, в данное время никто не занимается. Научных работников, знающих арабский язык, нет. 2–3 года тому назад периодом Шамиля занимались несколько человек, некоторых из них уже нет, а оставшиеся два человека — Магомедов (он же директор института) и Махмудов переключились на другие

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 6.

¹³ Отчет об этой командировке датирован 11 сентября 1939 г.

¹⁴ АВ ИВР РАН. Р. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 1.

¹⁵ АВ ИВР РАН. Р. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 3.

¹⁶ АВ ИВР РАН. Р. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–2.

периоды»¹⁷. Подобное наблюдение было достаточно точным: к 1939 г. в плане института не значилось ни одной работы, связанной с Кавказской войной, а издание монографии Р. М. Магомедова «Борьба горцев под руководством Шамиля» лишь планировалось [*Институт истории, археологии и этнографии...*, 2014, с. 220, 222].

А. М. Барабанов зафиксировал, что в рукописном отделе института имеются ряд документов «о периоде Шамиля», а также списки сочинений на арабском языке. Как наиболее значимые для исследователя он отметил две копии рукописи Мухаммеда-Тахира «Блеск дагестанских шашек...»¹⁸.

Помимо арабоязычной литературы о Шамиле, А. М. Барабанов нашел здесь переводы ряда западноевропейских источников, переписку царских властей о посылке кадия Эскера из Крыма в Дагестан для борьбы против Шамиля, о взятии Шамилем в плен семьи Чавчавадзе, записи воспоминаний родственников наиба Хаджи-Мурата, хронику событий в Дагестане с XVI по конец XIX в. На все эти материалы А. М. Барабанов составил библиографию с указанием инвентарных номеров рукописного отдела института¹⁹.

Стоит отметить и тот факт, что в самом Дагестане оставались любители местной истории, которые сумели внести вклад в сохранение культурного наследия — рукописных источников о периоде покорения Кавказа Российской империи. Речь идет об уроженце селения Нижний Дженгутай Абдурахмане Казиеве [Абдурахманов, 1991]. Этот школьный учитель физики, занимавшийся сборианием рукописей и фольклорных памятников по истории родного края, в 1929 г. снял ряд копий с других сочинений ал-Карахи из сборника произведений о Шамиле (куда входил и «Блеск дагестанских сабель...»). У него А. М. Барабановым и был приобретен этот сборник [Барабанов, 1941, с. 19].

Таким образом, для работы в распоряжении А. М. Барабанова были три списка сочинения Мухаммеда-Тахира, хранившиеся в Ленинграде, два — из Махачкалы, а также сборник, купленный у Абдурахмана Казиева. Все это позволило подготовить и издать перевод «Блеска дагестанских сабель...» в варианте, приближенном к оригиналу.

1 февраля 1941 г. А. М. Барабанов окончил полный курс аспирантуры и выбыл из нее. После чего его зачислили младшим научным сотрудником Арабского кабинета «на половину оклада» в размере 300 рублей в месяц²⁰.

Плодом его трудов за время учебы в аспирантуре стал вышедший в марте 1941 г. том «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля» [*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...*, 1941]. Это сочинение, охватывая события в Дагестане с начала XIX в. и до пленения последнего имама, является первостепенным источником по истории всего этого периода. Решение молодым ученым задачи, связанной с переводом и изданием рукописи Мухаммеда-Тахира, без преувеличения следует признать его бесценным вкладом в арабистику и кавказоведение.

¹⁷ АВ ИВР РАН. Р. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВ ИВР РАН. Р. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 3.

²⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 9, 10.

По выходе русского перевода работа А. М. Барабанова привлекла к себе внимание критиков. Так, Н. И. Покровский в письме к И. Ю. Крачковскому отмечал, что «наконец-то появилось столь важное для кавказоведов произведение». Однако он считал несправедливой критику²¹ в свой адрес в связи со сличением различных вариантов перевода сочинения Мухаммеда-Тахира [Шарафутдинова, 1997, с. 510].

Более радикальным было мнение дагестанского востоковеда М.-С. Д. Саидова, который указывал, что осуществить перевод этого сочинения — «значит взяться за трудную и сложную работу». Несмотря на то, что хроника Мухаммеда-Тахира написана на арабском языке, в ней присутствует огромное число идиом и целых выражений, которые свойственны исключительно аварскому языку. Так, А. М. Барабановым оказались неверно переданными топонимы и этнонимы. «Во многих местах, — продолжал этот востоковед, — перевод сделан совершенно неправильный. Это произошло потому, что переводчик не понял смысла отдельных предложений» [Саидов, 2014, с. 57–58].

Второй том исследования, представляющий собой издание арабского текста хроники, вышел в 1946 г. [*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...*, 1946]. Хотя готов он был уже к началу войны, но блокада помешала осуществить задуманное. Третий же том, в котором предполагалось осуществить комплексное исследование источника, так и не был подготовлен. Как указывал И. Ю. Крачковский, «было написано только несколько глав» [Крачковский, 1958, с. 183].

Очевидно, частью этого исследования следует признать статью А. М. Барабанова «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа», которая также была опубликована посмертно [Барабанов, 1945]. «Наличие нескольких списков одного и того же объемистого сочинения, — писал ученый, — позволило собрать многочисленные примеры употребления значков в самых различных сочетаниях и комбинациях» [Барабанов, 1945, с. 184]. В этой работе автором было предложено рассматривать особые приемы местной палеографии — надстрочных и подстрочных знаков, которые облегчали понимание арабского текста. Это открытие А. М. Барабанова заслужило особое признание востоковедов, которые на основе его работ продолжили изучение употребления тех или иных значков в памятниках арабской письменности Северного Кавказа [Маргвелашвили, 1953, с. 7–10]. Н. И. Покровский отмечал, что необходимо более тщательное изучение рукописных памятников для выяснения распространенности тех или иных знаков, но при этом указывал, что «Барабанов поднял интересный вопрос» [Шарафутдинова, 1997, с. 512].

* * *

С началом Великой Отечественной войны А. М. Барабанов вступил в народное ополчение. Последняя запись в его трудовой книжке, датированная 7 июля

²¹ А. М. Барабанов писал, что «на основе плохих переводов родилось неверное предположение о якобы существующих нескольких вариантах и редакциях одного и того же сочинения, что, в свою очередь, вызвало неверный, с моей точки зрения, метод научного анализа Н. И. Покровского» [Барабанов, 1941, с. 19].

1941 г. гласит, что он «выбыл из состава сотрудников Института востоковедения в связи с уходом в Народное ополчение». Как указывал Т. А. Шумовский, Александр Михайлович «сменил перо ученого на автомат бойца»²². Политрук 276-го отдельного пулеметного артиллерийского батальона Ленинградского фронта А. М. Барабанов пропал без вести в октябре 1941 г.²³

Совершенно очевидно, что Александр Михайлович Барабанов обладал непростым характером. Так, И. Ю. Крачковский в письме к В. А. Кюнер-Сутугиной, характеризуя свои отношения с учеником, писал: «Многое я ему простил за “покаяние”, когда он приезжал в Ленинград в сентябре того же года (1941 г. — *Д. О.*)» [Долинина, 1994, с. 268]. Не менее строг был и Т. А. Шумовский, отмечавший, что работы Александра Михайловича «проникнуты партийной принципиальностью и бескомпромиссностью, которые отличали все выступления коммуниста Барабанова в академическом коллективе»²⁴.

Однако нельзя не признать, что трудолюбие, талант, смелость выводов, широкий кругозор, внимание к фундаментальным вопросам исторической науки, самоотверженность и активная гражданская позиция — это те качества, которые пронес сквозь свою короткую жизнь советский арабист Александр Михайлович Барабанов.

Список сокращений / Abbreviations

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург) [Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)].
- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик [Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics].
- ИИАЭ ДФИЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Махачкала) [Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala)].
- ИИЯЛ ДФ АН СССР — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Махачкала) [Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics (Makhachkala)].
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Москва) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)].

²² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 12.

²³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563784. Д. 16. Л. 262об.

²⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 63. Л. 12.

Список литературы / References

1. Абдулмажидов Р. С., Маламагомедов Д. М., Шехмагомедов М. Г. *Мухаммадтахир ал-Карахи: жизнь и творческое наследие (исследования и тексты)*. Махачкала: [ИИАЭ ДФИЦ РАН], 2021 [Abdulmazhidov R. S., Malamagomedov D. M., Shekhmagomedov M. G. *Muhammadtakhir al-Karahi: Life and Creative Legacy (Studies and Texts)*. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021 (in Russian)].
2. Абдурахманов А. А. Материалы об Абдурахмане Казиеве из Нижнего Дженгутая и его наследии. *Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сборник статей*. Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1991. С. 176–182 [Abdurakhmanov A. A. Materials on Abdurakhman Kaziev from Nizhnii Dzhengutai and His Legacy. *Manuscript and Printed Book in Dagestan. Collection of Articles*. Ed. by A. R. Shikhsaidov. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature, Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1991, pp. 176–182 (in Russian)].
3. Барабанов А. М. Введение. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. Перевод с араб. А. М. Барабанова; предисл. И. Ю. Крачковского. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 7–30. [Barabanov A. M. Introduction. *Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi on the Dagestani Wars during the Period of Shamil*. Translated from Arabic by A. M. Barabanov; foreword by I. Yu. Krachkovskiy. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941, pp. 7–30 (in Russian)].
4. Барабанов А. М. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа. *Советское востоковедение*. Т. III. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 183–214 [Barabanov A. M. Explanatory Signs in Arabic Manuscripts and Documents of the North Caucasus. *Soviet Oriental Studies*. Vol. III. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1945, pp. 183–214 (in Russian)].
5. Бертельс Д. Е. Введение. *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. Ред. колл. А. Н. Кононов и др. М.: Наука, 1972. С. 5–80 [Bertels D. E. Introduction. *The Asian Museum — Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR*. Editorial board A. N. Kononov et al. Moscow: Nauka, 1972, pp. 5–80 (in Russian)].
6. Долинина А. А. *Невольник долга*. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994 [Dolinina A. A. *A Slave of Duty*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1994 (in Russian)].
7. *Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы*. Сост. Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко, Н. Д. Чекулаев. Махачкала: Наука–Дагестан, 2014 [Institute of History, Archaeology and Ethnography; G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art. 1924–2014. On the 90th Anniversary of the Foundation. Documents and

- Materials*. Comp. by L. G. Kaimarazova, Yu. M. Lysenko, and N. D. Chekulaev. Makhachkala: Nauka–Dagestan, 2014 (in Russian)].
8. Кононов А. Н., Иорис И. И. *Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения*. М.: Наука, 1977 [Kononov A. N., Iorish I. I. *The Leningrad Oriental Institute. A Page in the History of Soviet Oriental Studies*. Moscow: Nauka, 1977 (In Russian)].
 9. Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. [1933]. В: Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения*. Т. VI. Ред. В. И. Беляев. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. С. 559–570 [Krachkovskiy I. Yu. An Arabic Manuscript of Memoirs about Shamil. [1933]. In: Krachkovskiy I. Yu. *Selected Works*. Vol. VI. Ed. by V. I. Beliaev. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960а, pp. 559–570 (In Russian)].
 10. Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи. [1939]. В: Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения*. Т. VI. Ред. В. И. Беляев. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1960b. С. 585–608. [Krachkovskiy I. Yu. New Manuscripts on the History of Shamil by Muhammad Tahir al-Karahi. [1939]. In: Krachkovskiy I. Yu. *Selected Works*. Vol. VI. Ed. by V. I. Beliaev. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960b, pp. 585–608 (in Russian)].
 11. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. [1950]. В: Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения*. Т. V. Ред. Б. Н. Захoder. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–192 [Krachkovskiy I. Yu. Essays on the History of Russian Arabic Studies. [1950]. In: Krachkovskiy I. Yu. *Selected Works*. Vol. V. Ed. by B. N. Zakhoder. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958, pp. 7–192 (in Russian)].
 12. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. *Из истории советского востоковедения. 1917–1967*. М.: Наука, 1970 [Kuznetsova N. A., Kulagina L. M. *From the History of Soviet Oriental Studies, 1917–1967*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].
 13. Маргвелашвили Т. С. *Языковые особенности арабоязычных памятников Северного Кавказа*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси: [б. и.], 1953 [Margvelashvili T. S. *Linguistic Features of Arabic-Language Monuments of the North Caucasus*: Abstract of the Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tbilisi: [s. n.], 1953 (in Russian)].
 14. Петросян Ю. А. Петербургское академическое востоковедение: традиции и современное состояние. *Петербургское востоковедение*. Вып. 5. Глав. ред. И. А. Алимов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 9–21. [Petrosian Yu. A. St. Petersburg Academic Oriental Studies: Traditions and the Current State. *Petersburg Oriental Studies*. Issue 5. Ed. by I. A. Alimov. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1994, pp. 9–21 (in Russian)].
 15. Покровский Н. И. *Кавказские войны и имамат Шамиля*. Под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2000 [Pokrovskiy N. I. *The Caucasian Wars and the Imamate of Shamil*. Ed. by V. G. Gadzhiev and N. N. Pokrovskiy. Moscow: ROSSPEN, 2000 (in Russian)].
 16. Покровский Н. И. Обзор источников по истории имамата. *Проблемы источниковедения. Сборник II*. Ред. И. М. Троцкий. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 187–234 [Pokrovskiy N. I. A Survey of Sources on the History of the

- Imamate. *Problems of Source Studies. Collection II*. Ed. by I. M. Trotskiy. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936, pp. 187–234 (in Russian)].
17. Саидов М. Хроника Мухамеда-Тагира ал-Карахи. *Страна гор: Внутриинститутский журнал*. № 1 (апрель – июнь, 1941 г.). Отв. ред. Р. Г. Магомедов. Махачкала: МавраевЪ, 2014. С. 57–58 [Saidov M. Chronicle of Muhammad-Tagir al-Karahi. *Land of Mountains: Internal Institute Journal*. No. 1 (April–June 1941). Ed. by R. G. Magomedov. Makhachkala: Mavraev, 2014, pp. 57–58 (in Russian)].
 18. Тихонов Д. И. Война и советские востоковеды в Ленинграде. *Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов (1941–1945 гг.)*. Отв. ред. Б. Г. Сапожников, П. М. Шаститко. М.: Наука, 1985. С. 39–63 [Tikhonov D. I. War and Soviet orientalists in Leningrad. *Weapons of words. Articles and memoirs of Soviet orientalists (1941–1945)*. Ed. by B. G. Sapozhnikov, P. M. Shastitko. Moscow: Nauka, 1985, pp. 39–63 (in Russian)].
 19. Тольц В. «Собственный восток России». *Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период*. М.: НЛО, 2013 [Tolz V. *Russia's Own Orient. Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period*. Moscow: New Literary Observer, 2013 (in Russian)].
 20. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. Пер. с араб. А. М. Барабанова; предисл. И. Ю. Крачковского. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [*Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi on the Dagestani Wars during the Period of Shamil*. Transl. from Arabic by A. M. Barabanov; foreword by I. Yu. Krachkovskiy. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941 (in Russian)].
 21. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. Арабский текст. подгот. А. М. Барабанова; под ред. И. Ю. Крачковского. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1946 [*Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi on the Dagestani Wars during the Period of Shamil*. Arabic text. prepared by A. M. Barabanov; ed. by I. Yu. Krachkovskiy. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946 (in Russian)].
 22. Шарафутдинова Р. Ш. Н. И. Покровский (1897–1946) и И. Ю. Крачковский (1883–1951). (Проблемы кавказской арабистики по архивным материалам). *Петербургское востоковедение*. Вып. 9. Глав. ред. И. А. Алимов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 501–515 [Sharafutdinova R. Sh. N. I. Pokrovskii (1897–1946) and Iu. Yu. Krachkovskiy (1883–1951). Problems of Caucasian Arabic Studies Based on Archival Materials. *Petersburg Oriental Studies*. Issue 9. Ed. by I. A. Alimov. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1997, pp. 501–515 (in Russian)].
 23. Шихсаидов А. Р. *Мухаммадтахир ал-Карахи (1809–1880). Биобиблиографический очерк*. Махачкала: ДИНЭМ, 2010. [Shikhsaidov A. R. *Muhammadtakhir al-Karahi (1809–1880). A Biobibliographical Essay*. Makhachkala: DINEM, 2010 (in Russian)].

Информация об авторе

Овсянников Дмитрий Владиславович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теологии и культуры ислама, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена рецензентами 15.05.2026; принята к публикации 28.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Dmitry V. Ovsiannikov — Ph. D (Hist.), Associate Professor, Department of Theology and Culture of Islam, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 28.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies,
historical research methods
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(470.67):39

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-332-354>

Колониальная этнография и культурный перевод
имперских посредников: первое этнографическое
описание Западного Дагестана
‘Абд ар-Рахманом ал-Гази-Гумуки

Владимир Олегович Бобровников

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,
vladimir_bobrovn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1444-7722>

Аннотация. В истории этнографического изучения горцев Северо-Восточного Кавказа еще есть пробелы. Статья пытается закрыть один из них, введя в научный оборот первое систематическое описание материальной культуры, языка и микротопонимики, правовых и бытовых обычаев, степени исламизации культуры и общества у мусульманских народов Западного Дагестана, сделанное к 1869 г. на арабском языке по заказу имперской военно-народной администрации ‘Абд ар-Рахманом сыном накш-бандийского шейха Джамал ад-Дина из с. Кумух и зятем имама Шамиля. Автор с ранней юности упорно сражался против Российской империи на стороне Имамата, а в 1860-е гг. перешел на службу империи в Дагестанской области Кавказского наместничества. Это яркий пример имперского посредника, вовлеченного в сети колониального военно-народного управления туземцами-мусульманами, сбора сведений и конструирования научных знаний о регионе, организованные силами военных чиновников-краеведов из Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Статья пытается выявить эвристический потенциал для исследований новой имперской истории случаев культурного перевода с русского на арабский и обратно, а также этнографических описаний, которые, как и сочинение нашего автора появились в последней трети XIX в., вскоре после окончания Кавказской войны и колониального завоевания региона. В этом отношении перспективно изучение Программ

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

сбора этнографического и юридического быта среди инородцев-туземцев как новых неполных колонизованных подданных империи, сходных по статусу с недавно освобожденным от крепостной зависимости русским крестьянством. Как показывает случай 'Абд ар-Рахмана, языком знания и власти в Дагестане оставался литературный арабский язык. На него переводились важные имперские нормативные и нарративные тексты, в частности этнографические вопросники. Причем ответы на них тот же 'Абд ар-Рахман и его коллеги писали по материалам своих воспоминаний о знакомом им недавнем прошлом Имамата. Немалый интерес представляют присутствующие в 18-й этнографической главе книги 'Абд ар-Рахмана переплетающиеся нарративы шариатского правового и международного колониального ориенталистского дискурсов, из которых последний следует типу ориентализма, который Милица Бакич-Хайден определила как отпочковывающийся.

Ключевые слова: колониальная этнография, мемуары, программа сбора этнографического и правового быта, имперские посредники, географическое общество, Западный Дагестан, 'Абд ар-Рахман ал-Гази-Гумуки

Для цитирования: Бобровников В. О. Колониальная этнография и культурный перевод имперских посредников: первое этнографическое описание Западного Дагестана 'Абд ар-Рахманом ал-Гази-Гумуки. *Ориенталистика*. 2026;9(2):332–354. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-332-354>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-332-354>

History studies

Colonial Ethnography and Cultural Translation by Imperial Intermediaries: The First Ethnographic Study of Western Dagestan by 'Abd al-Rahman al-Ghazi-Ghumuqi

Vladimir O. Bobrovnikov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
vladimir_bobrovn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1444-7722>*

Abstract. There are still significant gaps in the ethnographic investigation of the mountain peoples of the North-Eastern Caucasus. This article attempts to fill in one of them. It introduces into scholarly circulation the first systematic description of material culture, language, and microtoponymy, as well as legal and everyday customs and the degree of cultural Islamization of the Muslim highlanders in Western Dagestan. It was commissioned by the Russian Imperial military-native administration. The person who wrote it around 1869 in Arabic was 'Abd al-Rahman, son of the Naqshbandi sheikh Jamal al-Din from the village of Kumukh, also son-in-law of Imam Shamil

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

(1797–1871). From his early youth, ‘Abd al-Rahman fought tenaciously against the Russian Empire on the side of the Imamate; however, in the 1860s, he entered the Imperial service in the Dagestani province of the Caucasus Vice-Royalty. His case is a good example of how an imperial intermediary was involved in networks of colonial military-native administration for Muslims. ‘Abd al-Rahman was instrumental in collecting data and the construction of scholarly knowledge about the region. The whole process was organised by the Caucasus Department of Imperial Russian Geographical Society. The article attempts to evaluate heuristic potential for studies on new imperial history of cultural translation cases from Russian into Arabic and vice versa, as well as of ethnographic descriptions which, like our author’s work, appeared in the last third of the 19th century, shortly after the end of colonial conquest of the region. In this respect, it is promising to examine programs for collecting ethnographic and legal data on the native peoples of the Caucasus, who were considered as “alien” or, in other words, “not-full” subjects of the empire whose legal status was close to that of the Russian peasants recently freed from serfdom. Cultural translation played a significant role in scholarly and administrative projects aimed at turning the borderlands into a Russian colony. The case of ‘Abd al-Rahman’s shows that Arabic, shared by the Dagestani Muslim scholars, along with its role as lingua franca, remained the language of knowledge and power in Dagestan. First ethnographic descriptions of this area appeared in this language. Much later, they were partly translated into Russian. It is also worth mentioning that imperial Muslim historiography of this period had a distinct memoir-like character and often referred to the times of the Caucasian war. Of considerable interest are the intertwining narratives of Sharia legal and international colonial Orientalist discourses present in the 18th ethnographic chapter of ‘Abd al-Rahman’s book, the latter of which follows the nesting type of Orientalism as discovered by Milica Bakic-Hayden in the post-Ottoman Balkans of the same historical period.

Keywords: colonial ethnography, memoirs, programs for collecting ethnographic and legal data on colonized native peoples, imperial intermediaries, Geographical Society, Western Dagestan, ‘Abd al-Rahman al-Ghazi-Gumuqi

For citation: Bobrovnikov V. O. Colonial Ethnography and Cultural Translation by Imperial Intermediaries: The First Ethnographic Study of Western Dagestan by ‘Abd al-Rahman al-Ghazi-Ghumuqi. *Orientalistica*. 2026;9(2):332–354. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-332-354>.

Введение

Цель моей работы — рассмотреть вклад одного из дагестанских улемов на службе сначала Имамата, а после его поражения — империи, в становление колониальной, а в дальнейшем — полевой этнографии Кавказа. Иными словами, я хочу разобрать и разъяснить спорные вопросы этнографического жанра в поздней дагестанской мусульманской историографии, понять его эпистемологию. Я пытаюсь понять эвристический потенциал анализа имперских этнографических описаний, культурных переводов с русского на арабский и обратно, на котором как lingua franca образованных мусульман региона писал ‘Абд ар-Рахман ал-Гази-Гумуки и его коллеги «туземцы», часть из

которых приняла участие в исследованиях по прикладной имперской этнографии на восточных окраинах России, организованных Кавказским отделом Императорского русского географического общества (КО ИРГО), начиная с 1860-х гг.

Арабоязычные сочинения 'Абд ар-Рахмана ал-Гази-Гумуки

Среди нарративных источников, писем и документов на арабском языке, сохранившихся от мусульманских соперников, подданных и чиновников Российской империи на Восточном Кавказе в государственных собраниях и частных коллекциях, есть сочинения и переписка сына духовного наставника и зятя имама Шамиля — 'Абд ар-Рахмана ал-Гази-Гумуки (1252/1837–1318/1900–01). Это — мусульманский ученый, чиновник, военный, большую часть своей богатой событиями жизни действовавший как имперский посредник. Еще в детстве, во время Кавказской войны, он оказался со своим отцом, накшбандийским шейхом Джамал ад-Дином, переселенцем (мухаджир/مهاجر), на территории Имамата, участвовал в вооруженном джихаде имамов против империи, служил секретарем Шамиля. После пленения имама в 1859 г. 23-х лет от роду он разделил с Шамилем ссылку в Калуге, неплохо выучил там русский, откуда через семь лет, в 1866 г., вернулся в Дагестан, где почти до смерти служил в колониальном военно-народном управлении, сначала в горской милиции в Тифлисе, затем в Казии-Кумухском округе Дагестанской области [Абдурахман, 1997, с. 11–14; Абдурахман, саййид, 2002, с. 12].

Кроме частной и официальной переписки от 'Абд ар-Рахмана дошли (1) его «Воспоминания (*Китаб тазкира...*)» [Абдурахман, 1997], выдержки из которых еще до завершения книги в январе 1869 г. печатались в русском пересказе А. П. Руновского в газете «Кавказ» с 1862 г.; (2) «Краткое изложение подробного повествования о деяниях имама Шамиля (*Хуласат ат-тафсил 'ан ахвал имам Шамуил*)», также мемуарного жанра, основанное на дневнике из калужской ссылки, которое дополнялось до 1882 г. [Абдурахман, саййид, 2002]; (3) мемуарная же проимперская хроника восстания 1877 г., которого он был свидетелем в Кумухе и Темир-Хан-Шуре. Она характерно называется «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства династии Османов в 1294 [=1877] году / *Сукут Дагистан ва-Чачан би-йара' ал 'Усман фи санат 1294*» [Канчавели, 1975, с. 230–253]. М. Кемпер считает, что 'Абд ар-Рахман мог также быть автором (4) кодифицированного им свода адатов (араб. русум/رسوم) Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства 1287/1870 г. [Kemper, 2005b, S. 320; Кемпер, 2013, с. 178].

Уже почти четверть века назад основные сочинения 'Абд ар-Рахмана ал-Гази-Гумуки переведены на русский и грузинский языки [Абдурахман, 1997; Абдурахман, саййид, 2002; Абдуррахман, 2008; Мусаев, Шехмагомедов, 2011, с. 72–78], однако они почти не используются специалистами по истории мусульман в Российской империи. К их сведениям обращались только востоковеды, причем исключительно для реконструкций событий Кавказской войны, отчасти — восстания 1877 г. [Мусаев 2012; Абдулмажидов, Магомедова 2021], т. е. исключительно в рамках давно устаревшего narra-

тива мусульманского сопротивления империи на Кавказе. При этом в его исключительно пристрастных, к тому же мемуарных повествованиях зачем-то искали объективных свидетельств [Абдурахман, 1997, с. 11]. Русисты эти важные источники просто игнорировали.

Я полагаю, что к арабским текстам 'Абд ар-Рахмана историкам давно пора вернуться под другим углом зрения, более обоснованным, проверенным и менее анахроничным в методологическом отношении. Их автор может быть интересен как характерный имперский посредник [Campbell, 2011; Бессмертная, 2017; Shikhaliev, Kemper, 2017] 1860-х — 1890-х гг., вовлеченный в множество соперничавших сетей — улемов и отчасти суфиев, сторонников и противников вооруженного джихада, военных переводчиков военно-народного (туземно-инородческого) управления, наконец, колониальных этнографов-краеведов КО ИРГО с центром в Тифлисе, корреспондентом которого он являлся уже тогда, когда заканчивал свою книгу мемуаров. В случае с арабскими текстами Гази-Кумухского я вижу перспективу открытий в области изучения мусульманской субъектности и агентности, без поиска инкорпорации мусульман Кавказа и других регионов и окраин в империю.

Жанровые особенности и сложности публикации «Книги воспоминаний»

Предметом настоящего исследования будет анализ «Книги воспоминаний», законченной к январю 1869 г. Меня интересует история ее появления, в особенности сцепляющиеся нарративы и дискурсы имперских посредников. Рукопись сочинения хранится в Фонде восточных рукописей (Ф. 14. Рукописные книги. №. 29) Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН, куда он был передан из частной библиотеки дагестанского джадида, крупного мусульманского правоведа, историка и публициста Али Каева (ал-Гумуки, 1878–1943) его сыном Абдулмаджидом. Она сохранилась в составе сборной рукописи, включающей помимо известного сочинения по суфийской этике отца автора (ал-Адаб ал-мардийа) мемуары 'Абд ар-Рахмана, которым предпослано их подробное оглавление (араб. *фихрист*).

Еще в 1933 г. на арабоязычные сочинения 'Абд ар-Рахмана обратил внимание классик отечественной ориенталистики И. Ю. Крачковский [Крачковский, 1933, с. 11–19]. В самом конце советской «оттепели», в 1963 г., один из патриархов академического востоковедения Дагестана М. — С. Д. Саидов закончил перевод большей части сочинения за исключением вводной первой главы, заключения, одной из небольших глав и глосс на полях. Его попытки опубликовать это сочинение в 1976 г. не увенчались успехом из-за воинствующей антирелигиозной политики советской власти. С изменением политической ситуации на волне исламского бума лучшие дагестанские арабисты А. Р. Шихсаидов и Х. А. Омаров прокомментировали и издали «Книгу воспоминаний» 'Абд ар-Рахмана к 200-летию имама Шамиля, широко отмечавшегося по всему Дагестану [Абдурахман, 1997].

Совсем недавно¹ мемуары ‘Абд ар-Рахмана были изданы в Дагестане на арабском языке краеведом из Шамильского района республики, близким к Муфтияту Дагестана [‘Абд ар-Рахман, ас-сайид, [2024]]. Нельзя не приветствовать это издание, в котором оригинальный арабский текст сочинения набран типографским способом и сделан тем самым более доступным для читающих на этом языке. Однако текст не выверен, более того — в него внесены добавления. Несмотря на то, что публикация названа ее издателем Абу Са’идом ал-Гидатли «критическим изданием» (араб. *тахзиб* / تهذيب), никакой археографической работы со списками сочинения проведено не было, да Гидатлинский и не понимает, зачем и как принято сравнивать списки и считать копии сочинения. Источниковедческого введения в книге нет. Современная литература не упомянута. Правда, оглавление ‘Абд ар-Рахмана разбито на небольшие подглавки по содержанию. Однако издатель не указал четко, какие изменения он внес в текст (что в критическом научном издании в принципе недопустимо), хотя краткое тезисное предисловие написал [‘Абд ар-Рахман, ас-сайид, [2024], с. 3–11], включив в него дословно часть введения А. Р. Сихсаидова и Х. А. Омарова из первого издания 1997 г.

По верному замечанию А. Р. Сихсаидова, руководившего проектом по изданию сочинения в конце 1990-х гг., свидетельства автора о внутренней жизни горского общества второй трети XIX в. представляют собой уникальный источник [‘Абд ар-Рахман, ас-сайид, [2024], с. 9–11]. Однако исторический контекст послевоенного Дагестана во введении не пояснен. Из русского перевода 1997 г. изъяты большие пассажи, в которых автор в резкой форме осуждает жителей Западного Дагестана за их образ жизни, нешариатский быт и обычаи. Цензурные изъятия, не указанные в издании, коснулись преимущественно 18-й главы. Всего в сочинении 21 глава; завершают его копии двух арабоязычных писем о джихаде — сторонников шариатского движения из окружения аварских ханов до появления имамов к османскому халифу Махмуду II (1808–1839) с просьбой объявить вооруженный джихад и послание 1228/1831 г. к иранскому шаху с просьбой помочь в джихаде с неверными русскими другого участника мусульманского сопротивления империи Сурхай-хана II [Абдурахман, 1997, л. 319 б-320 б].

По жанру это не столько мемуары, как можно предположить из заголовка (тазкира/تذكرة), сколько аналитическая записка о государстве и обществе вооруженного джихада на Восточном Кавказе XIX в. Для жанра та’рих (تاريخ) — мусульманской историографии, приобретшей крайнюю популярность у ученых читателей в Дагестане конца XVII — первой трети XX в., — это сочинение весьма необычно. Военно-политическая история Имамата, занимает в нем лишь 3 главки из 21, 36 из 320 листов с оборотом, т. е. чуть больше 1/10 всей рукописи. Автор не отвлекается на древнюю историю исламизации Дагестана при полулегендарном шейхе Абу Муслиме, похороненном в Хунзахе, чем грешили многие дагестанские хронисты его и даже более позднего времени, даже такие прославленные ныне, как Хаджи-Али (Гаджи-Али) из Чоха (ал-Чухи) или Хамзат (Гамзат) Кадиев из с. Дуранги, написавший в первой

¹ Книга издана без указания года и места издания в Махачкале, вероятно, в 2024 г.

половине 1920-х гг. историю Гражданской войны после революций 1917 г. Основное внимание он уделяет описанию иерархии властей в Имамате. Интересно отметить, что по проблематике и позитивистскому подходу сочинение 'Абд ар-Рахмана весьма напоминает докторскую диссертацию известного советского историка первой половины XX в. Н. И. Покровского (1934), опубликованную посмертно [Покровский, 2000].

Наиболее необычной для местной мусульманской книжной традиции выглядит 18-я глава, по объему в разы превышающая описание военно-политической истории трех имамов. Она занимает почти половину рукописи — листы 135 б/268–253 б/505². Ее длинное название — «Разъяснение о дагестанских селениях и особенностях их жителей в пище, напитках, мужской и женской одежде у простонародья и знати; разъяснение о климате, водных ресурсах, скотине и прочих обычаях (العادات), бытовавших в них в мое время (الفصل الثامن عشر في بيان القرى الداغستانية واحوال سكانها اكلا وشربا ولباسا ذكورا واناثا صغارا وكبارا وبيان هوائها ومياهها وحيواناتها ووسائل العاداتها الموجودة بها في عسرى» [Абдурахман, 1997, л. 1 а, 135 б] — выдает чужеземное, европейское или русское происхождение, если не прямой заказ текста 'Абд ар-Рахману со стороны имперской администрации.

Это предположение подтверждается текстом рукописи. Сразу после оглавления (фихрист/فهرست) книги автор открывает, что «составил... эти воспоминания в 1868 году по христианскому летоисчислению по поручению средоточия достоинств и заслуг, начальника Кавказского горского управления (ал-махкама/المحكمة), нашего возлюбленного уважаемого начальника, его превосходительства генерал-майора Дмитрия Семеновича Старосельского, славу которого нет нужды описывать» [Абдурахман, 1997, л. 1 6]. В годы, когда писались воспоминания 'Абд ар-Рахмана, Д. С. Старосельский (1834–1884) служил в Тифлисе, где в 1863 г. возглавил горское (военно-народное) управление для покоренных и колонизованных империей горцев. 8 ноября 1866 г. он получил звание генерал-майора. Был начальником нашего автора. Оба они были близки к КО ИРГО, открывшимся в центре наместничества — Тифлисе — в 1851 г.

Военные, оставшиеся у власти в Кавказском крае после окончания его завоевания, придавали большое значение сбору любой информации о регионе от географии, флоры и фауны до истории, этнографии и статистики. Стремление возможно полнее каталогизировать природу, флору, фауну и жителей Востока было общей тенденцией ориенталистов эпохи колониальных завоеваний [Said, 2003, p. 84]. Характерно в этом отношении мнение начинавшего свою карьеру на Кавказе Д. А. Милютинина о пользе исследований края: «Страна, бесспорно, самая любопытная из всех областей обшир-

² Рукопись имеет двойную европейскую пагинацию — листов с оборотом, принятую в европейской академической ориенталистике, и без оборота. По почерку и характеру написания видно, что она была внесена позже написания, вероятно, при подготовке ее М.-С. Саидовым к публикации между 1963 и 1976 гг. Изначально сочинение имело лишь восточную пагинацию — *хафизы*.

ного нашего Отечества, долго оставалась покрытой каким-то таинственным мраком для всего остального мира... Учреждение же Кавказского отдела ИРГО открыло новый, широкий путь к сближению Кавказа с Россией... Обилие и разнообразие его трудов и предназначений, наконец, живое сочувствие, с которым на призыв его отозвался весь край, — все это доказывает, что учреждение отдела географического общества было для Кавказа делом существенной необходимости, делом столь же полезным для науки, сколько и для самой будущности края» [Милютин, 1852, с. 72–73].

Вклад Старосельского и Абд ар-Рахмана Гази-Кумухского в развитие краеведения на Кавказе, к сожалению, ускользнул от внимания историков кавказоведения [Косвен, 1955, с. 351–374; Косвен, 1958, с. 232–250; Косвен, 1962, с. 191–193, 271–279, 281–288; Колосовская, Ткаченко, 2021], но деятельность Кавказского отдела ИРГО неплохо освещена в недавних публикациях ставропольских историков Т. А. Колосовской и Д. С. Ткаченко. По их верному наблюдению, военные власти ждали от Кавказского отдела общества не строго академических научных исследований, а скорее сбора и публикации репрезентативных сведений по географии, этнографии и статистике региона. Отмечу, что во главе Отдела, существовавшего за счет ежегодного пособия в 2 тысячи руб., выделенных самим императором, стояли представители командования Кавказской армии — генералы Н. И. Вольф, В. О. Бебутов, Д. А. Милютин, А. П. Карцов, Д. И. Святополк-Мирский, Л. И. Меликов, А. В. Комаров [Колосовская, Ткаченко, 2025, с. 138–141].

Результатом деятельности Старосельского, организовавшего детальное описание и своеобразную каталогизацию быта, обычаев и нравов горцев-мусульман, стало 10-томное ежегодное издание «Сборник сведений о кавказских горцах», выпускавшееся в Тифлисе на русском языке с 1868 по 1881 г. 1-й выпуск символично начался обзорной статьей «Адаты и судопроизводство по ним» другого известного деятеля колониального покорения Кавказа, одного из первых лиц военно-народного управления, возглавлявшего его позднее в 1878–1883 гг., также члена КО ИРГО генерал-майора А. В. Комарова (1830–1904). Во втором выпуске сборника был опубликован сокращенный русский перевод, точнее пересказ Абд ар-Рахманом арабского сочинения своего отца шейха Джамал ад-Дина «Правила достойных приличий в братстве Накшбандийа (*ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарика ан-накишбандийа*)» по суфийской этике [Учение..., 1869]. К этому времени последний уже скончался в эмиграции в Стамбуле (1866)³.

18-я глава воспоминаний Абд ар-Рахмана посвящена исторической географии Западного Дагестана с упором на климат, хозяйство, этнографические особенности материальной культуры, экзотического быта и нравов, населявших ее в середине XIX в. народов. Перед нами первая попытка систематического этнографического описания Западного Дагестана по заказу колониальных властей. Это не единственный, но, похоже, один из первых

³ Позднее, в годы Первой русской революции, полный арабский текст сочинения был издан в типографии Михайлова в Петровске (1905) и переиздан с пересказом Абд ар-Рахмана известным советологом М. Беннигсен-Броксап в Лондоне в конце периода холодной войны) [Джемаледдин, 1986].

проектов историко-этнографических и географических описаний, которые Старосельский заказывал туземным офицерам военно-народного управления, знакомым с этнографическим бытом — как это тогда называли — горцев труднодоступного Северо-Западного, или Внутреннего, Дагестана. Глава включает длинный перечень горных селений и союзов сельских общин, наиболее важные из которых описаны — кратко, а порой и довольно пространно. Полного единообразия в их описаниях нет, но хорошо просматривается общий план и трафарет, вероятно, отталкивающийся от переданного автору опросника. 'Абд ар-Рахман хранит молчание об этом, и возможны только догадки. При общем аналитическом характере текста ему порой не хватает систематичности и связности. Порядок пунктов описания может быть разным.

Сравнивая описания разных селений, легко выделить краткий и длинный варианты программы их этнографической характеристики. Последний насчитывает до 22 пунктов. В кратком всего 6 параметров, повторяющихся в длинном варианте описания этнографического быта союзов сельских общин и народов. Для понимания пересечений краткой и расширенной программ я пронумеровал ее краткую версию по длинному списку из 22 пунктов, выделив в обоих случаях повторы полужирным. Вот пункты краткого перечня показателей «этнографического быта»: Это **(1)** микротопонимика, нередко с этимологией; **(2)** климат и физическая география; **(4)** хозяйство с оценкой уровня его развития и урожайности; **(6)** жилища; **(8)** традиционная одежда с гендерной составляющей; **(10)** блюда горской кухни и традиционные напитки, в основном — алкогольные, осуждаемые автором как практикующим мусульманином.

А вот реконструкция пунктов подробной программы описания этнографического и юридического быта:

1. Название селения, к какому союзу общин оно принадлежит (в арабской и аварской, реже — местной микротопонимике на диалектах аварского и андо-цезских языках, с переводом и пояснениями по-арабски).
2. Физическая география и климат с оценками: «приятный», «умеренный весной и летом», «суровый». Например, автор отмечает, что в с. Тинди [Абдурахман, 1997, л. 153 б] на Богосском хребте, которое в годы Кавказской войны использовалось как место ссылки в Имамате и получило у горцев прозвище дагестанской Сибири, «климат очень холодный, особенно зимой», почему сам он удрал из обучения в местном медресе [Абдурахман, 1997, л. 153 б]. Здесь и в других пунктах автор открыто критикует жителей высокогорья, отмечая, например, непролазную грязь на улицах народов и конфедераций чамалал [Абдурахман, 1997, л. 148 б] и багулал [Абдурахман, 1997, л. 155–155 б].
3. Антропологический тип с пояснениями. Например, имеется рассуждение о зависимости цвета лица от географии расселения горцев [Абдурахман, 1997, л. 147 б].
4. Хозяйство: сезонные работы мужчин и женщин, особенности скота, земледелие (культуры, которые сеют: кукуруза и др.) и пахотные

- участки (араб. *мазари* / مزارع) в составе единого комплекса обрабатываемых частных угодий (авар. *мегъ*, анд.яз. *мих*).
5. Улицы, архитектура селений, их достопримечательности.
 6. Жилище (насколько дома цивилизованные и чистые), его структура и части, родовые башни. Редко про случаи, когда горцы живут вместе с животными как «в лисьих норах», не разделяя жилые комнаты от хлева (Читль в Гумбете) [Абдурахман, 1997, л. 141 а], камины, освещение. Как и где спят, едят, занимаются домашними работами и ремеслами.
 7. Домашняя утварь: поставцы на кухне из дерева, ложки и ковши для воды из дерева, одеяла, матрацы. Особенно много пишет про кухню.
 8. Особенности женской, реже мужской — одежды местного кустарного и фабричного изготовления. Отмечается, горцы каких селений неряшливы и ходят в грязной одежде на улице и дома.
 9. Украшения женщин (бусы-монисто и др.).
 10. Еда и питье: сушеное/вяленое мясо и проч.
 11. Язык, какие селения говорят между собой на общем языке (в основном описываются малочисленные андо-цезские народы, родственные аварцам и присоединенные к ним в советское время).
 12. Этнография детства, связанная с детьми материальная культура (люльки), одежда, воспитание.
 13. Ремесла и разделение труда между полами.
 14. Промыслы, где они имеются: андийские бурки, папахи, изготавливаемые на продажу в с. Инхо и др., добыча соли в Кванхидатле и Инхело у каратинцев [Абдурахман, 1997, л. 157 б].
 15. Гостеприимство и связанные с ним обычаи куначества и встречи гостей (Там же: 145 б про чеберлоевцев, у которых вопреки шариату женщины принимают и угощают гостя в отсутствие мужчин). Обычай селить кунака в мечети по свидетельству знакомого мутааллима из медресе в Кванхидатле [Абдурахман, 1997, л. 159 б-160].
 16. Обычаи и привычки в еде и одежде.
 17. Брак, размер брачного дара невесте (махр/مهر), обычаи заключения брака.
 18. Правовые обычаи (адаты, с которыми боролись имамы и другие деятели шариатского движения), размеры возмещения-дийа за убийство (кровная месть — ал-кисас/القصاص), дискриминация и различия в возмещении убийства свободного и раба (в адатах багулал) [Абдурахман, 1997, л. 156 б].
 19. Домашнее рабство. Рабы из военнопленных христиан, захваченных в Кахетии.
 20. Обычаи и опыт ведения локальных войн с соседями. Отмечается воинственность и храбрость у чеченцев-чеберлоевцев [Абдурахман, 1997, л. 144 а]. Про набеги-газават у цунтинцев против грузин-христиан в прошлом [Абдурахман, 1997, л. 153 а].
 21. Преступность: кражи (оценка их удельного веса в статистике преступности без цифр).
 22. Предания об исламизации и анекдоты, записанные от местных жителей.

В зависимости от народа и селения без объяснения причин описание либо крайне коротко, либо расширено до нескольких страниц. Наиболее подробно описанные Инхело с Кванхидатлем занимают 12 л. рукописи, чамалинцы и багулалы — по 9, чеченские селения Чеберлой — 8, технуцал — 4, Гумбет — 2,5, Цунта и Тинди — 1, а многие только упомянуты и не заслужили отдельного описания. Разнобой, вероятно, связан с тем, что порученная краеведческая работа с описанием этнографических и иных признаков отдаленных селений Западного Дагестана была слишком нова и не всегда понятна автору. Мне не вполне ясны причины предпочтений 'Абд ар-Рахманом тех или иных селений. Наряду с возможными случаями аберрации памяти, когда речь шла о местах, которые автор посетил более двух десятилетий назад, тут могут скрываться личные симпатии и антипатии. В частности, краткость описания тиндинцев связана, вероятно, с неприятными воспоминаниями об учебе в их краях, в чем он сам признается [Абдурахман, 1997, л. 153 а–б]. Чеберроевцы, описаны подробнее, чем северные аварцы и андийцы, дидойцы, места обитания которых автор видел лишь кратко и проезжал давно.

Воображаемая география государства «нашего» джихада

Мне кажется, что понять смысл этнографического обзора 'Абд ар-Рахмана можно, объяснив его географические рамки и, главное, «порядок» воображаемого перемещения автора из ущелья в ущелье, от одного бывшего союза общин к другому, от селения к селению, о котором он сам пишет в начале главы [Абдурахман, 1997, л. 135 б]. К сожалению, редакторы перевода Саидова не уделили этим вопросам никакого внимания. [Абдурахман, 1997, с. 5–18]. Составитель издания 2024 г. на арабском языке разбил оглавление 'Абд ар-Рахмана на подглавки с названиями союзов общин, объяснил в подстрочных сносках, о каких современных селениях идет речь ['Абд ар-Рахман, ас-сайид, [2024], с. 260–263], но никак не прокомментировал и не разъяснил географического охвата сочинения. Так какие же территории и населенные пункты были включены им в главу и почему? К какому времени — прошлому или настоящему для автора сочинения — относится созданная им словесная карта края?

Всего в 18-й главе описаны 15 союзов общин или конфедераций горцев, а именно: андийцы (авар. гIадал), Гумбет (авар. Бакълъул), чеченский Чеберлой (чеч. диал. чIабарлой, авар. ЧIарбилъ и тIадбуртал), технуцал (авар. тIехIнуцал — букв. «паршивые нуцалы»), чамалалы (авар. чIамалал), Цунта (авар. ЦIцIунтIа), багулалы, или багвалал, каратинцы (авар. kIkaralal), Аварское ханство со входящими в него селениями Хунзахского плато (авар. хунз), ахвахцы (авар. гIахъвалал), Гидатль (авар. гъид), койсубулинцы или хиндалал, андалал (авар. ГIадалал), Магар (авар. Магъар), каралал (авар. kIkaralal). Отдельно даны селения Муни, Кванхидатль (Кванхидаль), где добывали соль, Тлох (авар. Къохъ), Инхело (авар. Инххело), селения Ассаб (авар. ГIасаб) и Батлук (авар. Бакълъухъ), Голотль (авар. Гъолокъ) и Телетль (авар. ТIелекъ), Гоцатль (авар. ГъоцIаль) и Могох (авар. Могъохъ), Кикунни (авар. KIkIуни) и Каркаби (авар. KIkIарKIаби), Корода (авар. Къорода), Куяда (авар. KIуяда) и многие другие, только упомянутые без описания. В целом,

это более 200 населенных пунктов, многие из которых ныне не существуют. Глава дает богатейший, к сожалению, еще не учтенный материал по горской, преимущественно аварской, микротопонимике, и близких им малых андо-цезских народов.

Если попробовать нанести эти названия на карту, мы получим «ядро» государства джихада, или Имамата, в русскоязычной традиции. Это северо-западный Дагестан с прилегающей к нему юго-восточной Чечней (историческая область Чеберлой). Причем, если другой картограф имамата, а по совместительству шпион и имперский посредник, Йусуф-хаджи Сафар-заде (Сафаров), нарисовавший осенью 1856/1273 г. для русских «карту страны Шамиля (خريطة بلاد شامل)», в легенде к ней на арабском языке расположил его административные подразделения (мудирства и наибства) со сведениями о примерном количестве войск в них хаотично, без всякого порядка [Генко, 1933; Мусаев, 2013] (ср.: [Линевиц, 1872]), то 'Абд ар-Рахман, описывая владения Имамата, наоборот, очень логично движется с севера на юг, учитывая пути сообщения — по большей части горные тропы, давно исчезнувшие, и отчасти — горные реки и их притоки. Его родным языком был лакский, но он долго жил в Имamate и довольно точно воспроизвел в арабской графике с огласовками аутентичные аварские названия аварской и андо-цезской микротопонимике. Из его обзора мы получаем географию края, в котором ему пришлось провести детство и юность, в общей сложности более 20 лет жизни.

Автор не оговаривает, географию какой эпохи он описывает. Можно ошибочно заключить, что речь идет про Дагестанскую область конца 1860-х гг. или доколониальный Дагестан, когда край был разделен между несколькими союзами сельских общин на границах Аварского ханства. В датировке очень помогает методика ментального картографирования и истории понятий. 'Абд ар-Рахман устойчиво употребляет слово *вилая* (ولاية). Редакторы перевода Саидова ошибочно переводят его, используя имперский пореформенный термин «[сельские] общества» [Абдурахман, 1997, с. 52, 54, 55, 80, 81, 83, 96, 111, 112, 114 и далее *passim*]. Но под «вилайатом» в документах Имамата понимали наибства, пусть в границах прежних союзов сельских общин [Абдурахман, 1997, л. 135 б, 136 а, 137 б, 138 б, 139 а–б, 141 б, 142 а, 146 б и далее *passim*]. Наибства, а также округа Дагестанской области в границах бывших конфедераций и шамилевских наибств в арабоязычной документации с 1860-е гг. превратились в *нахийя* (ناحية). Кроме того, 'Абд ар-Рахман добавляет к названиям селений местоимение «наш» (араб. — *на*), подразумевая времена Имамата и самого себя в прошлом как переселенца-мухаджира на его территории, до того, как стал подданным Российской империи. В итоге в его описании мы находим географию не современного автору раннего имперского Дагестана, но более не существующего государства джихада на Западе Дагестана и Юго-Востоке Чечни.

Эпистемология и дискурсы сочинения 'Абд ар-Рахмана

Обзор 'Абд ар-Рахмана 1868–1869 гг. по этнографии народов Северо-Западного Дагестана, вошедших в Имамат, конечно, очень эмоциональное,

пристрастное сочинение. Как и многие, если не большинство других этнографических описаний этой эпохи, оно принадлежит к источникам мемуарного характера. Это не кабинетная компилятивная этнография, которой автор, похоже, не знал и не интересовался ею. Вместе с тем это и не полевое исследование. В основу описаний положены личные воспоминания, опыт повседневного общения с горцами Западного Дагестана, и, возможно, дневниковые записи времен Кавказской войны. Мне кажется, что исследователи колониальной этнографии часто упускают из виду мемуарный характер работы 'Абд ар-Рахмана. Автор вспоминает, порой даже делает в тексте краткие отступления про свой личный опыт — где он жил, когда странствовал по краю как ученик медресе. Он вспоминает, в каких селениях и конфедерациях останавливался во время джихада в Кавказскую войну в свите имама Шамиля.

Согласно нормам мусульманской историографии, автор нигде не открывает читателю свои источники, хотя нередко и пространно цитирует их, не пренебрегая также перенятой у своих предшественников привычкой обильно уснащать свой текст стихотворными цитатами и собственными откликами на них в своих, пусть слабых в поэтическом отношении, но складно сочиненных стихах. Можно предположить, что до начала составления сочинения он опрашивал местных жителей, имама Шамиля, его сподвижников [Гаджиев, 1976, с. 126–162]. Записывал местные легенды, но больше всего доверял своим глазам и следовал собственным интересам. Отсюда его интерес к правовым (по фикху/فقه) и историческим (та'рих/تاریخ) исламским сюжетам, отраженный в содержании книги.

Эпистемология 18-й главы, несомненно, восходит к опроснику, переданному 'Абд ар-Рахману, по его собственным уверениям, Д. С. Старосельским в 1868 г. Русский оригинал найти пока не удалось. Он может быть в ЦИАГ в Тбилиси. Вероятно, его оригинал нужно искать в одной из «Программ» для сбора полевых материалов по описанию инородческих-туземных племен, подготовленной, а скорее всего, адаптированной для Горного Дагестана в КО ИРГО, с которым 'Абд ар-Рахман и его начальник Старосельский тесно сотрудничали как раз в эти годы. Генеалогия текста уходит в первую половину столетия. Близкие по содержанию научно-шпионские географические и этнографические описания во множестве дошли от конца XVIII — XIX в. Их писали российские военные, священники, миссионеры и ученые, участники экспедиций Императорской Академии наук [Косвен, 1955, с. 266–267, 289; Косвен, 1958, с. 220–249; Колосовская, Ткаченко, 2021, с. 7, 9–10].

Со времен академических экспедиций последней четверти XVIII в. — начала XIX в., в которых отдельные ученые, чаще немцы по происхождению (И. А. Гильденштедт, С. Гмелин, П. С. Паллас, Ю. фон Клапрот и др.) [Материалы..., 1940; Полиевктов, 2024] нередко собирали материалы под прикрытием российских войск, к началу последней трети XIX в. многое в интересах и организации комплексной полевой этнографии, как ее понимали тогда, изменилось. Вместо Академии наук заказчиком и организатором обследований выступало Императорское российское географическое общество (ИРГО), вклад которого в культурное конструирование империи прекрасно описан [Night, 2009, p. 121–131 и др.]. В роли исполнителей этногра-

фических проектов все больше оказывались военные офицеры, в том числе «туземного происхождения», служившие в Кавказской армии и по военно-народному управлению. Но с XVIII в. сохранялась и определенная преемственность: в число приоритетов ИРГО в конце 1860-х гг. входил сбор народных юридических обычаев и быта, которыми 'Абд ар-Рахман интересовался, хотя больше критиковал, а также этнографическое картографирование, прекрасный образец которого мы находим в 18-й главе его сочинения.

Прототипы опросника, по которому, как мы уже установили, работал 'Абд ар-Рахман, нужно искать в публикациях и архивах ИРГО в Санкт-Петербурге и Тбилиси. Здесь прежде всего вспоминается этнографическая «Программа», составленная под руководством председателя Отделения этнографии Общества известным российским философом этнографом Н. И. Надеждиным. В 1848 г. она была напечатана тиражом в 7000 экземпляров и разослана по губерниям, в том числе и в Кавказский край. Второе издание Программы, в котором разделы были детализированы, вышло в 1852 г. Было еще несколько стереотипных изданий, в том числе измененное в 1877 г. [Васкул, 2012, с. 461, 463–466]. Большинство пунктов опросника, заполненные 'Абд ар-Рахманом, неплохо вписываются в разделы и подпункты Программы, но порядок их расположения не совпадает ни с одним из ее изданий, что позволяет предположить отсутствие прямых заимствований из последних. Кроме того, в Программе отсутствует физическая география и климат, а у 'Абд ар-Рахмана — физическая антропология. Туземная этнолингвистическая номенклатура, которой увлекался 'Абд ар-Рахман, в Программе отсутствует, но есть в инструкциях 1852 г. Надеждина для Камчатско-Американской экспедиции, где им посвящено два первых пункта [Надеждин, 1852, с. 17–30] (см. о них: [Васкул, 2014, с. 119]). Для наглядности соотношение трех изданий Программы ИРГО и вопросника, переданного 'Абд ар-Рахману, можно представить в виде таблицы:

Н. И. Надеждин (1848, 1852)	ИРГО (1877)	'Абд ар-Рахман ал-Гази-Гумуки (1869)
1. Относительно наружности	1. Физические свойства, наружность и т. д.	3. Антропологический тип
2. О языке	3. Язык, народные предания и памятники	1. Название селения; 11. Язык
6. Народные предания и памятники		22. Предания об исламизации и анекдоты
3. Домашний быт (1852: жилища, платье, пища, др.)	4. Домашний быт (жилища, платье, пища, др.)	4. Хозяйство; 6. Жилище; 8, 16. Женская, реже мужская одежда; 9. Украшения женщин; 10. Еда и питье; 12. дети; 13. Ремесла; 14. Промыслы; 17. Брак; 19. Домашнее рабство

Окончание табл.

Н. И. Надеждин (1848, 1852)	ИРГО (1877)	‘Абд ар-Рахман ал-Гази-Гумуки (1869)
4. Особенности общественного быта	–	5. Улицы, архитектура, родовые башни; 7. Домашняя утварь; 18. Правовые обычаи (адаты); 21. Преступность
5. Умственные и нравственные способности, образование	2. Умственное и нравственное развитие	15. Гостеприимство; 20. Воинственность

В заключение следует сказать несколько слов о научных и общественно-политических дискурсах, которые проглядывают из сочинения ‘Абд ар-Рахмана. Автор сочинения был вовлечен не только в сети производства и передачи исламского знания, но через них разделял ряд популярных в его время установок переплетенных общественно-политических и исламских научных дискурсов.

С одной стороны, 18-я глава его «Воспоминаний» обнаруживает приверженность автора к шариатскому дискурсу имамов-руководителей государства джихада, обвинявших не присоединившихся к их движению мусульман, и в особенности правителей ханств и конфедераций, которым они подчинялись, в отходе от ислама вследствие жизни не по шариату, а по правовым и бытовым обычаям (*русум*, ‘*адат*/عادات/رسوم) [Kemper, 2005c, pp. 217–224; Kemper, 2005a, p. 150]. При всей трафаретности текстов и предполагавшейся составителями программы вопросов безличности респондентов, автор выставляет отнюдь не как сторонний беспристрастный наблюдатель.

Он нередко выносит свою оценку обычаям горцев, порицая, в отличие от имперских властей, нешариатские из них, например, — обычай селить кунака в мечети через знакомого мутааллима в Кванхидатле [Абдурахман, 1997, л. 160 а] и еще более скандальный в глазах участника шариатского движения имамов, которым он был в юности, обычай чеченцев-чеберлоевцев — в случае приезда брата сестре уходить от мужа и спать в одной комнате с ним, ухаживая за ним [Абдурахман, 1997, гл. 4. л. 60 а-61 б]. Он старательно отмечает отступления местных горских обычаев от норм шариата (‘*ибадат*/عبادات): у чеберлоевцев девочки и мальчики не носят шаровар до 10 лет, появляясь на улицах голыми. У чамалинцев муж спит с женой и детьми в одной кровати [Абдурахман, 1997, л. 151 а]. У багулал женщины не носят на улице под длинной юбкой шаровар (и другого нижнего белья), хотя имам Шамиль строго запрещал такое нарушение обрядовых норм шариата [Абдурахман, 1997, л. 156 б-157 а].

Кроме исламского дискурса с оттенками эсхатологических настроений, подчеркнутым осуждением адатов, в его сочинении прекрасно прослеживается отпочковывающийся ориентализм (англ. *nesting Orientalism*) как культурный дискурс: горцы (авар. *магIарулал*) грязные, не моются и не убирают

сор, нарушая банально известные нормы шариата. Жители горных долин вдоль рек живут при более умеренном и приятном климате, отсюда и более цивилизованы в смысле шариата. Автор обязательно упоминает про отступление от общих норм шариата у первых. Но он не повторяет из других авторов, например, Хасанилава ал-Гимрави/ал-Кумисрави, Хаджи-Али ал-Чухи, неизвестную ему информацию про пьянство, с которым имам Шамиль боролся в долинах Аварского и Андийского Койсу. Повествование 'Абд ар-Рахмана изредка включает ориенталистские анекдоты, например, про надоедливую и тупую попрошайку из Кванхидатля, выпросившего у торговца из Гази-Кумуха (соотечественника автора) корень нашатыря, жадно сожравшего его и едва не скончавшегося от колик в желудке [Абдурахман, 1997, с. 160–163].

Обличение ориентализованного «дикого и опасного» Другого-жителя высокогорий (горцев), живущего по своим «варварским обычаям» [Абдурахман, 1997, л. 286/56, 35 а/69, 69 а/137, 71 б/141, 151 а/301, 176 а/351 и далее *passim*], идет у него через противопоставление горцев вечным исламским ценностям («по шариату»), по которым жили в «нашем» государстве джихада под властью имамов [Абдурахман, 1997, л. 106/20, 17 б/34, 18 а/35, 25 а/49, 32 б/64], а теперь живут мусульмане более низинных горных долин и предгорий под властью империи и представляющих ее просвещенных офицеров военно-народного управления. Колониальную иноверную империю он не осуждает, но местами выражает надежду, что она сохранит установленные Имамами шариатские порядки [Абдурахман, 1997, л. 35 б-36 а/70–71, 94 а/187].

Следует в заключение отметить, что в своих оценках 'Абд ар-Рахман не был одинок. У других имперских посредников из Дагестанской области мы находим похожее сцепление базовых идей и понятий шариатского и ориенталистского дискурсов. Характерна в этом отношении близкая 'Абд ар-Рахману оценка ориенталистских клише и фобий про «опасных дикарей-горцев» у Хаджи-Али ал-Чухи (Гаджи-Али Чохского), другого историографа имама Шамиля, работавшего в 1860-х — первой половине 1870-х гг. в системе военно-народного управления Дагестанской области. «Горцы, — писал он, дики как природа, окружающая их, и хищны как звери... Поколения и ханы сменялись, а с ними изменялось положение горцев; они начали приходить в упадок; каждый стал предаваться своим страстям и наклонностям, одни сделались разбойниками, другие ворами; стали делать набеги на Гурджистан, Туш и Мосок; с тем вместе возникли междоусобные брани и родовая вражда племен. По словам стариков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и раздоров. Эти междоусобия, войны с пограничными странами и, наконец, в последнее время упорная война с русскими при Кази-Мухаммеде, Гамзатбеке и Шамиле не прекращались до сего дня. Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских» [Сказание очевидца..., 1995, с. 9–10].

Заключение

Мы не знаем, имел ли 'Абд ар-Рахман туземных продолжателей в области полевого этнографического исследования недавних немирных горцев, которым он занялся в первое десятилетие после завоевания Дагестана Российской империей и утверждения в области колониального военно-народного управления при поддержке военных, входивших в Кавказский отдел Императорского русского географического общества. Профессиональная полевая этнография лишь начала складываться на Северном Кавказе уже после его смерти, в первой трети XX в., причем на русском языке. При жизни он застал лишь любителей-краеведов, причем из чуждого ему русского общества недавно появившихся в регионе уездных городов. Большинство из его трудов не были переведены на русский язык до конца столетия, когда в регионе уже работала иная, советская этнографическая школа, которой его изыскания о материальной культуре горцев были пусть и близки, но не понятны и мало интересны. Принадлежавшие к следующему поколению улемы-реформисты Джамал ад-Дин из Карабудахкента, Али Каяев из Кумуха (ал-Гумуки), Абусупьян Акаев из Нижнего Казанища стали уже после кончины нашего автора оригинальными учеными, но историками, а не этнографами [Из хроник..., 2026].

Случай 'Абд ар-Рахмана из дагестанского (лакского) селения Кумух важен нам не как уникам, но скорее — как общее явление после Великих реформ на нерусских окраинах царской России. До сих пор историки колониальной этнографии на окраинах континентальной Российской империи и в заморских колониях европейских держав недооценивали вклад в нее отдельных имперских посредников, вовлеченных в «каталогизацию» природных и людских ресурсов колоний, этнографическое картографирование «белых пятен» на ментальных картах империй через сети научных ориенталистских обществ вроде Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 'Абд ар-Рахман, конечно, не был полевым исследователем, но прекрасно знал «поле» и доставлял сведения из него имперским краеведам и этнографам. Перспективным в этом отношении представляется изучение Программ сбора этнографического и юридического быта среди инородцев-туземцев как новых неполных подданных империи, сходных по статусу с недавно освобожденным от крепостной зависимости русским крестьянством. Немалую роль в научно-практических проектах по освоению окраин сыграл культурный перевод. Интересно отметить, что, как показывает случай 'Абд ар-Рахмана, важнейшим языком знания и власти здесь оставался литературный арабский язык. Русский еще не успел потеснить этот священный язык среди дагестанских мусульман. Именно на арабском языке было составлено первое историко-этнографическое описание Западного Дагестана.

'Абд ар-Рахману еще довольно молодым человеком удалось собрать уникальные материалы по тому, что мы бы сегодня назвали исторической антропологией, или этнографией, края. Ясно, что, получив заказ написать этнографический обзор о еще плохо известном русским администраторам Внутреннем Дагестане, он не смог бы выполнить его так быстро — меньше,

чем за год. Несомненно, 'Абд ар-Рахман должен был опираться на свои материалы и дневниковые записи, собранные им в ходе своего участия в вооруженном джихаде имамов и жизни в горах Западного Дагестана. В целом мусульманская историография этого периода носит отчетливый мемуарный характер. Не меньший интерес представляют присутствующие в его книге и этнографической главе 18-й переплетающиеся, или сцепленные, нарративы шариатского правового и международного колониального ориенталистского дискурсов, из которых последний следует типу ориентализма, описанному на Балканах Милицей Бакич-Хайден [Bakić-Hayden, 1995] и определенному ею как отпочковывающийся (nesting) ориентализм.

Список источников и литературы / References

1. Абдулмажидов Р. С., Магомедова З. А. Обзор исследований дагестанских арабоязычных источников в постсоветский период. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 239–249 [Abdumazhidov R. S., Magomedova Z. A. A Survey of Studies on Dagestani Sources in Arabic Published in the post-Soviet Period. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5, pp. 239–249 (in Russian)].
2. Абдурахман из Газикумуха. *Книга воспоминаний* / كتاب تذكرة سيد عبد الرحمن بن / استاذ شيخ الطريقة جمال الدين الحسيني. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997 [Abdurakhman of Gazikumukh. *The Book of Memories*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997 (in Arabic facsimile and Russian)].
3. Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани, саййид. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля* / خلاصة التفصيل عن احوال الامام شمويل كاتبه المؤلف سيد عبد الرحمن بن جمال الدين الحسيني الغازي غموقى. М.: Восточная литература, 2002 [Abdurakhman, son of Dzhamaluddin al-Husayni al-Ghazighumuqi al-Daghistani, sayyid. *Summary of the Detailed Account of imam Shamil's Deeds*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Arabic and Russian)].
4. Абдуррахман из Газикумуха. Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 г. Предисл., текст, пер., коммент. С. М. Гусейханова, М. А. Мусаева. *Дагестанский востоковедческий сборник*. Махачкала, 2008. С. 52–65 [Abdurrakhman of Gazikumukh. The Fall of Dagestan and Chechnya due to the Instigation of the Ottomans. Introd., text, transl., comment. by S. M. Guseikhanov, M. A. Musaev. *Dagestanskii vostokovedcheskii sbornik* [Dagestani Anthology in Oriental Studies]. 2008, pp. 52–65 (in Russian)].
5. Бессмертная О. Ю. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи. *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 140–179 [Bessmertnaya O. Yu. Just Marginal Notes? Three Episodes Involving 'Russian as Muslim Language' in the Late Russian Empire. *Islamology*. 2017. Vol. 7. No. 1, pp. 140–179 (in Russian)].
6. Васкул А. И. Этнографическая программа Русского географического общества. *Русский фольклор*. СПб., 2012. Т. 36. С. 460–471 [Vaskul A. I. The Ethnographic Program of the Imperial Russian Geographical Society. *Russian Folklore*. Saint Petersburg, 2012. Vol. 36, pp. 460–471 (in Russian)].

7. Васкул А. И. Изучение инородцев в Русском географическом обществе в середине XIX века. *Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и литературе*. СПб., 2014. С. 115–126 [Vaskul A. I. The Study of Aliens in the Imperial Russian Geographical Society in the Middle of the 19th Century. *Interethnic and Interconfessional Relationships in the Russian Folklore and Literature*. Saint Petersburg, 2014, pp. 115–126 (in Russian)].
8. Гаджи-Али. *Сказание очевидца о Шамиле*. Сост., вступ. ст., коммент., ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995 [Gadzhi-Ali. *Eye Witness's Tale of [imam] Shamil*. Ed., comp., introd., and comments by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1995 (in Russian)].
9. Гаджиев В. Г. Абдурахман и его воспоминания. *Из истории дореволюционного Дагестана*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976. С. 126–162 [Gadzhiev V. G. Abdurakhman and his Arabic Memories. *From the History of pre-Soviet Dagestan*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, pp. 126–162 (in Russian)].
10. Генко А. Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. *Записки Института востоковедения Академии наук СССР*. Т. II. Ч. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 21–36 [Genko A. N. The Arabic Map of Chechnya under the rule of Shamil. *Proceedings of Institute for Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR*. Vol. II. Pt. I. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1933, pp. 21–36 (in Russian)].
11. Джемаледдин Казикумухский. *Ал-адаб ул-Марзия. Накшбандийский трактат*. Арабский текст, русский перевод. Oxford: Society for Central Asian Studies, 1986 [Dzhemaleddin Kazilumukhskiy. *Al-Adab ul-Mardiyya. The Naqshbandi Treatise*. Arabic text, Russian translation. Oxford: Society for Central Asian Studies, 1986 (in Russian and Arabic)].
12. *Из хроник в историографию. Исторические сочинения мусульман России конца XIX — первой половины XX в.* Сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. М.: Садра, 2026 [Chronicles into Historiography. *Historical Writings of Russia's Muslims in the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries*. Comp. and ed. by V. O. Bobrovnikov. Moscow: Sadra, 2026 (in Russian, Arabic, Turkish and Lak)].
13. Канчавели Н. Г. «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 г.» / سقوط داغستان وچچان بيراع آل عثمان في سنة ١٢٩٤. *Мравалтави*. 1975. Т. IV. С. 230–253 [Kanchaveli N. G. The Fall of Dagestan and Chechnya due to the Instigation of the Ottomans. *Mravaltavi*. 1975. Vol. IV, pp. 230–253 (in Arabic and Georgian)].
14. Кемпер М. Арабоязычная этнография адата по русскому заказу? *Дагестанские святыни*. Сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Кн. 3. Махачкала: Эпоха, 2013. С. 175–190 [Kemper M. Was an Ethnography of Customary Law ('adat') in Arabic Commissioned by the Russians? *Sacred Sites of Dagestan*. Comp. and ed. by A. R. Shikhsaidov. Vol. 3. Makhachkala: Epokha, 2013, pp. 175–190 (in Russian)].
15. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. *Военные кавказоведы Российской империи. Биобиблиографический словарь*. Ставрополь: Дизайн студия Б, 2021 [Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. *Military Experts on the Caucasus in the*

- Russian Empire. A Biobibliographical Disctionary*. Stavropol': Dizayn studiya B, 2021 (in Russian)].
16. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. *Российский ориентализм: взаимодействие власти и знания на Северном Кавказе в XIX — начале XX в.* Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2025 [Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. *Russian Orientalism: Interaction of knowledge and power in the North Caucasus in the 19th through the early 20th centuries*. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta, 2025 (in Russian)].
 17. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. *Кавказский этнографический сборник*. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265–374 [Kosven M. O. Materials on the History of Ethnographic Studies of the Caucasus in the Russian Scholarship. *Caucasian Ethnographic Digest*. Vol. I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1955, pp. 265–374 (in Russian)].
 18. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. II. *Кавказский этнографический сборник*. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 139–274 [Kosven M. O. Materials on the History of Ethnographic Studies of the Caucasus in the Russian Scholarship. Part II. *Caucasian Ethnographic Digest*. Vol. II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1958, pp. 139–274 (in Russian)].
 19. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III. *Кавказский этнографический сборник*. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 158–288 [Kosven M. O. Materials on the History of Ethnographic Studies of the Caucasus in the Russian Scholarship. Part III. *Caucasian Ethnographic Digest*. Vol. III. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1962, pp. 158–288 (in Russian)].
 20. Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. *Записки Института востоковедения Академии наук СССР*. Т. II. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 9–20 [Krachkovskiy I. Yu. The Arabic Manuscript of Memories about Shamil. *Proceedings of Institute for Oriental Studies in Russian Academy of Sciences*. Vol. II. Pt. 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1933, pp. 9–20 (in Russian)].
 21. Линевич И. П. Карта горских народов, подвластных Шамилю (с приложениями). *Сборник сведений о Кавказских горцах*. Вып. VI. Ч. 1. Отд. 2. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1872. С. 1–4 [Linevich I.P. The Map of Highland Peoples Submitted to Shamil (with attachments). *Collection of Date on Caucasus Highlanders*. Issue VI. Pt. 1. Section 2. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1872, pp. 1–4 (in Russian)].
 22. *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов АН СССР*. Сост. В. Ф. Гнучева, под ред. акад. В. Л. Комарова. Труды архива. Вып. 44. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1940 [Materials for the History of Expeditions by the Academy of Sciences in the 18th and 19th Centuries: Chronological Overviews and Descriptions of Archival Files of the Academy of Sciences of the USSR. Comp. by V. F. Gnucheva under dir. Of Academician V. L. Komarov. The Archive Works. Issue 44.

- Moscow — Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishers, 1940 (in Russian)].
23. Милютин Д. А. Рецензия на «Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка 1». *Вестник императорского Русского географического общества*. Ч. 6. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1852. С. 72–73 [Milyutin D. A. Review of *Proceedings of the Caucasus branch of the Imperial Russian Geographical Society*. Book 1. *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. Pt. 6. Saint Petersburg: Printing house of V. Bezobrazov and Co., 1852, pp. 72–73 (in Russian)].
 24. Мусаев М. А. «Карта страны Шамиля на 27 мухаррама 1273 г.» Хаджи Йусуфа Сафар-заде. *Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН*. 2013. № 2. С. 42–56 [Musaev M. A. The Map of the Shamil's Land on Muharram 27, 1273 h. by Hajji-Yusuf Safar-zadeh. *Herald of the Institute of History, Archeology, and Ethnography of the Dagestani Research Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 2, pp. 42–56 (in Russian)].
 25. Мусаев М. А., Магомедханов М. М. Дагестанские арабоязычные исторические сочинения XIX — начала XX в.: состояние и перспективы изучения. *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2012. № 47. С. 42–49 [Musaev M. A., Magomedkhanov M. M. Historical Writings from Dagestan in Arabic Dating from the 19th to the Beginning of the 20th Centuries: the Present State and Perspectives for the Study. *Herald of the Dagestani Research Center of the Russian Academy of Sciences*. 2012. No. 47, pp. 42–49 (in Russian)].
 26. Мусаев М. А., Шехмагомедов М. Г. Сочинение Абдурахмана из Газикумуха «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 году». *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2011. № 43. С. 72–78 [Musaev M. A., Shekhmagomedov M. G. Chronicle The Fall of Dagestan and Chechnya due to the Instigation of the Ottomans in 1294 by Abdurakhman of Gazikhumukh. *Herald of the Dagestani Research Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 43, pp. 72–78 (in Russian)].
 27. Надеждин Н. И. Инструкция этнографическая. Свод инструкций, составленных для Камчатской Экспедиции, предпринимаемой Императорским русским географическим обществом. СПб.: [б. и.]. 1852. С. 17–30 [Nadezhdin N. I. *An Ethnographic Survey. Compendium of Instructions prepared for the Kamchatka Expedition undertaken by the Imperial Russian Geographical Society*. Saint Petersburg: [w. p.], 1852, pp. 17–30 (in Russian)].
 28. Покровский Н. И. *Кавказские войны и имамат Шамиля*. М.: РОССПЭН, 2000 (имеется дополненное 2-е изд. 2009 г.) [Pokrovskiy N. I. *Caucasus Wars and the Imamate of Shamil*. Moscow: ROSSPEN, 2000 (there is also an updated edition dating 2009) (in Russian)].
 29. Полиевктов М. *Европейские путешественники XIII–XVIII веков по Кавказу*. М.: Юрайт, 2024 [Polievktov M. *The European Travelers from the 13th through 18th Centuries in the Caucasus*. Moscow: Yurayt, 2024 (in Russian)].
 30. Учение о тарикате. I. Адабуль Марзия, соч. Джемалэддина Казикумухского с арабского. *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. II. Отд. III. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1869. С. 1–22 [The Doctrine of Tariqat

- or 'Adabul-marziya' written by Jamal al-Din of Gazikumukh and translated from Arabic into Russian. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Data on Caucasus Highlanders]. 1869. Issue II. Pt. III. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, pp. 1–22 (in Russian)].
31. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The case of former Yugoslavia. *Slavic Review*. 1995. No. 4, pp. 917–931.
 32. Campbell I. *Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845–1917*. University of Michigan, 2011.
 33. Kemper M. 'Adat against Shari'a: Russian Approaches toward Daghestani "customary law" in the 19th century. *Ab imperio*. 2005a. No. 3, pp. 147–174.
 34. Kemper M. Arabischsprachliche Adat-Ethnographie auf russischer Bestellung? *Rechtspluralismus in der Islamischen Welt*. Her. von M. Kemper und M. Reinkowsky. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2005b. S. 317–330.
 35. Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindefürsten zum jihad Staat*. Wiesbaden: De Gruyter, 2005c.
 36. Night N. Seeking the Self in the Other. Ethnographic studies of non-Russians in the Russian Geographical Society, 1845–1860. *Seeking Self. Essays on emergent identities in Russia Seventeenth to the Nineteenth Centuries*. Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009, pp. 117–138.
 37. Said E. W. *Orientalism*. New York — London: Penguin books, 2003.
 38. Shikhaliev Sh., Kemper M. Saifullah-qadi Bashlarov: Sufi networks between the North Caucasus and the Volga-Urals. *Piety of learning. Islamic studies in honor of Stefan Reichmuth*. Ed. by M. Kemper. Boston: Brill, 2017, pp. 166–198.
 39. السيد عبد الرحمن ابن المرشد جمال الدين الحسيني الغازي غموقى الداغستاني. تهذيب كتاب التذكرة فى بيان احوال اهالى داغستان وچچان. اهتتى به ابو سعيد الهدالى Джамал ад-Дин ал-Хусайни ал-Гази-Гумуки ад-Дагистани, ас-сайид. Критическое издание «Книги воспоминаний в разъяснение положения дел у жителей Дагестана и Чечни». Ред. Абу Са'ид ал-Хидатли. [Махачкала, 2024] ['Abd al-Rahman b. al-murshid Jamal al-Din al-Husayni al-Ghazi-Ghumuqi, al-sayid. *Tahdhib Kitab al-tadhkira fi bayan ahwal ahali Daghistan wa-Chachan*. Ed. Abu Sa'id al-Hidatli. [Makhachkala, 2024] (in Arabic)].

Информация об авторе

Бобровников Владимир Олегович — кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель главного редактора журнала «Ориенталистика», Москва, Россия; vladimir_bobrovn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1444-7722>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена рецензентами 22.05.2026; принята к публикации 30.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Бобровников В. О. Колониальная этнография и культурный перевод
Ориенталистика. 2026;9(2):332–354

Information about the author

Vladimir O. Bobrovnikov — Ph. D. (History), Head of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region, leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal “Orientalistica”, Moscow, Russia; vladimir_bobrovn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1444-7722>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

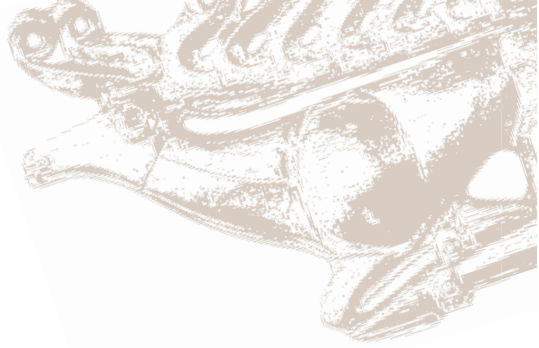
The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 30.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

LITERATURE OF THE EAST ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

■ Literature of the peoples
of the world
Литература народов мира

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 821.211.09+294.3

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-356-373>

**Сюжет о побоище палицами в индуистской
и буддийской традициях (по материалам
«Маусалапарвы» и «Гхатапандитаджатаки»)**

Ксения Александровна Шишова-Маретина

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской
академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
mareтина@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью палийской версии сюжета о гибели рода Кришны в отечественной индологии и отсутствием полного академического перевода «Гхатапандитаджатаки» на русский язык. Сопоставление буддийского и эпического вариантов сказания позволяет выявить механизмы трансформации фольклорно-мифологического материала в разных религиозно-культурных традициях. Цель работы — представить комментированный перевод «Гхатапандитаджатаки» с пали и провести сравнительно-сопоставительный анализ воплощения сюжета о побоище палицами в данном памятнике и в «Маусалапарве» «Махабхараты». Источниками послужили оригинальные тексты «Маусалапарвы» и «Гхатапандитаджатаки». Основные методы — сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный анализ текстов, дополненные историко-литературным комментарием. Выявлено, что оба памятника, возможно, восходят к единому пласту устных сказаний, на что указывают совпадения ключевых мотивов (пророчество о рождении палицы, превращение травы эрака в оружие, гибель Кришны от стрелы охотника Джары). В «Махабхарате» сюжет разработан развернуто, психологически насыщен и включен в эпический контекст, тогда как в джатаке он редуцирован и подчинен буддийской дидактике, где центральным становится эпизод поучения Гхатапандиты о тщете скорби. «Гхатапандитаджатака» представляет собой самостоятельную обработку исходного сюжета, адаптированного для проповеди буддийского учения о непостоянстве (анисса) и непривязанности. В отличие от эпического образа божественного Кришны, в джатаке он предстает как антропоморфный и этически

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

неоднозначный персонаж. Публикуемый перевод вводит в научный оборот новый источник для изучения сравнительной мифологии и истории литературы древней Индии.

Ключевые слова: побоище палицами, Махабхарата, Маусалапарва, Гхатапан-дитаджатака, джатака, палийский канон, Кришна, сравнительный анализ, индуизм, буддизм

Благодарности: Автор пользуется случаем выразить благодарность своему учителю в сфере эпосоведения, доктору филологических наук Светлане Леонидовне Невелевой, чьи труды и наставления сделали возможным подготовку данного исследования.

Для цитирования: Шишова-Маретина К. А. Сюжет о побоище палицами в индуистской и буддийской традициях (по материалам «Маусалапарвы» и «Гхатапандитаджатаки»). *Ориенталистика*. 2026;9(2):356–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-356-373>.

Original article

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-340-357>

Philology studies

The Narrative of the Club Massacre in Hindu and Buddhist Traditions (Based on the *Mausala Parva* and the *Ghaṭapaṇḍitajātaka*)

Ksenya A. Shishova-Maretina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>

Abstract. The present article was prompted by two facts: firstly, the Pāli version of the narrative concerning the demise of Kṛṣṇa's lineage invites further research in the Russian Indology, and secondly, that the complete academic translation of the Ghaṭapaṇḍitajātaka into Russian still remains a desideratum. A comparison between the Buddhist and epic versions of this legend makes it possible to identify mechanisms which underlay the transformation of folkloric and mythological material within distinct religious and cultural traditions. The aim of the present article is to provide an annotated translation of the Ghaṭapaṇḍitajātaka from Pāli into Russian, accompanied by a comparative analysis of how the episode of the club massacre is presented in this text and in the Mausala Parva of the Mahābhārata. The primary sources are the original texts of the Mausala Parva and the Ghaṭapaṇḍitajātaka. The research methods employed are comparative-typological and comparative-contrastive textual analysis, accompanied by historical and literary commentary. The results make it obvious that both texts originate from a common stratum of oral traditions, as evidenced by the concurrence of key motifs (the prophecy concerning the birth of a club, the transformation of eraka grass into a weapon, and Kṛṣṇa's death at the hands

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

of the hunter Jarā). In the Mahābhārata, the narrative is elaborated in detail, psychologically nuanced, and integrated into the epic context, whereas in the jātaka it is condensed and subordinated to Buddhist didacticism, with the central episode becoming Ghaṭapaṇḍita's instruction on the futility of grief. The Ghaṭapaṇḍitajātaka represents an independent reworking of the original plot, adapted to propagate the Buddhist teachings of impermanence (anicca) and detachment. In contrast to the epic portrayal of a divine Kṛṣṇa, within the jātaka he emerges as an anthropomorphic and ethically ambiguous figure. The translation into Russian offers the learned public a new source for the study of comparative mythology and the literary history of ancient India.

Keywords: club massacre, Mahābhārata, Mausalaparvan, Ghaṭapaṇḍitajātaka, jataka, Pāli Canon, Kṛṣṇa, comparative analysis, Hinduism, Buddhism

Acknowledgements: The author takes this opportunity to express gratitude to his teacher in the field of epic studies, Doctor of Philological Sciences Svetlana Leonidovna Neveleva, whose works and instructions made the preparation of this study possible.

For citation: Shishova-Maretina K. A. The Narrative of the Club Massacre in Hindu and Buddhist Traditions (Based on the Mausala Parva and the Ghaṭapaṇḍitajātaka). *Orientalistica*. 2026;9(2):356–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-356-373>.

Введение

Сюжет о гибели племени вришнеев и андхаков, также известный как сказание о побоище палицами (*musala*), принадлежит к числу ключевых эпизодов, завершающих земной путь Кришны-Васудевы и его рода. Наиболее развернутое изложение этот сюжет получил в XVI книге санскритского эпоса «Махабхарата» — «Маусалапарве» («Книге о побоище палицами»). Однако он не является исключительным достоянием эпической традиции индуизма. Значительно менее изученная версия представлена в палийском буддийском каноне, а именно в «Гхатапандитаджатаке» (Jātaka № 454), входящей в состав «Кхуддака-никаи». Наличие общего сюжета в памятниках, принадлежащих к разным религиозным традициям (индуизм и буддизм), разным языковым ареалам (санскрит и пали) и разным жанровым системам (эпос и джатака), представляет значительный интерес для сравнительной филологии и истории литературы. Сопоставительный анализ этих двух версий позволяет не только выявить специфику трансформации фольклорно-мифологического материала при его включении в разные идеологические и литературные контексты, но и пролить свет на вопросы генезиса и взаимовлияния древнеиндийских повествовательных традиций.

В современной зарубежной индологии проблема взаимодействия буддийской и брахманистской повествовательных традиций разрабатывается прежде всего в работах буддолога Наоми Эпплтон [Appleton, 2016a; Appleton, 2016b], которая на материале жанра джатак демонстрирует, как раннебуддийские нарративы включали и перерабатывали сюжетные мотивы, общие с «Махабхаратой» и джайнскими текстами, что, с ее точки зрения, указывает

на существование единого повествовательного фонда. Фундаментальная модель индолога Йохана Бронкхорста [Bronkhorst, 2007; Bronkhorst, 2011] о культурной независимости буддизма в регионе «Великой Магадхи» задает исторический контекст для понимания того, почему нарративные пересечения не сводимы к простой вторичности одной традиции по отношению к другой, а представляют собой результат сложного взаимодействия. Механизмы взаимного нарративного заимствования между различными индийскими повествовательными традициями нередко затрагиваются в тематических сборниках; так, в сборнике «Многочисленные “Рамаяны”: Многообразие повествовательной традиции в Южной Азии» [Many Ramayanas: The diversity of a narrative tradition in South Asia, 1991] представлен в том числе сравнительный анализ индуистской «Рамаяны» и буддийской «Дашаратхаджатаки» (Jā 461).

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью палийской версии сюжета о побоище палицами в отечественной индологии, а также отсутствием полного академического перевода «Гхатапандитаджатаки» на русский язык. Введение в научный оборот перевода этого памятника и его сопоставление с эпическим аналогом позволяет восполнить существующую лауну. Источником для исследования послужили критическое издание текста «Маусалапарвы» на санскрите [*The Mahābhārata: Āśramavāsikaparvan, Mausalaparvan, Mahāprastāntkaparvan [and] Svargārohaṇaparvan*, 1959] и оригинальный текст «Гхатапандитаджатаки» на пали [*Khuddakanikaya. Jātaka-Aṭṭhakathā. Sattamo Bhāgo*, 1998], а также существующие переводы и комментарии к ним. Основной метод работы — сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный анализ текстов, дополненный историко-литературным комментарием. Цель данной статьи — представить комментированный перевод «Гхатапандитаджатаки» с пали и проанализировать особенности воплощения сюжета о побоище палицами в сравнении с его версией в «Маусалапарве».

Жанровая специфика джатак и место «Гхатапандитаджатаки» в палийском каноне

«Джатаки» (пали *Jātaka* — «[повесть] о рождении») представляют собой один из наиболее значительных памятников повествовательной литературы буддизма. Они входят в состав «Кхуддака-никаи» — пятого раздела «Сутта-питаки», которая, в свою очередь, является частью палийского канона «Типитака» школы тхеравада. Тексты джатак сложились на основе устной традиции, восходящей к первым векам существования буддизма (приблизительно III–II вв. до н. э.), и были письменно зафиксированы на Шри-Ланке, куда попали вместе с миссионерами из Индии.

Композиция каждой джатаки подчинена строгой структуре, которая включает пять обязательных элементов:

1. «Повесть о настоящем» (*paccuppannavatthu*) — вводный эпизод, описывающий событие из жизни Будды Шакьямуни, послужившее поводом для произнесения данной проповеди.

2. «Повесть о прошлом» (*atītavatthu*) — основной нарратив, в котором Будда повествует о своем предыдущем рождении (в образе бодхисаттвы), иллюстрируя кармическую связь между прошлым и настоящим.
3. Гатхи (*gāthā*) — стихотворные строфы, заключающие в себе морально-дидактический смысл рассказа. Именно эти стихи считаются каноническими и древнейшей частью джатаки.
4. Вьякарана (*veyyākaraṇa*) — грамматический и смысловой комментарий к гатхам, разъясняющий их содержание.
5. Самодхана (*samodhāna*) — заключительная часть, в которой Будда отождествляет персонажей «повести о прошлом» с самим собой и своими современниками, тем самым замыкая композиционное кольцо и демонстрируя действие закона кармы.

Такая рамочная конструкция, предвосхищающая классическую «обрамленную повесть» санскритской литературы (например, «Панчатантру»), обеспечивала дидактическую эффективность текста: занимательное повествование служило «приманкой» для слушателей, а гатхи и заключительное отождествление актуализировали буддийское учение [Эрман, 1989].

Важной особенностью джатак является их опора на до- и внебуддийский фольклорный материал. Как отмечает Б. Захарьин, буддийские проповедники сознательно адаптировали популярные народные сюжеты — сказки, басни, легенды — для распространения идей дхаммы среди широких слоев населения [Эрман, Парибок, 2003]. Эта адаптация часто ограничивалась лишь внешней «буддизацией»: главный положительный герой отождествлялся с бодхисаттвой, а в финале провозглашались буддийские истины. Само же содержание могло сохранять черты, чуждые или даже противоречащие буддийской этике (например, насилие, месть, нарушение обетов). Такая толерантность к инородным элементам объясняется как миссионерскими задачами буддизма, так и общим синкретизмом индийской культуры, где различные религиозно-философские традиции сосуществовали в тесном взаимодействии [Джатаки. Из первой книги джатак, 1979].

В силу этого в джатаках нередко встречаются сюжеты, персонажи и мотивы, восходящие к санскритскому эпосу и Пуранам. Некоторые исследователи находят много общего между «Вессантараджатакой» (Jā 547) и «Рамаяной» [Gombrich, 1985]. Однако наиболее известны параллели между «Дашаратхаджатакой» (Jā 461) и «Рамаяной», «Шибиджатакой» (Jā 499) и сказанием о царе Шиби в «Махабхарате», а также целым рядом джатак, связанных с легендами о Кришне. «Гхатапандитаджатака» (Jā 454) принадлежит именно к этой группе текстов, воспроизводящих в буддийской обработке эпизоды из жизнеописания Кришны-Васудевы и его рода. Ее уникальность заключается в том, что она представляет собой контаминацию нескольких сюжетных блоков: рождение и возвышение десяти братьев (параллель к детству Кришны), поучение Гхатапандиты о тщете скорби (центральный дидактический эпизод) и, наконец, гибель рода от палиц, явно коррелирующая с содержанием «Маусалапарвы». Таким образом, эта джатака служит ценным

источником для изучения того, как эпико-мифологическая традиция, связанная с Кришной, преломлялась в буддийской среде.

Сюжет о побоище палицами в «Гхатапандитаджатаке» и «Маусалапарве»

«Гхатапандитаджатака» представляет собой буддийскую версию сказания о Кришне (Васудеве) и гибели его рода. Ее сюжетная канва может быть разделена на три основных блока: чудесное рождение и возвышение десяти братьев, включая Васудеву и Баладеву; дидактический эпизод, в котором Гхатапандита (бодхисаттва) исцеляет своего брата Васудеву от скорби по умершему сыну; пророчество о гибели рода и его исполнение — побоище палицами и последующая гибель оставшихся в живых братьев.

В отличие от индуистской традиции, где Кришна мыслится как полная аватара Вишну, в джатаке он (именуемый Васудевой, или Канхой) предстает как один из десяти братьев, сыновей царевны Девагабхи и царевича-изгнанника Упасагары. Братья описываются как грубые и жестокие люди, которые захватывают власть, убивают своих дядьев и подчиняют себе всю Джамбудвипу¹. Их божественная природа никак не акцентируется; напротив, подчеркиваются их человеческие слабости и агрессивность. Это расходится с каноническими санскритскими версиями жизнеописания Кришны, где его божественность явлена с самого детства.

Центральным для буддийской дидактики является второй блок — притча о Гхатапандите, который, притворившись безумным и требуя лунного зайца², доказывает брату неразумие скорби по умершему. Восемь гатх, произнесенных бодхисаттвой, составляют смысловое ядро джатаки и иллюстрируют буддийский принцип непривязанности (*virāga*) и принятия неизбежности смерти. Именно ради этих стихов, согласно традиции, и была поведана данная история [Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы, 1993, с. 3]. Остальные события выполняют роль обрамления, призванного сделать проповедь доступной и занимательной.

Третий блок — история гибели рода — имеет прямые параллели с «Маусалапарвой» и, по-видимому, заимствован из того же источника, что и эпический текст. Однако в джатаке он представлен в значительно редуцированном виде и служит не столько самостоятельным сказанием, сколько фоном для демонстрации действия кармы и предопределенности.

Сопоставление «Гхатаджатаки» и «Маусалапарвы» позволяет выявить как общую сюжетную основу, так и существенные различия в трактовке ключевых мотивов.

Причины гибели. Как справедливо отмечает эпосовед С. Л. Невелева, в «Маусалапарве» можно выделить несколько причин гибели Кришны и всего рода ядавов; точнее будет сказать, что причина их гибели триединая [Невелева, 2005, с. 138]. В обоих текстах гибель рода Васудевы предопределена действием неумолимого Времени (*kāla*) и проклятием, навле-

¹ Джамбудвипа — древнее название Индии.

² Согласно индийским традиционным представлениям, темные пятна на Луне напоминают зайца.

ченным непочтительным отношением к брахманам/отшельникам. Однако в «Маусалапарве» мотив проклятия усилен дополнительным эпизодом: гибель ядавов предрекает также Гандхари, чьих сыновей Кришна не спас в битве на Курукшетре. В джатаке этот сюжетный пласт, связанный с основной линией «Махабхараты», отсутствует, что может свидетельствовать о независимом бытовании легенды о гибели рода в фольклорной среде.

Эпизод с пророчеством. Центральным для обеих версий является эпизод с переодеванием мужчины беременной женщиной с целью испытать провидца. Очевидно, рассказ о гибели рода Кришны основывается в «Маусалапарве» на том же самом принципе противопоставления аномалии норме, на котором строится эпическое описание последней мировой эпохи — Калиюги [Невелева, 2009, с. 73]. Реакция отшельника (в эпосе — группа брахманов, в джатаке — Канхадилаяна³) сходна: он предрекает рождение палицы, которая погубит род. Однако в джатаке конфликт получает более острое разрешение: царевичи убивают провидца сразу после пророчества, тогда как в эпосе брахманы беспрепятственно покидают Двараку.

Побоище палицами. Описание побоища в двух памятниках разительно отличается. «Маусалапарва» дает развернутую, психологически насыщенную картину ссоры между ядавами, перерастающей в массовое избиение. Здесь важны индивидуальные характеристики персонажей и мотивы их поступков. В «Гхатаджатаке» побоище описано предельно лаконично: «один из них, не найдя в качестве оружия ничего лучше, чем лист *эраки*, вырвал его, а тот в его руке сразу превратился в палицу из дерева акация. Ею он многих убил. Остальные тоже стали рвать листья, и те превращались в палицы, которыми они избивали друг друга, пока все не были убиты»⁴. Такая сжатость соответствует общему стилю джатак, ориентированных на устное произнесение и быстрое запоминание, а также подчиненности нарратива дидактической цели.

Мотив превращения. Превращение листьев *эраки* в палицы присутствует в обоих текстах, что может указывать на общий фольклорный источник. Также общим является мотив уязвимости Кришны в пяду и гибель его от стрелы охотника Джары (букв. «Старость»). В эпосе этот эпизод обставлен подробностями, подчеркивающими божественную природу Кришны (мать окунала его в воды бессмертия). В джатаке этот мотив редуцирован, но сохранен — охотник по имени Джара ранит Васудеву в ногу. Это позволяет интерпретировать гибель героя как аллегорию победы старости и смерти, что вполне согласуется с буддийским учением о непостоянстве (*anicca*).

Гибель Баларама/Баладевы. В обоих текстах Баларама (Баладева) погибает первым после побоища, и его смерть связана с чудесными превращениями. В «Маусалапарве» из его рта выходит белый змей (воплощение Шешы), что символизирует возвращение к вселенской сущности. В джатаке его про-

³ Канхадилаяна (Кришна Двайлаяна) — прозвище великого мудреца Вьясы, которому традиция приписывает авторство древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и редактирование Вед.

⁴ Авторский перевод этого описания с пали см. в Приложении к этой статье. — К. Ш.-М.

глатывает Муттхика, воплотившийся в образе якиши. Оба варианта восходят к мифологическим представлениям о Балараме как об одном из воплощений змея Шеши, но джатака интерпретирует этот мотив в духе народной демонологии.

Уникальный эпизод. Эпизод с Гхатапандитой, утешающим брата, отсутствует в «Маусалапарве» и является, по-видимому, буддийским дополнением. Он призван сместить акцент с трагической гибели рода на моральное наставление. Благодаря этому введению, вся история о насилии и разрушении получает иную рамку: она становится иллюстрацией того, как мудрый бодхисаттва указывает путь к освобождению от страданий.

Проведенное сопоставление позволяет сделать следующие выводы. Можно предположить, что «Гхатапандитаджатака» и «Маусалапарва» восходят к общему пласту сказаний о Кришне-Васудеве и его роде, бытовавших в устной традиции. Однако каждый памятник адаптирует этот материал в соответствии со своими жанровыми и идеологическими задачами. Так, «Маусалапарва» включает сказание в грандиозное эпическое полотно, связывая его с судьбами главных героев «Махабхараты» и придавая ему трагическое звучание. Образ Кришны здесь двойственен: он и божество, и человек, подчиненный року. Гибель ядавов осмысливается как завершение эпохи и торжество Времени. «Гхатаджатака», напротив, использует сюжет как рамку для буддийской проповеди. Подробности событий редуцируются, на первый план выдвигается дидактический эпизод. Трагическое побоище, которое в «Маусалапарве» является самостоятельной развязкой, в джатаке редуцируется до краткого обрамления, уступая место беседе Гхатапандиты и Васудевы. Занимательное повествование здесь становится «искусным методом» (*upāya*) для проповеди гатх о непостоянстве (*anicca*) и непривязанности (*virāga*). Персонажи утрачивают божественный ореол и предстают как обычные люди, страдающие от страстей и неведения, что служит наглядной иллюстрацией кармического воздаяния. Так, буддийская версия последовательно десакрализует образ Кришны (Васудевы): он лишен божественного статуса, предстает жестоким и уязвимым человеком. В джатаке появляется оригинальный «терапевтический» эпизод с требованием лунного зайца, отсутствующий в эпосе: Гхатапандита исцеляет брата от скорби не магией и не ритуалом, а логическим доведением до абсурда, что созвучно буддийской практике осознанности (*satī*). Таким образом, джатака не просто заимствует сюжет, но целенаправленно перерабатывает его для решения дидактических задач, превращая эпическую историю о роке в буддийскую притчу о причинно-следственной связи и правильном отношении к страданию. Совпадение многих мотивов (превращение травы, уязвимость в пятю, имя охотника Джара) подтверждает, что перед нами не позднее заимствование из эпоса, а параллельная ветвь традиции, сохранившая архаические черты.

Заключение

Проведенный в настоящей статье сравнительный анализ «Гхатапандитаджатаки» и «Маусалапарвы» позволяет сформулировать ряд выводов

относительно специфики бытования общего сюжета о гибели рода Васудевы (Кришны) в двух различных литературных и религиозных традициях.

Прежде всего, результаты сопоставления дают возможность предположить, что оба памятника восходят к единому фонду устных сказаний о героях-вришнийцах, который существовал в Индии задолго до письменной фиксации как эпических, так и канонических буддийских текстов. На это указывают совпадения ключевых мотивов: пророчество о рождении палицы от переодетого мужчины, превращение травы *эрака* в смертоносное оружие, гибель оставшихся в живых братьев в лесу, уязвимость Кришны в пенту и имя охотника Джара («Старость»). Одним из возможных объяснений этих совпадений может служить гипотеза о параллельном развитии сюжета в разных традициях на основе общего повествовательного фонда. Альтернативную интерпретацию предлагает, например, модель Й. Бронкхорста, указывающая на культурную независимость региона Великой Магадхи, что могло способствовать самостоятельному сложению схожих сюжетов в буддийской и брахманистской среде, без обязательного прямого заимствования. Вопрос о направлении и механизмах заимствования остается дискуссионным, и для его окончательного решения требуется дальнейший анализ с привлечением более широкого круга текстов.

Каждый из рассмотренных текстов по-своему перерабатывает общий сюжет, подчиняя его задачам своего жанра и собственной идеологической системы. В «Маусалапарве» сказание о гибели ядавов включено в грандиозное эпическое полотно «Махабхараты» и связано с судьбами главных героев — Пандавов. Образ Кришны здесь обнаруживает двойственность: он предстает и как божественная аватара, и как человек, подвластный неумолимому Времени (*kāla*) и тяготеющему над ним проклятию. Эпическая версия отличается развернутостью описаний, психологической нюансировкой (ссора между ядавами, постепенное нарастание гнева) и трагическим пафосом. Гибель рода осмысливается как завершение эпохи и торжество всеобщего закона разрушения, что соответствует общей философской направленности эпоса.

«Гхатапандитаджатака», напротив, использует сюжет о гибели рода как рамку для буддийской дидактической проповеди. Основной акцент здесь смещен с трагедии рода на эпизод поучения, в котором бодхисаттва Гхатапандита исцеляет брата от скорби. Восемь гатх, составляющих смысловое ядро джатаки, иллюстрируют буддийские принципы непривязанности и принятия непостоянства (*anicca*). Повествование о насилии и гибели редуцировано до краткой схемы, достаточной для поддержания сюжетного интереса, но не отвлекающей от морального наставления. Образы персонажей утрачивают эпическую масштабность: Васудева и его братья предстают не как божественные герои, а как обычные люди, обуреваемые страстями и страдающие от последствий своих поступков, что служит наглядной иллюстрацией кармического воздаяния.

Особого внимания заслуживает трансформация образа Кришны. Если в «Маусалапарве» он, несмотря на человеческую смерть, сохраняет божественный ореол (его оплакивают боги, его тело недоступно тлению), то

в джатаке его образ полностью антропоморфен и этически неоднозначен. Он — предводитель разбойников, убийца собственных дядьев, и лишь в финале, перед смертью, он передает спутникам «науку жизни», которую можно интерпретировать как буддийскую дхамму. Такая трактовка характерна для джатак в целом: заимствованные фольклорные или эпические герои лишь номинально отождествляются с бодхисаттвой и его учениками, сохраняя при этом черты, далекие от буддийского идеала.

Таким образом, «Гхатапандитаджатака» представляет собой ценный источник, позволяющий реконструировать архаические формы сказаний о Кришне, бытовавшие в народной среде независимо от брахманистской ортодоксии. Она также демонстрирует механизмы адаптации популярных сюжетов буддийской традицией, которая использовала их как эффективное средство проповеди, не подвергая коренной идеологической переработке. Публикуемый в Приложении комментированный перевод памятника вводит в научный оборот текст «Гхатапандитаджатаки» и может служить основой для дальнейших исследований в области сравнительной мифологии и истории литературы древней Индии.

Список литературы / References

1. Джатаки. Из первой книги джатак. Пер. с пали Б. Захарьина. М.: Художественная литература, 1979. [*Jatakas. From the First Book of Jatakas*. Transl. from Pali by B. Zakharyin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979. (in Russian)].
2. Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой СПб.: Издательство Чернышева, 1993. [*Jatakas, or Tales of the Bodhisattva's Deeds*. Transl. from Sanskrit by A. P. Barannikov, O. F. Volkova. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Chernysheva, 1993. (in Russian)].
3. Невелева С. Л. О чужеродности «Маусалапарвы» в составе «Махабхараты». *Махабхарата. Заключительные книги. XV–XVIII*. Под ред. С. Л. Невелевой, Я. В. Василькова. СПб.: Наука, 2005. С. 137–152 [Neveleva S.L. On the Foreignness of the *Mausala Parva* within the *Mahābhārata*. *Mahabharata. The Concluding Books. 15th–18th*. Ed. by S. L. Neveleva, Ya. V. Vasilkov. Saint Petersburg: Nauka, 2005, pp. 137–152 (in Russian)].
4. Невелева С. Л. Эпическое текстосложение-II («Другой» Кришна). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2009. № 4. С. 72–88 [Neveleva S. L. Epic Text Composition-II (“The Other” Krishna). *Bulletin of the St. Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2009. No. 4, pp. 72–88 (in Russian)].
5. Парибок А., Эрман В. Предисловие. *Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды*. СПб.: Возрождение, 2003. С. 3–20 [Paribok A., Erman V. Preface. *Jatakas: Selected Stories about the Past Lives of the Buddha*. Saint Petersburg: Vozrozhdenie, 2003, pp. 3–20 (in Russian)].
6. Эрман В. Предисловие. *Повести о мудрости истинной и мнимой*. Под ред. Г. Зоргафа. Л.: Художественная литература, 1989 [Erman V. Preface. *Tales of*

- Wisdom True and False*. Ed. by G. Zograf. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989 [in Russian]].
7. Appleton N. *Jataka Stories in Theravada Buddhism: Narrating the Bodhisatta Path*. London: Routledge, 2016a.
 8. Appleton N. *Shared Characters in Jain, Buddhist and Hindu Narrative: Gods, Kings and Other Heroes*. New York: Routledge, 2016b.
 9. Bronkhorst J. *Greater Magadha: Studies in the Culture of Early India*. Leiden: Brill, 2007.
 10. Bronkhorst J. *Buddhism in the Shadow of Brahmanism*. Boston: Brill, 2011.
 11. Gombrich R. *The Vessantara Jātaka, the Rāmāyaṇa and the Dasaratha Jātaka*. *Journal of the American Oriental Society*. 1985. Vol. 105. No. 3, pp. 427–437.
 12. Gupta S. M. *Plant Myths and Traditions in India*. Rev. and enl. ed. Leiden: Brill, 2001.
 13. *Khuddakanikaya. Jātaka-Aṭṭhakathā. Sattamo Bhāgo*. Devanāgarī Edition of the Pāli Text. Igatpuri: Vipassana Research Institute, 199. (in Pali).
 14. *Many Ramayanas: The diversity of a narrative tradition in South Asia*. Ed. by P. Richman. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1991.
 15. *The Mahābhārata: Āśramavāsikaparvan, Mausalaparvan, Mahāprastāntkaparvan [and] Svargārohaṇaparvan*. Vol. 19. Ed. by V. S. Sukthankar, S. K. Belvalkar. Bhandarkar Oriental Research Institute, 1959 (in Sanskrit).

Приложение

«Гхатапандитаджатака»

«Встань, Канха!». Эту историю о смерти сына Учитель⁵ рассказал в лесу Джетаване. Обстоятельства тогда были такими же, как и в джатаке о Муттха-Кундали. Тогда же Учитель спросил ученика: «У тебя горе, мой ученик?» «Да, господин», — ответил тот. «Ученик, в давние времена один мудрец слушал слова другого мудреца, и не печалился о смерти сына». И в ответ на просьбу он рассказал историю из прошлого.

В давние времена на севере, в стране Камса, в городе Астанджане, правил царь по имени Махакамса. У него было два сына, Камса и Упакамса⁶, и дочь по имени Девагаббха⁷. Когда она родилась, брахманы — толкователи знамений, предсказали: «Родившийся у нее сын уничтожит род Камсы». Царь очень любил свою дочь и не мог ее убить, он сказал: «Пусть решат братья», и, когда пришло время, умер. Когда он умер, Камса стал царем, а Упакамса — его первым помощником. Они подумали: «Если мы убьем свою сестру, то нас будут порицать, потому мы не будем выдавать ее замуж и будем за ней следить». Они приказали построить одноэтажный дворец и поселили ее там. Ее слу-

⁵ Учитель — эпитет Будды Шакьямуни.

⁶ Имена Махакамса, Камса и Упакамса переключаются с индуистскими мифами о Кришне, где его главным врагом был царь Камса (дядя Кришны, который пытался его убить).

⁷ Девагаббха — эквивалент имени Деваки (санскр. *Devakī*), матери Кришны в индуизме. Деваки также была сестрой Камсы, и пророчество о том, что ее сын убьет своего дядю, — центральный мотив кришнаитских легенд.

жанкой стала Нандигопы. Слуга по имени Андхакавенда, ее муж, охранял царевну.

В то время в Северной Мадхуре правил царь по имени Махасагара. У него было два сына, Сагара и Упасагара. Когда он умер, Сагара стал царем, а Упасагара его первым помощником. Упасагара был дружен с Упакамсой, с которым они вместе воспитывались у одного учителя. Он начудил в гареме брата Сагары и, испуганный, сбежал и пришел во владения Камсы к Упакамсе. Упакамса представил его царю, а царь оказал ему большие почести. Когда он шел на царское собрание, то увидел обитель Девагаббхи — одноэтажный дворец и спросил, кто в нем живет; услышав историю царевны, влюбился в нее. Девагаббха однажды увидела его, когда он шел на царское собрание с Упакамсой, спросила, кто это, и, услышав от Нандигопы, что это сын Махасагары по имени Упасагара, влюбилась в него. Упасагара подкупил Нандигопу и спросил ее: «Сестрица, сможешь ли мне увидеть Девагаббху?». Та сказала ему, что это не очень сложно, и рассказала об этом Девагаббхе. Влюбленная в него Девагаббха, выслушав эти слова, согласилась, Нандигопы подала Упасагаре знак и подняла его во дворец. Он остался с Девагаббхой. Их встречи продолжались, и Девагаббха понесла.

Постепенно ее беременность стала заметна. Братья спросили Нандигопу, а она, попросив, чтобы ей не причинили вреда, обо всем им рассказала. Выслушав ее, они сказали: «Мы не можем убить сестру, если у нее родится дочь, оставим ее, если родится сын, уьем его», и они выдали Девагаббху за Упасагару. Когда пришел срок, она родила дочь. Услышав об этом, братья обрадовались и назвали ее Анджанавеи. Братья отдали им во владение деревню Бхогаваддхамана. Упасагара взял в жены Девагаббху и зажил с ней в деревне Гаваддхамана. Девагаббха снова понесла, и в тот же день понесла Нандигопы. Когда пришло время, Девагаббха родила сына, а Нандигопы дочь. Но Девагаббха, в страхе за сына, тайно передала своего сына Нандигопе, в обмен получив ее дочь. Она сообщила братьям, что у нее родился ребенок. Те спросили: «Кто родился, сын или дочь?». Она ответила: «Дочь». Братья сказали: «Тогда воспитывай ее!». Так Девагаббха родила десять сыновей, а Нандигопы десять дочерей. Десять сыновей росли у Нандигопы, а дочери — у Девагаббхи. И об этом никто не знал. Старшего сына Девагаббхи назвали Васудева⁸, второго Баладева⁹, третьего Чандадева, четвертого Сурьядева, пятого Аггидева, шестого Варунадева, седьмого Аджуна, восьмого Паджуна, девятого Гхатапандита, десятого Анкура¹⁰. Они были известны как сыновья слуги Андхакавенды.

Когда они выросли, то стали очень выносливыми, сильными, грубыми и жестокими. Они занимались грабежом, грабили даже царские караваны.

⁸ Васудева — патроним почитаемого индуистского бога Кришны. В отличие от индуистских текстов «Махабхараты» или «Бхагавад-пураны», где Кришна — верховное божество, в джатаке он предстает как человек, охваченный земными страстями.

⁹ Баладева (Баларама) — старший брат Кришны.

¹⁰ Эти имена в индуизме носят известные боги или герои: Чанда, или бог луны, Сурья — бог солнца, Агни — бог огня, Варуна — бог водной стихии, Арджуна — один из Пандавов, главных героев «Махабхараты».

Люди пришли к царскому двору и стали жаловаться: «Десять сыновей Андхакавенды грабят царство». Царь приказал позвать Андхакавенду и грозно сказал ему: «Почему ты побуждаешь к грабежу своих сыновей?» Когда люди начали жаловаться на сыновей во второй и третий раз, царь пригрозил ему серьезнее. Тот, испугавшись смерти, попросил царя не причинять ему вреда и всё ему рассказал о том, что это не его сыновья, а Упасагары. Царь испугался и спросил министров, как схватить братьев, и те сказали, что братья любят подраться, поэтому надо устроить в городе состязания по кулачному бою, и когда они придут, схватить их и убить. Были подготовлены два борца, Чарура и Муттхика, под барабанный бой объявили о предстоящем состязании; построили ограду вокруг арены и украсили ее флагами и стягами. Весь город был взволнован этим событием. Круг за кругом, ряд за рядом были поставлены места, а Чарура и Муттхика, выйдя на арену, прыгали, кричали, хлопали в ладоши и бегали. Десять братьев пришли и, ограбив прачек, оделись в богатые одежды, они умастили свои тела украденными благовониями и повесили на себя похищенные гирлянды цветов, намазали себя мазями, вдели в уши серьги и, крича и хлопая в ладоши, вышли на арену.

Тогда на арену вышел, разминая руки, Чарура. Увидев его, Баладева сказал: «Я и рукой его не коснусь!» и, схватив в слоновнике подпруги, он с криком бросился к Чаруре и обхватил его вокруг живота подпругами, соединил концы вместе, крепко стянул их, поднял Чаруру в воздух, раскрутил над головой и выбросил за арену. Когда умер Чарура, царь послал за Муттхикой. Тот пришел, крича, подпрыгивая и хлопая в ладоши. Баладева повалил его, раздробив ему кости, а когда Муттхика закричал, что сдаётся, Баладева ответил, что ему это не важно, и, схватив за руку, ударил его о землю, а затем выбросил мертвого за арену. Умирая, Муттхика поклялся, что, сделавшись якшей¹¹, съест его. И он воплотился в Якшу в лесу Каламаттика. Царь, вскочив, приказал, чтоб схватили этих ужасных братьев. В этот момент Васудева метнул чакру, которая срезала головы двум братьям. Перепуганные люди упали на колени и взмолились о пощаде. Так, убив двух своих дядьев, десять братьев начали править вместе со своими родителями в городе Астинджане. Они решили захватить царство Джамбудвипа¹² и, подойдя к городу царя Калайонаки, осадили его, уничтожили окружающий его лес и разрушили стены. Царя они взяли в плен и получили власть в свои руки. Потом они дошли до Дваравати¹³. С одной стороны этого города было море, с другой — горы; считалось, что город охраняет какой-то дух.

Этот дух, имеющий облик осла, стоял на страже и, завидев врагов, громко ревел. Тогда силой магии весь город поднимался в воздух и переносился на остров посреди моря. И когда этот осел увидел, как подходят десять братьев, он заревел. Город взлетел и переместился на остров. Не видя города,

¹¹ Якша — мифическое существо, природный дух. Якши часто связаны с природными объектами (деревьями, водоемами) и сокровищами. Они могут быть как благосклонны к людям, так и враждебны.

¹² Джамбудвипа — древнее название Индии.

¹³ Дваравати (санскр. *Dvārakā*) — столица Кришны, основанная им на берегу моря.

братья повернули назад. Тогда он вернулся на прежнее место. Братья вновь направились к нему, но осел снова переместил город. Не в состоянии сами захватить город, они обратились к Канхе Дипаяне¹⁴: «Господин, мы не можем захватить царство Дваравати, расскажи нам о каком-нибудь средстве», и он сказал: «Во рву пасется осел. Увидев врагов, он ревет, и тогда город поднимается в воздух. Вы должны схватить его за ноги — вот вам и средство». Они простились с отшельником и, придя к ослу, схватили его за ноги и взмолились: «Господин, лишь ты можешь помочь нам. Когда мы будем захватывать город, не кричи». Осел ответил им: «Я не могу не реветь, но если вы придете раньше меня, и четверо из вас принесут большие железные плуги, и у четырех ворот города вы вкопаете в землю большие железные копыя, и когда город начнет взлетать, вы прикуете плуги железными цепями к копыям, тогда город не сможет взлететь». Они поблагодарили его, а он молчал, пока они тащили плуги и вкапывали в землю копыя у четырех городских ворот. Затем он заревел, и город начал взлетать. Но поскольку с четырех сторон города стояли железные плуги, прикованные к копыям, он не смог подняться. Десять братьев вошли в город, убили царя и захватили власть.

Так они покорили всю Джамбудвипу, и в шестидесяти трех тысячах городов они казнили чакрами всех царей, разделили свое царство на десять частей и жили в Дваравати. Но они забыли о своей сестре, царевне Анджане; и тогда они решили разделить царство на одиннадцать частей. Но Анкура сказал, чтоб его долю отдали сестре, а он сам будет зарабатывать себе на жизнь; а они должны будут распределять налог на его территорию между своими царствами. Они согласились и отдали его долю сестре, и с ней вместе они, девять царей, зажили в Дваравати, а Анкура занялся торговлей. Постепенно у всех у них родились сыновья и дочери. Прошло много времени, и их родители умерли.

Говорят, люди жили тогда по двадцать тысяч лет. Но вот умер горячо любимый сын великого царя Васудевы. Царь обезумел от горя и забросил все дела; он лежал, причитая и выламывая прутья кровати. Тогда подумал Гхатапандита: «Кроме меня, никто не сможет утешить моего брата. Так я найду способ утешить его». Изобразив безумие, он прошел через весь город, глядя в небо и выкрикивая: «Хочу зайца! Хочу зайца!»¹⁵ Тревожная весть разнеслась по городу: «Гхатапандита сошел с ума!» Министр по имени Рохинейя пришел к царю и обратился к нему с первой гатхой¹⁶:

Встань, о Канха, почему ты лежишь, и глаза твои закрыты;
Твой родной брат попал в беду;
Могучие ветры развеяли его мудрость!

¹⁴ Кришна Двайпаяна — древний мудрец Вьяса.

¹⁵ По представлениям индийцев, пятна на луне напоминают зайца.

¹⁶ Гатха (пали *gāthā*) — буддийские стихи, в которых утверждаются положения учения Будды.

Так сказал министр. И когда он увидел, что царь встал, он проговорил вторую гатху:

И вот, услышав зов Рохинейи, длинноволосый Кешава¹⁷ встал,
Обеспокоенный несчастьем Гхаты.

Поднялся царь, быстро спустился из своих покоев и подошел Гхатапандите, схватил его обеими руками и обратился к нему с такими словами:

Почему ты, словно безумный, ходишь по всей Двараке
И кричишь: «Заяц! Заяц!» Скажи, кто забрал у тебя зайца.

На эти слова царя он отвечал лишь новыми криками о зайце. Тогда царь проговорил еще две гатхи:

Будь он из золота, или из драгоценных камней, железа или серебра,
Из раковин, камня или коралла, я сделаю тебе зайца.
И будут другие зайцы, пойманные в лесу,
И их тебе доставлю, скажи, какой тебе нужен?

Услышав слова царя, мудрец ответил так:

Не нужен мне земной заяц;
Я хочу лунного зайца, принеси же мне его, Кешава!

Царь, услышав его слова, подумал: «Несомненно, мой брат сошел с ума», и опечаленный, он сказал:

В горе ты умрешь, мой брат, если ты желаешь такого,
И просишь то, чего не может просить ни один человек — небесного зайца.

Гхатапандита, услышав слова царя, замер. «Брат мой, ты знаешь, что, если человек желает зайца с луны и не может получить его, он умрет; зачем же ты причитаешь по своему умершему сыну?», — спросил он и произнес восьмую гатху:

Если, Канха, ты это знаешь, и не можешь утешить чужую скорбь,
Почему ты до сих пор оплакиваешь давно мертвого сына?

Он продолжал говорить, стоя на улице: «Я, брат, прошу того, что существует, ты же тоскуешь по тому, кого нет». И он научил его, как быть, произнеся еще две гатхи:

«Мой сын родился, не дай же ему умереть!»
Ни человек, ни нелюдь не могут обрести такого.

¹⁷ Кешава — популярный эпитет Кришны.

Ни магия, ни волшебный корень, ни травы, ни деньги
Не могут вернуть к жизни дух, что ты оплакиваешь, Канха.

Царь так ответил на эти слова: «Твои намерения были благими, ты сделал это, чтоб рассеять мое горе». И, восхваляя Гхатапандиту, он произнес четыре гатхи:

Мои министры могут дать мне хороший совет,
Но как же сегодня Гхатапандита раскрыл мои глаза!
Я горел, словно огонь, в который подливают масло.
Но вот принесли воду, и утомили боль моей утраты.
Тоска по моему сыну стрелой засела в моем сердце,
Но ты утешил мою скорбь и убрал острие.
Извлечена стрела, нет боли, я спокоен,
Послушай, я больше не тоскую и не плачу.

И еще:

Так поступают сострадательные, и те, кто достаточно мудры;
Они освобождают от боли, так сделал и Гхата, мой старший брат.

Таковы гатхи о величайшей мудрости.

Так Васудева был утешен царевичем Гхатой. Он управлял страной, и вот прошло много времени, и сыновья десяти братьев подумали: «Говорят, Канхадиपाена наделен даром божественного видения. Давайте это проверим». Они нарядили мужчину и подложили ему подушку на живот, словно он ждал ребенка. Они спросили Канху Диपाюну: «Господин, кого родит эта женщина?» Отшельник понял, что пришло время гибели десяти правящих братьев, а также осознал, что одновременно с ними умрет и он. Затем он спросил царевичей, кто для них этот человек. Но те настаивали, чтобы он отвечал. И он сказал: «На седьмой день этот человек родит палицу из дерева акация. Ею он уничтожит род Васудевы, хотя бы вы сожгли палицу и бросили ее пепел в реку». «Ты ненастоящий провидец! Мужчина не может никого родить!» — сказали они и, сделав веревку, убили отшельника. Короли послали к царевичам узнать, зачем те убили отшельника и, все услышав, очень испугались. Они поставили охрану вокруг того мужчины, и когда на седьмой день из его живота появилась палица, они сожгли ее и бросили пепел в реку. Пепел понесло течением и прибило к берегу у главных ворот; и там выросла трава *эрака*¹⁸.

Однажды цари решили пойти совершить омовение в воде. Они пришли к главным воротам. Там был построен великолепный павильон, и в нем они сидели, пили и ели. Затем они начали соревноваться — кто кого пересилит, разделились на две команды и споры между ними становились все более шумными. Наконец один из них, не найдя в качестве оружия ничего лучше,

¹⁸ См о ней: [Gupta, 2001, p. 84]. Эрака — это рогоз слоновый (лат. *Turra elephantina*) — крупное многолетнее околотовое растение, отличающееся мощным ростом и длинными, темно-коричневыми соцветиями-початками.

чем лист *эраки*, вырвал его, а тот в его руке сразу превратился в палицу из дерева акация. Ею он многих убил. Остальные тоже стали рвать листья, и те превращались в палицы, которыми они избивали друг друга, пока все не были убиты. Пока они истребляли друг друга, четверо из них — Васудева, Баладева, их сестра царица Анджана и жрец — взошли на колесницу и унеслись прочь. Остальные все погибли. Теперь эти четверо, умчавшись на колеснице, въехали в лес Каламаттика. Здесь, согласно своей клятве, в образе чудовища родился борец Муттхика. Увидев, что приближается Баладева, он сотворил в этом месте деревню и, приняв обличье борца, начал скакать вокруг, разминать пальцы и кричать: «Кто хочет со мной сразиться?». Баладева, как только увидел его, сказал: «Брат, я попробую сразиться с этим человеком». Васудева пытался его отговорить, но тот спустился с колесницы и направился к Муттхике, разминая пальцы. Муттхика сразу схватил его за голову и проглотил, словно редиску. Поняв, что он погиб, Васудева шел всю ночь вместе с сестрой и жрецом, и на рассвете подошел к выходу из деревни. Он лег под кустом и послал сестру и жреца в деревню с поручением приготовить немного еды и принести ему. И тут охотник по имени Джара¹⁹ заметил, что куст шевелится, и подумал, что это свинья. Он выстрелил, и проткнул стрелой ногу Васудевы. «Кто ранил меня?» — спросил Васудева. Охотник, обнаружив, что ранил человека, в ужасе пустился бежать. Царь встал и позвал охотника: «Возвращайся, не бойся!», а когда тот подошел, Васудева спросил: «Кто ты?» «Меня зовут Джара, господин». «Умирают те, кого ранит Старость, так говорили древние. Без сомненья, я должен сегодня умереть», — подумал царь. Потом он сказал, чтоб тот не боялся, а подошел и перевязал его рану. Когда рана была перевязана, царь отпустил охотника. Он почувствовал ужасную боль, и не мог есть пищу, которую приносили ему. Тогда он обратился к спутникам со словами: «Сегодня я умру, а вы слишком хрупки, и не сможете научиться сами тому, как жить, потому научитесь этому у меня». Так сказав, он научил их науке жизни и отпустил, и сразу умер. Кроме царицы Анджаны, все они погибли.

Когда Учитель закончил свою речь, он произнес: «Ученик, вот как люди освобождались от горя по сыну, слушая слова мудрого человека; не думай об этом». Затем он провозгласил Истины²⁰ (в заключение чего ученик вступил на Первый Путь²¹) и растолковал перерождения: «Тогда Ананда был Рохинейей, Шарипутта²² — Васудевой, последователи Будды — остальными людьми, а сам я был Гхатапандитой»²³.

¹⁹ Джара (санскр. *Jarā*, букв. «старость») — то же имя носил охотник в «Маусалапарве».

²⁰ *Saccani* — восемь благородных истин буддизма, составляющие Восьмеричный Путь, ведущий к избавлению от страданий.

²¹ Первый Путь — начало Восьмеричного Пути, на который вступают новообращенные буддисты.

²² Ананда, Рохинейя, Шарипутта — наиболее известные ученики Будды, которые часто фигурируют в джатаках.

²³ «Гхатапандитаджатака» имеет «рамочную композицию», характерную для всего жанра джатак. В данном случае, история гибели рода — это «повесть о прошлом»

Информация об авторе

Шишова-Маретина Ксения Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена рецензентами 17.04.2026; принята к публикации 26.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ksenya A. Shishova-Maretina — Ph. D. (Philol.), research fellow at the Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 26.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

(*atitavattu*), иллюстрация. Ее обрамляет «повесть о настоящем» (*paccuppannavattu*) — конкретный случай из жизни Будды, который и послужил поводом для поучения.

PHILOLOGY OF THE EAST
Languages of the peoples of the World
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Языки народов мира

Научная статья

УДК 811.531'344

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-374-394>

Филологические науки

**«Хунминчоным»: происхождение, алфавит
и система четырех тонов**

Жанна Адамбековна Сманкулова

Нинсяский университет, г. Иньчуань, КНР,

zhannnet@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-7589-0005>

Аннотация. Корейская азбука «Хунминчоным» была создана в 1446 г. королем Сечжоном (1397–1450). Если до появления азбуки корейский язык существовал только в устной форме либо записывался иероглифами, так называемое письмо Иду (吏讀 lì dú), то после «Хунминчоным» вектор развития корейской письменности обрел новое — независимое от китайской традиции — направление. В статье рассматривается связь между корейским и китайским языком в контексте первой официальной корейской азбуки, изначально составленной на классическом китайском языке — вэньянь. На основе изучения оригинала рукописи «Хунминчоным», а также современных исследований в Корее и Китае, анализируются: происхождение и разница между «Хунминчоным хэребон» и «Хунминчоным онхэбон», способы транслитерации китайских иероглифов — онмун (諺文) и хунминчоным, буквенный состав первой азбуки и тоновая система в раннем хангыле. Особое внимание уделяется влиянию китайской фонологической теории на формирование корейского алфавита и тоновой системы. Работа вносит вклад в реконструкцию среднекорейской фонетики и раскрывает механизмы лингвистической адаптации. Результаты анализа актуальны для филологов-востоковедов, переводчиков, фонетистов.

Ключевые слова: Хунминчоным, корейская азбука, иньюнсьюэ, фонология, среднекитайский язык, хангыль, онмун

Для цитирования: Сманкулова Ж. А. «Хунминчоным»: происхождение, алфавит и система четырех тонов. *Ориенталистика*. 2026;9(2):374–394. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-374-394>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

“Hunminjeongeum”: Origins, Alphabet and the Four-Tones System

Zhanna A. Smankulova

Ningxia University, Yinchuan city, China

zhannnet@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-7589-0005>

Abstract. The Korean alphabet “Hunminjeongeum” was created in 1446 by King Sejong (1397–1450). Before that, the Korean language was recorded with Chinese characters, namely the Idu script (吏讀 *lì dú*). With “Hunminjeongeum”, the trajectory of Korean writing acquired a new direction, independent of the Chinese tradition. This article examines the relationship between the Korean and Chinese languages in the context of the first official Korean alphabet, which was originally composed in Classical Chinese (*wenyan*). Based on the study of the original manuscript of “Hunminjeongeum” and contemporary research in Korea and China, the analysis covers: the origin and difference between “Hunminjeongeum Haerye” and “Hunminjeongeum Onhae”, the methods of transcribing Chinese characters — *eonmun* (諺文) and *hunminjeongeum*, the letter composition of the first alphabet and the tonal system in early Hangeul. Special attention is paid to the influence of Chinese phonological theory on the formation of the Korean alphabet and tone system. The study contributes to the reconstruction of Middle Korean phonetics and reveals the mechanisms of linguistic adaptation. The findings are relevant for philologists specialising in Eastern studies, translators, and phoneticians.

Keywords: Hunminjeongeum, Korean alphabet, *yinyunxue*, phonology, Middle Chinese, Hangeul, *eonmun*

For citation: Smankulova Zh. A. “Hunminjeongeum”: Origins, Alphabet and the Four-Tones System. *Orientalistica*. 2026;9(2):374–394. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-374-394>.

Цель и задачи исследования

Основной целью настоящего исследования является комплексный анализ главного памятника корейской письменности — «Хунминчоным» — в аспекте ее генетической и типологической связи с китайской фонологической традицией *иньюньсюэ* (кит. 音韵学). В работе предпринимается попытка выявить степень влияния классической китайской фонетической теории на формирование системы фонологического описания, транслитерации и транскрипции китайских иероглифов, а также просодической маркировки корейского алфавита. Для этого в статье поставлены задачи: 1. Рассмотреть исторические предпосылки создания первой азбуки; 2. Изучить разницу между двумя способами графической репрезентации — онмун (кит. 諺文) и хунмин-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

чоным, и определить их функциональную нагрузку; 3. Провести сопоставление буквенного инвентаря первоначальной азбуки «Хунминчоным» (28 графем) с современным хангылем, выявить упраздненные знаки, проследить хронологию и причины их утраты; 4. Исследовать систему четырех тонов, зафиксированную в тексте «Хунминчоным хэребон», включая правила их графической маркировки.

Материалы и методы

Материалы, которые были использованы в ходе исследования, включают письменные источники на русском, корейском и китайском языках. Среди них представлены как современные научные труды, так и исторические рукописи XV–XVIII вв. Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе применяется комплексная методика, включающая сравнительно-исторический метод, текстологический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, фонологический анализ и описательный метод.

Два «Хунминчоныма»: хэребон и онхэбон

Текст эдикта «Хунминчоным» («Наставление народу о правильном произношении») известен в двух редакциях: «Хунминчоным хэребон» (кор. 훈민정음 해례본, кит. 訓民正音解例本) и «Хунминчоным онхэбон» (кор. 훈민정음 언해본, кит. 訓民正音諺解本). Первой была опубликована версия с комментариями — «Хунминчоным хэребон», вышедшая в свет в 1446 г. Название «Хунминчоным хэребон» происходит от китайских иероглифов 訓民正音 (xùn mín zhèng yīn, сунь минь чжэн инь), где 訓 (xùn) «наставлять, поучать», 民 (mín) «народ», 正 (zhèng) «правильный» и 音 (yīn) — «звук, произношение», что в совокупности значит «наставление народу о правильном произношении». А в словосочетании 解例本 (jiě lì běn, цзели бэнь) иероглиф 解 (jiě) означает «объяснять», 例 (lì) «пример», 本 (běn) «книга» или «том». Таким образом, «Хунминчоным хэребон» можно перевести как «Наставление народу о правильном произношении · книга с объяснениями и примерами».

До создания «Хунминчоным» в Корее существовала система записи корейского языка с помощью китайских иероглифов, известная как Иду (кор. 이두, кит. 吏讀 lǐdú). Создание этой системы приписывается ученому государства Силла (57 г. до н. э. — 935 г.) Соль Чхону (설총, 薛聰 xuēsōng, 655 г. —?). Письмо Иду часто использовалось в юридических текстах и законодательных статьях. Его особенностью является то, что слова записывались китайскими иероглифами (ханмун), но входили в предложение в соответствии с корейским порядком слов, при этом служебные и грамматические показатели также записывались китайскими иероглифами. При заимствовании иероглифов одни использовались для передачи звучания, другие — для передачи значения, а третьи — одновременно для передачи и звучания, и значения. Это неизбежно приводило к путанице в использовании и трудностям в понимании, создавая ситуацию несоответствия между устным языком и письменностью [Чжан Сяомань, 2015, с. 164]. Китайскими иероглифами было крайне сложно полностью и адекватно передать особенности корейского языка в области

фонетики, лексической семантики и грамматических форм. Поэтому письмо Иду не получило широкого распространения среди населения. Именно несовершенство существовавших способов записи побудило короля Сечжона к созданию национальной письменности. В исторических источниках сохранились записи о его размышлениях: «Во всех странах есть своя письменность, только в нашей стране ее нет» [Ким Сырон, 2023, с. 29].

Как свидетельствуют «Летописи правления короля Сечжона» (кор. 세종실록, кит. 世宗實錄 *shìzōng shílù*), в декабре 1443 г. монарх лично создал 28 букв, которые первоначально получили название *онмун* (кор. 언문, кит. 諺文 *yǎnwén* — «народное письмо»). В записи говорится, что король создал 28 букв онмун, «которыми можно записывать и китайскую речь, и корейскую речь, а название этому — хунминчоным» [Ким Сырон, 2023, с. 51].

Созданная Сечжоном письменность онмун имела две ключевые особенности, связанные с китайской традицией. Во-первых, начертание букв онмун имитировало стиль древнего китайского письма *гучжуань* (кит. 古篆 *gǔzhuàn*) [И Гыну, 2024, с. 147; Ким Янчжи, 2015, с. 60]. Во-вторых, азбука строилась в соответствии с традиционной китайской фонологической системой — *инь-юньсюэ*, одной из характерных особенностей которой было разделение слогов на три основных компонента: начальный звук (инициаль), срединный звук (медиа́ль) и конечный звук (фина́ль).

Важно подчеркнуть, что онмун и хунминчоным обозначают один и тот же набор графических знаков — буквы корейского алфавита. Различие заключается в контексте употребления: онмун — это первоначальное, «рабочее» название азбуки, тогда как хунминчоным — официальное, провозглашенное в королевском указе. Функциональные различия двух письменностей будут рассмотрены ниже. Для практического использования письменности при королевском дворе было учреждено специальное ведомство — Палата письма онмун — Онмунчхон (кор. 언문청, кит. 諺文廳, *яньвэньтин*).

Король Сечжон до создания «Хунминчоным хэребон» с целью изучения китайской фонологической теории командировал делегацию ученых в составе Син Сукчу (신숙주), Сон Саммуна (성삼문), Чхве Хана (최항), Чон Инчжи (정인지) и др. для консультаций с академиком императорской академии Ханьлинь Хуан Чханем (황찬, 黃瓚), находившимся в тот период в Ляодуне¹, для изучения фонологии китайского языка [И Гыну, 2024, с. 146].

По возвращении король Сечжон совместно с восемью учеными Чипхёнджона² создал фундаментальный труд, содержащий подробные разъяснения к алфавиту — «Хунминчоным хэребон». В число восьми ученых-соавторов вошли: Чон Инчжи (정인지), Чхве Хан (최항), Пак Пхенён (박팽년), Син Сукчу (신숙주), Сон Саммун (성삼문), Кан Хиан (강희안), И Гэ (이개) и И Сон-ро (이선로). Хронология создания приводится ниже в Табл. 1.

¹ Территория к востоку от р. Ляохэ, восточная и южная части пров. Ляонин, КНР.

² Чипхёнджон — учебное заведение времен раннего Чосон, в котором обучались ученые и проводились исследования и научные работы. Оно открылось на территории дворца на втором году правления короля Седжона, в 1420 г., и закрылось на втором году правления короля Седжо, в 1456 г.

Таблица 1. Общая хронология создания корейской азбуки «Хунминчоным»

Table 1. General chronology of the creation of the Korean alphabet "Hunminjeongeum"

1	1443 г.	Создание <i>яньвэнь</i> 諺文 (онмун 언문)
2	1444 г.	— Учреждение палаты письма Онмунчхон (언문청, 諺文厅, яньвэньтин); — Перевод фонетического словаря «Юнхве»
3	1445 г.	Поездка Син Сукчу, Сон Саммуна и др. в Ляодун (совр. пров. Ляонин, КНР) для изучения китайской фонетики у ученого Хуан Чхана
4	1446 г.	Обнародование «Хунминчоным хэребон»

Вплоть до 1940 г. оригинальная рукопись «Хунминчоным хэребон» считалась утраченной. Она была обнаружена в городе Андон провинции Кёнсанпукто в доме семьи Ли Ханголя в июле 1940 г. [Хуан Юфу, 1982, с. 142]. В настоящее время хранится в галерее Кансон, г. Сеул.

Текст «Хунминчоным хэребон» полностью выполнен на классическом китайском языке (ханмун, кор. 한문, кит. 漢文 hàn wén), за исключением собственно 28 корейских букв и примеров их употребления. Направление письма — традиционное вертикальное, справа налево, сверху вниз. Общий объем текста включая заглавие составляет 4932 иероглифа [Пэк Тухён, 2009, с. 88] (см. рис. 1).

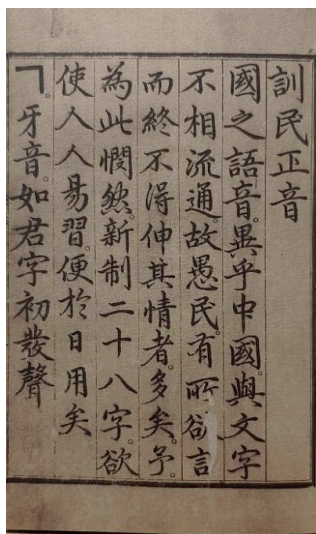

Рис. 1. Лицевая сторона копии рукописи «Хунминчоным хэребон» и первая страница

Fig. 1. The front side of the copy of the manuscript "Hunminjeongeum Haerye" and the first page

Создание азбуки «Хунминчоным» опиралось на теоретическую базу китайской фонологии — *иньюньсюэ* (кит. 音韵学 *yīnyùnxué*), науки о звуковом строе в традиционной китайской лингвистике. В рамках этой традиции слог членился на начальный (инициаль), срединный (медиаль) и конечный (финаль) компоненты. Также существовало понятие «пяти звуков» (кит. 五音 *wǔyīn*), т. е. пяти классов согласных, подразумевающее дифференциацию согласных по месту произнесения. Выделялись пять категорий согласных: 1) губные (唇音 *chúnyīn*), 2) язычные (舌音 *shéyīn*), 3) переднезубные (齿音 *chǐyīn*), 4) зубные (牙音 *yáyīn*), 5) гортанные (喉音 *hóuyīn*).

Во время династии Сун и Юань к пяти вышеперечисленным классам добавилось еще два класса: полуязычные (半舌音 *bànshéyīn*) и полужубные (半齿音 *bànchǐyīn*) согласные. Кроме того, все согласные делились на «чистые» / **глухие** (清音 *qīngyīn*) и «мутные» / **звонкие** (浊音 *zhuóyīn*). «Чистые», в свою очередь, подразделялись на «абсолютно чистые» / **глухие непридыхательные** (全清 *quánqīng*) и «получистые» / **глухие придыхательные** (次清 *cìqīng*), а «мутные» — на «абсолютно мутные» / **звонкие шумные (фрикативные и смычные)** (全浊 *quánzhuó*) и «полумутные» / **сонорные согласные** (次浊 *cìzhuó*) [Воронина, 2018, с. 182] (см. табл. 2).

Таблица 2. Классификация согласных в китайской фонологии

Table 2. Classification of consonants in Chinese phonology

Традиционная классификация по месту образования	全清 (quánqīng) Абсолютно чистые	次清 (cìqīng) Получистые	全浊 (quánzhuó) Абсолютно мутные	次浊 (cìzhuó) Полумутные	清 (qīng) Чистые	浊 (zhuó) Мутные
唇音 (chún yīn) Губные	帮[p], 非[f]	滂[p'], 敷[f']	并[b], 奉[v]	明[m], 微[v]		
舌音 (shé yīn) Язычные	端[t], 知[tʃ]	透[t'], 彻[tʃ']	定[d], 澄[dʒ]	泥[n], 娘[n]		
齿音 (chǐ yīn) Переднезубные	精[ts], 照[tʃ]	清[ts'], 穿[tʃ']	从[dz], 床[dʒ]		心[s], 审[ʃ]	邪[z], 禅[z]
牙音 (yá yīn) Зубные	见[k]	溪[k']	群[g]	疑[ŋ]		
喉音 (hóu yīn) Гортанные	影[θ]			喻[j]	晓[x]	匣[ɣ]
半舌 (bàn shé) Полуязычные				来[l]		
半齿 (bàn chǐ) Полужубные				日[nz]		

В «Хунминчоным хэребон» содержится описание артикуляции 28 буквенных знаков (см. табл. 3.), которые подразделяются на 17 начальных согласных (чхосон 초성), 11 срединных гласных звуков — (чунсон 중성), 8 конечных согласных (чонсон 종성). В качестве конечных согласных (финалей) могли использоваться 8 начальных согласных: ‘ㄱ’ [k/g], ‘ㅇ’ [ŋ], ‘ㄷ’ [t/d], ‘ㄴ’ [n], ‘ㅂ’ [p/b], ‘ㅁ’ [m], ‘ㅅ’ [s], ‘ㄹ’ [l/r] (см. табл. 3).

Таблица 3. 28 букв из «Хунминчоным»: 17 согласных и 11 гласных

Table 3. The 28 letters of “HunminJeongeum”: 17 consonants and 11 vowels

	17 согласных																		
Буква	ㄱ	ㅋ	ㆁ	ㄴ	ㄷ	ㅌ	ㄹ	ㅁ	ㅂ	ㅃ	ㅅ	ㅆ	ㅈ	ㅊ	ㅌ	ㅍ	ㅇ	ㅅ	ㅎ
МФА	k/g	k ^c	ŋ	N	t/d	t ^c	r/l	M	p/b	p ^c	S	c/ɟ	c ^c	z	h	ʔ	h		
	11 гласных																		
Буква	ㅏ	ㅑ	ㅓ	ㅕ	ㅗ	ㅛ	ㅜ	ㅠ	ㅡ	ㅣ									
МФА	a	ɔ	i	o	A	u	ɔ	Jo	ja	ju	jɔ								

Графика слога строго регламентирована. Так, инициаль располагается над или слева от медиали, а финаль помещается под медиалью, что обеспечивает формирование силлабограммы. Такой состав слога соответствует методу «разрезания / фаньце» (кор. 반절, панчжоль, кит. 反切 fǎnqiè) в китайской филологии [Воронина, 2018; Хуан Юфу, 1993, с. 141].

Таблица 4. Классификация букв по системе «пяти звуков» (五音)

Table 4. Classification of letters according to the “five sounds” system (五音)

Название звука	Зубные 牙音	Язычные 舌音	Губные 唇音	Передне- зубные 齿音	Гортанные 喉音	Полуязычные и полужубные 半舌半齿
Корейские буквы	ㄱ ㅋ ㆁ ㅇ	ㄴ ㄷ ㅌ ㄹ	ㅁ ㅂ ㅃ ㅅ ㅆ	ㅈ ㅊ ㅌ ㅍ	ㅎ ㆁ ㆁ ㆁ	ㄹ ㄹ

Согласные звуки классифицировались по принципу «пяти звуков» (五音) (см. табл. 3). Двойные согласные, в свою очередь, называются «напряженными звуками» (紧音), они относятся к «абсолютно мутным» (звонким 全浊音), в разделе «Объяснение создания букв» в «Хунминчоным хэребон» поясняется: «全清并书则为全浊» [Сюньминьчжэньинь цзелибэнь, л. 4]. Перевод: «Если “абсолютно чистые” (глухие) звуки удваиваются, получается “абсолютно мутные” (звонкие) звуки».

В корейской рифмической книге «Тонгукчонун» (кор. 동국정운, кит. 東國正韻 dōngguózhèngyùn) также дается пояснение об «абсолютно мутных» (звонких) звуках, т. е. о двойных согласных: «我国语音, 其清浊之辨, 与中国无异, 而于字音独无浊声» [Чжан Сяомань, 2015, с. 165]. Перевод: «В языке нашей

страны (Кореи) чистые и мутные (глухие и звонкие) звуки не отличаются от соответствующих в китайском языке, однако в чтении иероглифов отсутствуют мутные (звонкие) звуки».

Из вышеописанного следует, что, хотя азбука была построена по принципам *иньюнхсюэ*, авторы фонетических учебников вносили уточнения и корректировки в соответствии с реалиями фонетики корейского языка.

Также в тексте рассматриваются философское обоснование алфавита, принципы гармонии звуков, тональная система и правила соединения букв в слоги. В конце приводятся примеры слов на корейском с переводом на китайский язык.

У корейской азбуки много названий. Само слово *панчжоль* (кор. 반절, панчжоль, кит. 反切 fǎnqiè) — «разрезание» — раньше использовалось как синоним корейской азбуки. День Хангыля до 1928 г. назывался Днем Кагя (가갸날) в честь первых двух слогов — «ка — кя — ко — кё» (가-가-거-겨) — из азбуки, построенной по принципу *панчжоль*.

Название «хангыль» — самое позднее название корейской азбуки. «Хангылем» корейскую азбуку впервые назвал лингвист Чу Сигён (주시경) в 1913 г. [Ким Сырон, 2013, с. 51; Ден А., 2025, с. 2]. В 1928 г. Общество по изучению корейского языка (кор. 조선어연구회) изменило название День Кагя на День Хангыля. Кроме «хангыль» и «панчжоль», корейскую азбуку также называют «хунминчоным», «чоным» и «онмун».

«Хунминчоным онхэбон»

«Хунминчоным онхэбон» (кор. 훈민정음 언해본, кит. 训民正音谚解本) предположительно была создана во время правления короля Сечжона (1418–1450). Однако точные обстоятельства создания рукописи остаются невыясненными. Название «онхэбон» пришло из китайских иероглифов 谚解本 (yàn jiě běn, яньцзе бэнь), где иероглиф 谚 (yàn) означает «передавать (устную) речь», 解 (jiě) — «объяснять, комментировать», а 本 (běn) — «том, книга». Таким образом, термин «онхэбон» можно интерпретировать как «книга с переводом и комментариями», или «издание с толкованиями на народном языке».

Существует два варианта «Хунминчоным онхэбон»: 1) Периода правления короля Сечжона (1397–1450); 2) Периода правления короля Сечжо (1417–1468). Оригинальной рукописью на сегодняшний день является второй вариант. А вариант периода короля Сечжона — это так называемый реконструированный вариант (кор. 재구 정본 *чэгу чонбон*), созданный по инициативе Общества истории корейского языка (кор. 국어사학회 *кук-о сахак-хве*) и Управления культурного наследия (кор. 문화재청 *мунхва чэчхон*). Единственным отличием двух версий является подпись в самом начале. В подлинной рукописи периода Сечжо начальная строка содержит запись «世·성종宗御·영製·정訓·훈민민正·정음음», что переводится как «Хунминчоным, составленный королем Сечжоном». А реконструированный вариант начинается с «訓·훈민민正·정음음» («Хунминчоным»). Ниже на рис. 2 представлена реконструкция самого раннего варианта «Хунминчоным онхэбон». Решающим аргументом того, что вариант Сечжо является переработанной версией утерянного подлинника периода правления его отца, короля

Сечжона, служит колофон (подпись в самом конце) рукописи «訓·훈민민正·정음음» («Хунминчоным») [Ким Сырон, 2023, с. 308].

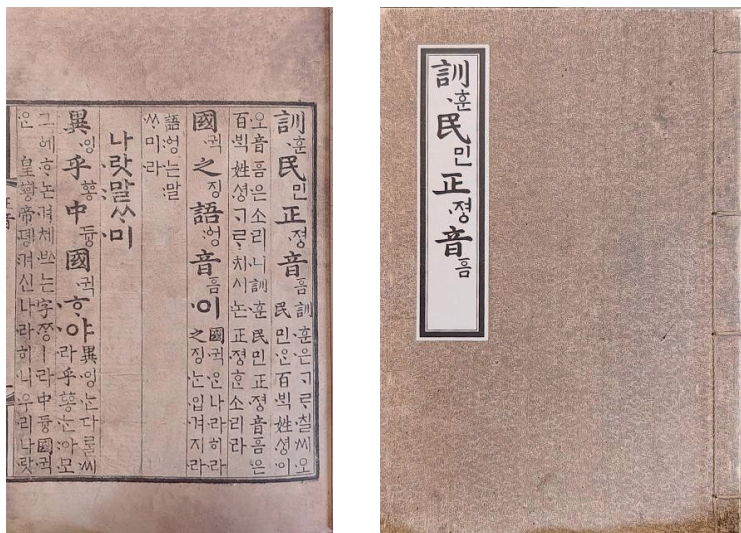

Рис. 2. Лицевая сторона копии рукописи «Хунминчоным онхэбон» и первая страница
Fig. 2. The front side of the copy of the manuscript “Hunminjeongeum haerye” and the first page

По своему содержанию «Хунминчоным онхэбон» представляет собой перевод на корейский язык двух начальных разделов «Хунминчоным хэребон», а именно «Предисловия» — «Сомун 서문», и следующей за ним части с примерами — «Йеи 예의», посвященной описанию 28 букв. Эти две части полностью совпадают с содержанием аналогичных частей в «Хунминчоным хэребон». Единственным существенным отличием от оригинала является включение в текст дополнительных сведений о переднезубных (кор. 치두음 чхидуым, кит. 齒頭音 chǐtóuyīn) и заднезубных звуках (кор. 정치음 чончхиым, кит. 正齒音 zhèngchǐyīn) [Ким Сырон, 2023, с. 263].

Исторически «Хунминчоным онхэбон» не существовал как самостоятельное издание, а выполнял функцию вступительной части к первым двум главам буддийского сборника «Избранные эпизоды из жизни Будды, изложенные ясно» (кор. 석보상절 Сокпосанчжоль, кит. 釋譜詳節 shìpǔxiángjiē). Он был составлен в 1459 г, уже в правление следующего монарха — короля Сечжо (세조, 世祖 shìzǔ, 1455–1468).

Король Сечжо переработал поэтическое сочинение своего отца, короля Сечжона, «Ворин чхонган чигок» (кор. 월인천강지곡, кит. 月印千江之曲) — «Песнь о луне над тысячьо рек», изменив порядок представления материала: если в оригинале корейское письмо предшествовало китайским иероглифам, то в редакции Сечжо приоритет был отдан иероглифическому тексту. Затем он объединил это переработанное сочинение с созданным им самим прозаи-

ческим жизнеописанием Будды — «Сокпосанчоль» (석보상절), которое было написано в память о его покойной матери, королеве Сохон (소헌왕후). В начало этого объединенного сборника король Сечжо поместил «Хунминчоным онхэбон». Это было сделано с целью того, чтобы дать возможность простым людям, не владевшим китайской грамотой, читать текст на родном корейском языке [Ким Сырон, 2023, с. 264]. Как можно видеть на рис. 2, после каждого иероглифа добавлена транслитерация на корейском. А после каждого предложения, записанного иероглифами, более мелким шрифтом приводится разъясняющий комментарий на корейском, что обеспечивало понимание текста читателями, не знакомыми с китайской письменностью.

Онмун и хунминчоным: два письма — две функции

Как отмечает И Гыну, онмун (諺文, yànwén) и хунминчоным выполняли функционально различные роли и не могут рассматриваться как тождественные понятия. Онмун использовался для записи корейских слов «как есть», И Гыну определяет их как “letters or characters”, т. е. «буквами». В свою очередь, знаки хунминчоным, которые исследователь обозначает как “phonetic symbols”, т. е. «фонетические символы», служили для передачи более тонких фонетических нюансов произношения. Система хунминчоным, по мнению автора, выполняла функцию «подгонки» корейской фонетики под нормы и правила старокитайской фонологической традиции *иньюньсюэ* (音韵学), поэтому она и использовалась преимущественно для транслитерации иероглифов [И Гыну, 2024, с. 140].

В качестве эмпирического подтверждения данного разграничения приводятся словари и учебники китайского языка (см. рис. 3), в которых транслитерация иероглифов дается двумя записями: онмун и хунминчоным. Внешне буквы онмун и хунминчоным ничем не отличались. Ниже представлен пример из учебника разговорного китайского языка для корейцев «Чунган ногольдэ онхэ» (кор. 중간노걸대언해, кит. 重刊老乞大谚解 zhòngkān lǎoqǐdà yànjiě) 1795 г., наглядно иллюстрирующий это различие. Под каждым китайским иероглифом расположены два варианта корейской передачи: слева — транскрипция посредством хунминчоным, справа — транслитерация посредством онмун (кор. 언문, кит. 諺文 yànwén).

Рис. 3. Пример транслитерации на онмун и хунминчоным из учебника разговорного китайского языка «Чунган ногольдэ онхэ» (кор. 중간노걸대언해, кит. 重刊老乞大谚解) (И Су и другие, 1795 г.). Страница № 2 [фрагмент]. — Электронный ресурс: URL: <https://jsg.aks.ac.kr/viewer/view!Mok?dataIdPC13-3%7C002#node?depth=2&upPath=002&dataId=002>

Fig. 3. An Example of Transliteration in Onmun and Hunminjeongeum from the Chinese Conversational Textbook «Junggan Nogeoldae Eonhae» (in Kor. 중간노걸대언해, in Chin. 重刊老乞大谚解) (Lee Su et al., 1795). — Available from: URL: <https://jsg.aks.ac.kr/viewer/view!Mok?dataId=PC13-3%7C002#node?depth=2&upPath=002&dataId=002>

Подобная функциональная дифференциация явилась результатом эволюции теоретического осмысления фонетической системы корейского языка в соответствии с требованиями китайской фонологии *инъюньсюэ*, предполагавшими более детализированное описание звукового строя. Важно подчеркнуть, что при этом графическое оформление знаков онмун и хунминчоным не имело различий.

Четыре упраздненные буквы

Современный корейский алфавит демонстрирует ряд отличий от своего первоначального варианта, зафиксированного в «Хунминчоным хэребон». В вышеприведенной табл. 3 представлен инвентарь из 28 графем оригинальной азбуки. Сопоставление этого набора с современным алфавитом позволяет выявить буквы, вышедшие из употребления (см. табл. 5).

Таблица 5. Четыре упраздненные буквы корейского алфавита

Table 5. The four obsolete letters of the Korean alphabet

Название на русском	Старая иын (иын с хвостиком)	Полу-щиот	Лёгкая хийх	Нижняя А
Название на корейском	옛이응	반시옷	여린히읇	아래아
Корейская буква	ㅇ	△	ㄷ	•
МФА	Ю	Z	?	Λ

Графема ‘ㅇ’, обозначающая носовой согласный [ɲ], в корейской известна как «старая иын» (кор. 옛이응 йен иын) или «иын с хвостиком» (кор. 꼭지이응 кокчи иын), по наличию графического элемента — диакритического «хвостика», отличавшего ее от буквы ‘ㅇ’. В среднекорейском языке звук [ɲ] встречался как в позиции инициали (начала слога), так и в позиции финали (конца слога). В ходе исторического развития произошла графическая и фонологическая редукция знака ‘ㅇ’. Элемент «хвостик» постепенно утрачивался, а буква слилась с графемой ‘ㅇ’, которая в современном языке выполняет двойную функцию: в начале слога она является нулевым знаком, а в конце слога передает носовой [ɲ]. Таким образом, звук [ɲ] сохранился исключительно в позиции конечного согласного.

Процесс эволюции ‘ㅇ’ [ɲ] можно проиллюстрировать на примере слова 방울 («капля», «колокольчик»): ‘바울>방울>방울’. В ранних текстах второй слог мог записываться с инициальной ‘ㅇ’, но по мере утраты этой графемы в начале слога написание унифицировалось: звук [ɲ] остался в финали первого слога (буква ‘ㅇ’), а инициаль второго слога стала обозначаться буквой ‘ㅇ’ как немой знак. Современная форма «방울» отражает результат этого процесса — переход ‘ㅇ’ [ɲ] исключительно в финальную позицию с одновременным упрощением графики.

Графема ‘ㄷ’ является глоттальным смычным звуком [ʔ]. В корейском языке именуется «легкая хийх» (кор. 여린 히음 ёрин хийх), что указывает на ее артикуляторное родство с глухим глоттальным фрикативом ‘ㅎ’ [h], но с меньшей интенсивностью шумообразования. По своему начертанию ‘ㄷ’ представляет собой графему ‘ㅇ’ (кор. 옛이음 йен иын) с горизонтальным штрихом в верхней части. От этого и другое наименование — «сильная иын», хотя фонетически она не связана с носовыми звуками. В системе среднекорейского письма эта буква входила в состав двойного патчима ‘ㄷㅇ’. Утрата графемы ‘ㄷ’ из живого употребления объясняется ее фонетической близостью к звуку ‘ㅎ’ [h]. Уже к 1465 г., когда был создан корейский перевод «Сутр совершенного пробуждения» (кор. 원각경 언해 *Вонгаккён онхэ*, 圓覺經諺解 *yuánjuéjīng yuǎnjiě*), буква ‘ㄷ’ перестала использоваться [Ким Сырон, 2023, с. 53].

Графема ‘ㄷ’ — звонкий альвеолярный спирант [z], в корейской лингвистической традиции известна под наименованиями «полуциот» (кор. 반시옷 *панициот*) или «полузубной звук» (кор. 반치음 *панчиым*). Все потому, что ‘ㄷ’ является звонким коррелятом глухого согласного ‘ㅌ’ [s]. С артикуляторной точки зрения, звук [z] образовывался при понижении дорсальной конфигурации языка относительно уклада, характерного для глухого ‘ㅌ’ [s], и одновременном ослаблении мускульного напряжения, что приводило к возникновению фонации. Процесс утраты данной графемы из живого употребления начался в середине XVI в.

Графема ‘ㅏ’, обозначавшая неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема [a], в корейском именуется «нижняя А» (кор. 아래아 *арэ-а*), занимала особое место в вокалической системе среднекорейского языка XV века. Свое название она получила по позиции в перечне гласных букв в учебнике 1527 г. «Хунмончжахве» (кор. 훈몽자회, кит. 訓蒙字會 *xùnméngzìhuì*), где помещалась в нижней части списка. Альтернативное наименование «небесная А» (кор. 하늘아 *ханыль-а*) обусловлено ее графической формой, которая в философской концепции «Хунминчоным» символизировала Небо (天) в триаде Небо–Земля–Человек. Вокалическая артикуляция ‘ㅏ’ [a] характеризовалась как промежуточная между [o] и [a]: при лабиализации, свойственной произнесению ‘ㅑ’ [o], но при более низком подъеме языка, реализовывался звук, близкий к [a]. Диахронические изменения, затронувшие эту фонему в период с XVI по XVIII в., привели к ее замене другими гласными, преимущественно ‘ㅓ’ [u], ‘ㅗ’ [o] и ‘ㅜ’ [u], в зависимости от фонетического окружения. Процесс утраты ‘ㅏ’ как живой фонемы на материке завершился примерно к XVIII в. Однако зоны ее употребления сохранились в говорах острова Чечжу [Ко Енчоль, Ким Енсук, 2020]. Архаичное произношение фиксируется в таких лексемах, как 말 [маль] («лошадь») и 몸국 [момгук] (название традиционного местного супа).

Важно разграничивать фонетическое исчезновение звука и графическое использование знака. Как графема ‘ㅏ’ продолжала эпизодически употребляться вплоть до начала XX в. Она была исключена из официального орфографического стандарта современного корейского языка с принятием «Проекта унификации правописания хангыля» в 1933 г. [Ким Сырон, 2023, с. 54].

Система четырех тонов

В среднекитайском языке тональность зависела от строения слога и свойства его начальных, срединных и конечных согласных. Эти знания о строении слога и, соответственно, о его тональности были заимствованы и адаптированы под корейский язык.

В разделе «Хунминчоным хэребон» содержится следующее описание тоновой системы: «左加一點則去聲，二則上聲。無則平聲。入聲加點同而促急» [Сюньминьчженъинь цзелибэнь, л. 4]. Перевод: «Если слева добавлена одна точка — это падающий тон (четвертый тон)³, если две — восходящий тон (третий тон). Если точек нет — ровный тон (первый тон). Для входящего тона точки ставятся аналогично, но произношение короткое и отрывистое».

Иллюстрация способа маркировки тонов в корейской письменности представлена на рис. 4. В качестве примера взято словосочетание «каждый человек» — 사람마다 (сараммада) из «Хунминчоным онхэбон» л. 3. Анализ тоновой разметки данного фрагмента позволяет реконструировать следующую картину. Слог «:사» с двумя точками слева читается восходящим тоном (3), слог «람» без точек — ровный тон (1) либо входящий тон (入聲 rùshēng), «:마» — восходящий тон (3), «다» с одной точкой — нисходящий тон (4).

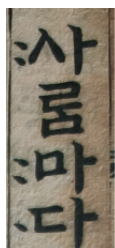

Рис. 4. Обозначение тонов в корейском языке на примере слова 사람마다 (сараммада). Фрагмент из «Сюньминьчженъинь яньцзебэнь», л. 3

Fig. 4. Tone marking in Korean using the example of the word 사람마다 (sarammada). Excerpt from the “Hunminjeongeum Onhaebon”, folio 3

Далее в части «Объяснения сочетания букв» (合字解 hé zì jiě) дается пояснение, похожее на вышеуказанное: «凡字之左，加一點為去聲，二點為上聲，無點為平聲» [Сюньминьчженъинь цзелибэнь, л. 22]. Перевод: «Если слева от иероглифа добавлена одна точка, это означает падающий тон (четвертый тон); если две точки — восходящий тон (третий тон); если точек нет — ровный тон (первый тон)».

Ниже на той же странице следует часть о входящем тоне (жушен 入聲 rùshēng) в словах **китайского происхождения** и в **исконно корейских** словах: «而文之入聲，與去聲相似。諺之入聲無定，或似平聲，如 𪛗 為柱， 𪛗 為脊。或似上聲，如： 𪛗 為穀。: 𪛗 為縑。或似去聲，如： 𪛗 為釘， 𪛗 為口之類。其加點則與平上去同» [Сюньминьчженъинь цзелибэнь, л. 22]. Перевод: «В литературном (классическом) произношении входящий тон (4) краткий похож на падающий. В разговорном же произношении входящий тон не имеет строгой нормы. Иногда он схож с ровным тоном (1), как в словах 𪛗 [kit] (柱 столб), 𪛗 [njɔp] (脊 бок), а иногда схож с восходящим тоном (3), как в словах: 𪛗 [nat] (穀 злаки), : 𪛗 [kip] (縑 шелк), а иногда похож на падающий тон (4), например,

³ В скобках указаны номера тонов, соответствующих современному путунхуа.

·몰 [mot] (釘 гвоздь), ·입 [ip] (口 рот). Что касается добавления точек, то для него (входящего тона) правила те же, что и для ровного, восходящего и падающего».

Резюмируя вышесказанное, приводятся таблицы с четырьмя тонами и таблица со словами исконно корейского происхождения (см. табл. 6, табл. 7).

Таблица 6. Тоны в корейском языке

Table 6. Tones in the Korean language

Тон	Маркировка	Пояснение
1	Нет точек	Ровный тон (1), 平声 píngshēng
3	Две точки	Восходящий (3), 上声 shàngshēng
4	Одна точка	Падающий (4), 去声 qùshēng
Входящий (жушен 入声 rùshēng)	Одна или нет	Либо ровный (1), либо падающий (4), но отрывистый и короткий

Таблица 7. Маркировка тонов в исконно корейских словах

Table 7. Tone marking in native Korean words

Тоны в исконно корейских словах (кор. 고유어 кою-о, кит. 固有语 gùyǒuyǔ)	
길 [kit]	Ровный тон (1)
넌 [njɔp]	Ровный тон (1)
:남 [nat]	Восходящий тон (3)
:길 [kip]	Восходящий тон (3)
·몰 [mot]	Падающий тон (4)
·입 [ip]	Падающий тон (4)

Можно сделать вывод о том, что входящий тон (入声 rùshēng), характеризующийся краткостью слога и особым типом финали, в различных произносительных регистрах мог реализовываться по-разному (см. табл. 6, табл. 7). В литературном чтении, т. е. в чтении слов китайского происхождения (хан-ча-о 한자어, 汉字词 hànzìcí) он был близок к падающему тону (去声 qùshēng) (4), тогда как в разговорной речи, т. е. в исконно корейских словах (кою-о 고유어, 固有词 gùyǒucí) его реализация варьировала, вплоть до совпадения с ровным тоном (平声 píngshēng) (1) [Ян Си, 2013, с. 30]. Это свидетельствует о наличии вариативности в тоновой системе среднекорейского периода, отражающей взаимодействие китайской фонологической нормы и местной произносительной практики.

Насчет входящего тона необходимо добавить пояснение о том, что китайская теория инициалей и финалей (рифм) объединяет рифмы входя-

щего тона (жушэн 入声) и рифмы янского тона (яншэн 阳声, солнечный тон) в одну группу (шэ 撮). Поэтому финали с окончаниями [-ŋ, — n, — m] соотносятся с финалями [-k, — t, — p]. Это связано с тем, что основные гласные и место образования финальных согласных у них одинаковы: [-ŋ] и [-k] являются задненёбными (велярными), [-n] и [-t] — переднеязычными (альвеолярными), [-m] и [-p] — губно-губными (билабиальным). Финали [-ŋ], [-n], [-m] используются в рифмах янского тона, а финали [-k], [-t], [-p] — в рифмах входящего тона. В «Гуаньюнь» насчитывается 34 рифмы входящего тона, которые образуют строго закономерное соответствие с рифмами янского тона [Ли Дэчунь, 2000, с. 232].

Финаль (конечный согласный) играет ключевую роль в формировании тональности слога. Эти принципы были отражены в «Хунминчоным хэребон» в разделе «Объяснение конечных звуков» (终声解 zhōng shēng jiě) следующим образом: «五音之緩急，亦各自為對，如牙之○与ㄱ為對，而○促呼則變為ㄱ而急，ㄱ舒出則變為○而緩。舌之ㄴ，唇之ㅁ，齒之ㄷ，喉之ㅇ，其緩急相對，亦猶是也» [Сюньминьчжэньинь цзелибэнь, л. 18]. Перевод: «Что касается медленности и скорости произнесения пяти категорий звуков⁴, то они также образуют взаимные пары. Например, в ряду зубных звуков 'о' [ŋ] и 'ㄱ' [k] составляют пару: если 'о' произнести быстро, он превращается в 'ㄱ', становясь резким и отрывистым; если же 'ㄱ' произнести протяжно, он превращается в 'о', становясь медленным. В ряду язычных (переднеязычных) звуков 'ㄴ' [n] и 'ㄷ' [t], губных 'ㅁ' [m] и 'ㅂ' [b], зубных 'ㄷ' [z] и 'ㄷ' [s], а также гортанных 'ㅇ' [h] и 'ㅇ' [ʔ] — их соотношение медленного и быстрого произнесения, образующее пары, точно такое же».

Таблица 8. Пять категорий согласных в корейском алфавите
Table 8. Five categories of consonants in the Korean alphabet

Таблица пяти парных категорий звуков		
Зубной	○ [ŋ]	ㄱ [k]
Язычный	ㄴ [n]	ㄷ [t]
Губной	ㅁ [m]	ㅂ [b]
Переднезубной	ㄷ [z]	ㄷ [s]
Гортанный	ㅇ [h]	ㅇ [ʔ]

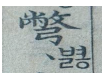
Принцип «пяти звуков» (오음, 五音) заложил теоретический фундамент для формирования правил ассимиляции в современном корейском языке, а также детерминировал сохранение просодической характеристики входящего тона (入声) в лексемах с конечными согласными -p, -t, -k.

⁴ Пять разрядов начальных согласных слога в китайской фонологии иньюньсюэ: задненёбные, язычные, альвеолярные, губные, зубные.

Через анализ и сопоставление транслитерации некоторых иероглифов можно проанализировать адаптацию под правила китайской фонетической традиции (см. табл. 9).

Таблица 9. Варианты написания иероглифа 警 на корейском
Table 9. Writing variations of the Chinese character 警 in Korean

Вариант чтения иероглифа 警 (упрощ. 别 biè, «отличать»)		Примечания
«Хунминчонным хэребон»	별 [pjɔt]	
«Хунминчонным онхэбон»		Слева одна точка — падающий тон (4)
Повседневное произношение	별 [pjɔl]	

Объяснение разного способа записи можно найти в той же части о конечных звуках: «且半舌之ㄹ, 當用於諺, 而不可用於文。如入聲之警字, 終聲當用ㄷ, 而俗習讀爲ㄹ, 盖ㄷ變而爲輕也。若用ㄹ爲警之終, 則其聲舒緩, 不爲入也。」 [Сюньминьчжэньинь цзелибэнь, л. 19]. Перевод: «К тому же, полуязычный звук 'ㄹ' [r/l] надлежит употреблять только в корейском письме (онмун) и нельзя употреблять в китайской письменности (ханмун 漢文). Например, в слове входящего тона 警 (biè 별 pjɔl) конечным согласным надлежало бы быть 'ㄷ' [t], однако в просторечии его произносят как 'ㄹ'. Ведь 'ㄷ', изменяясь, становится легким звуком. Если же использовать 'ㄹ' в качестве финали для слова 警, то звук этот будет медленным и плавным, а потому не будет соответствовать входящему тону».

Другими словами, в «Хунминчонным» предписывалось, что конечный согласный 'ㄹ' может использоваться только в исконно корейских словах, но не в звучании китайских иероглифов (ханча 漢字 hàn zì). Это объяснялось тем, что конечный согласный 'ㄹ' является результатом смягчения согласного 'ㄷ', который из-за этого смягчения перестает звучать входящим тоном (жушен 入聲). В связи с этим создатели письменности изменили графическое обозначение тех иероглифов, которые в корейском языке произносились со звуком 'ㄹ', заменив его на сочетание 'ㅅ', стремясь таким образом приблизить их звучание к китайскому входящему тону. Данное предписание было субъективным правилом, полностью оторванным от реального состояния корейского языка и слепо копирующим китайские фонетические теории [Ли Дэчунь, 2000, с. 233].

Пример с иероглифом 警 (совр. упрощ. 别, кит. biè, кор. пёль) служит наглядной иллюстрацией следования нормам китайской фонологической традиции иньюньсюэ в тексте «Хунминчонным хэребон». Одновременно анализ примера из «Хунминчонным онхэбон» демонстрирует попытку соблюдения данных правил путем введения графемы «ㅅ» в позицию финали. Но эта мера не меняла реального произношения, которое сохраняло конечный

сонант «ㄹ». В «Онхэбон» фиксируется определенный компромисс между живой разговорной нормой (просторечием) и требованиями тональной системы *иньюньсюэ*, предписывавшими строгое различие просодических классов.

К XVII в. тоновая система вышла из употребления в живой письменной традиции, поскольку она по своей природе не вписывалась ни в парадигму развития корейского языка, ни в его лингвистическую прагматику [Ян Си, 2013, с. 32]. В устной форме «следы» тонов до сих пор остаются в корейском языке в некоторых диалектах, а также в словах как китайского происхождения, так и в исконно корейских словах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, источниковедческий анализ демонстрирует существование двух редакций текста, объединенных общим названием, но различающихся по структуре, целям создания и языку изложения. «Хунминчоным хэребон» (1446 г.) представляет собой официальное издание первой корейской азбуки, содержащее развернутое теоретическое описание графической системы, фонетических принципов и философского обоснования нового письма. Этот трактат, написанный на классическом китайском языке (ханмун, вэньянь), является фундаментальным источником для изучения ранней истории хангыля. «Хунминчоным онхэбон» (1459 г.) представляет собой перевод на корейский язык двух начальных разделов «Хунминчоным хэребон» (вступление и части, посвященной 28 буквам). Этот текст был включен в качестве вводной части в состав буддийского сборника «Сокпосанчоль» (кор. 석보상절, кит. 釋譜詳節 *shìpǔxiángjiē*) и предназначался для фонетического сопровождения иероглифических текстов, обеспечивая доступ к ним читателям, не владевшим китайской грамотой.

Во-вторых, было выявлено, что в письменной практике средневековой Кореи сложилось функциональное разграничение двух способов транскрипции китайских иероглифов — онмун и хунминчоным. Онмун (諺文) использовался для фиксации корейского звучания иероглифа, т.е. чтения «как есть», без учета тонких фонологических нюансов, предписываемых китайской традицией *иньюньсюэ*. А хунминчоным, напротив, служил для точной передачи всех фонетических деталей, включая особенности инициалей, медиалей и финалей, что позволяло адаптировать китайское произношение к корейской фонологической системе. Данное разграничение наглядно иллюстрируется примерами из учебника китайского языка для корейцев «Чунган ногольдэ онхэ» (кор. 중간노걸대언해, кит. 重刊老乞大谚解) (1795 г.), где под каждым иероглифом приводятся два варианта транслитерации.

В-третьих, анализ показал, что первоначальный алфавит «Хунминчоным» насчитывал 28 графем. В период с XV по начало XX в. четыре буквы вышли из активного употребления. Это буквы: ‘ㅇ’ — велярный носовой [ŋ], «старая иын» (кор. 옛이음 *йен иын*) или «иын с хвостиком» (кор. 꼭지이음 *кокчи иын*); ‘ㄷ’ — звонкий альвеолярный спира́нт [z], «полуциот» (кор. 반시옷 *панщи-*

от) или «полузубной звук» (кор. 반치음 *панчхиым*); ‘ㅎ’ — глоттальный смычный [ʔ], «легкая хихх» (кор. 여린 히읗 *ёрин хихх*); ‘ㅡ’ — неогубленный гласный заднего ряда [ʌ], «нижняя А» (кор. 아래아 *арэ-а*).

В-четвертых, были выявлены нюансы, связанные с входящим тоном. В среднекорейском языке функционировала просодическая система, включавшая четыре тональных класса: ровный тон (1) (平聲) — отсутствие графической маркировки; восходящий тон (3) (上聲) — маркировка двумя точками слева от слога; падающий тон (4) (去聲) — маркировка одной точкой слева от слога; входящий тон (入聲) — маркировался либо как ровный (1), либо как нисходящий (4), но отличался краткостью произнесения и особым типом финали. Особенностью входящего тона является его двоякое чтение, зависящее от происхождения слова. Если слово китайского происхождения или текст является книжным (литературным), то входящий тон реализовывался как падающий (4) (去聲). Тогда как в разговорной речи или в исконно корейских словах он мог совпадать с ровным тоном (1) (平聲). Однако к XVII в. в связи с внутренними закономерностями развития корейского языка тоновая система утратила фонологическую значимость и перестала фиксироваться на письме.

Список литературы / References

1. Воронина О. Ю. О средствах реконструкции фонологической системы китайского языка: китайская «иньюньсюэ» и особенности ее терминологического аппарата. *Известия ВГПУ. Языкознание*. 2018. С. 181–185 [Voronina O. Yu. About the Means of Reconstructing the Phonological System of Chinese: Chinese Yinyunxue and the Features of its Terminological Apparatus. *Izvestiya VGPU. Yazykosnanie (Linguistics)*. 2018, pp. 181–185 (in Russian)].
2. Ден А., Чо Чжи Сук. Учет особенностей буквенно-слогового корейского письма в процессе обучения в языковом вузе (на материале письменного источника Хунмин чоным Херебон). *Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал*. 2025. № 6 (июнь), ART 3534 [Den A., Cho Jee Suk. Consideration of the Features of the Alphabetic-Syllabic Korean Script in the Teaching Process at a Language University (Based on the Written Source Hunminjeongeum Haeryebon. *The Emissia. Offline Letters*. 2025. No. 6 (June), ART 3534 (in Russian)]. — Available from: URL: <http://emissia.org/offline/2025/3534.htm> (accessed: 01.02.2025).
3. Концевич Л. Р. Хунмин Чоным ("Наставление народу о правильном произношении"). *Памятники письменности Востока*. М.: Наука, 1979 [Kontsevich L. R. Hunmin Jeong'eum ("Instruction to the People on Correct Pronunciation"). *Monuments of Oriental Writing*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].
4. И Гыну (이근우). Онмун чамо ва хунминчонъым чамой чхаие тэхаё (О разнице между буквами онмун и хунминчоным) (谚文字母와 训民正音字母의 차이에 대하여). *Тонбуг-а мунхва ёнгу* (동북아문화연구). 2024. № 78. С. 129–154 [Rhee Kunwoo. Eonmun jamo-wa hunminjeongeum jamo-ui chai-e

- daehayeo (On the Difference of Eonmun letters and Hunminjeongeum letters). *Dongbuk-a munhwa yeongu*. 2024. No. 78, pp. 129–154 (in Korean)].
5. И Чунхван (이준환). «Хунминчонтым хэребон»ый чхосон, чунсон, чонсон сольмён ёнджаэ кванхаё (Об объяснении начальных, средних и конечных звуков в «Хунминчоным хэребон») (《訓民正音 解例本》의 초성, 중성, 종성 설명用字에 관하여). *Кугохак* (國語學). 2020. № 94. С. 92–125 [Yi Jun-Hwan. “Hunminjeong-eum Haeryebon”-ui choseong, jungseong, jongseong seolmyeong yongja-e gwanhayeo (A Study on the Examples Used for Initial consonant, Medial vowel, and Final consonant Descriptions of Hunminjeongeum). *Kugokhak*. 2020. No. 94, pp. 92–125 (in Korean)].
 6. Ким Сырон (김슬옹). *Хунминчоным хэребонгва онхэбонэ тхансэнгва ёкса* (История и появление «Хунминчоным хэребон» и «Хунминчоным онхэбон») (훈민정음 해례본과 언해본의 탄생과 역사). Пхачжу: Каоннури, 2023 [Kim Seol-ong. *Hunminjeongeum haeryebon-gwa eonhaebon-ui tansaeng-gwa yeoksa* (The History and Emergence of Hunminjeongeum Haeryebon and Hunminjeongeum Onhaebon). Paju: Kaonnuri, 2023 (in Korean)].
 7. Ким Янчжин (김양진). Ирымянохэнгва хунминчоным (Китайская натур-философия и хунминчоным) (일음양오행(一陰陽五行)과 훈민정음(訓民正音)). *Кугохак* (國語學). 2015. № 74. С. 58–102 [Kim Ryang-Jin. Ireumyangohaenggwa Hunminjeongeum (훈민정음) (The Five Elements that it was once applied Yin/Yang and Hunminjeongeum (訓民正音)). *Kugokhak*. 2015. No. 74, pp. 58–102 (in Korean)].
 8. Ко Енчоль, Ким Енсу. Сравнение письменности новейшего корейского языка и корейского языка в хунминчоным. *Глобальный научный потенциал*. 2020, № 12(117). С. 263–266 [Ko Yonchol, Kim Yonsuk. Comparison of the writing system of the modern Korean language and the Korean language in Hunminjeongeum. *Global Scientific Potential*. 2020. No. 12(117), pp. 263–266 (in Russian)].
 9. Ли Дэчунь (李得春). «Сюньминьчженинь» юй чжунго иньюньсюэ («Хунминчоным» и китайская фонология) (《訓民正音》与中国音韵学). *Ханьгосюэ луньвэньцзи* (北京: 韩国学论文集). Пекин, 2000. С. 223–234 [Li Dechun. “Xunminzhengyin”yu zhongguo yinyunxue (Hunminjeongeum and Chinese Phonology). *Hanguoxue lunwenji*. Beijing, 2000, pp. 223–234 (in Chinese)].
 10. Пэк Тухён (백두현). Хунминчоным хэребонэ тхексытхы кучжо ёнгу (Исследование структуры «Хунминчоным хэребон») (훈민정음 해례본의 텍스트 구조 연구). *Кугохак* (國語學). 2009. № 54. С. 76–107 [Paek Duhyeon. Hunminjeongeum haeryebon-ui teksteu gujo yeongu (A Study on the text structure of Hunminjeongeum haeryebon). *Kugokhak*. 2009. No. 54, pp. 76–107 (in Korean)].
 11. *Сюньминьчжэньинь цзелибэнь* (訓民正音解例本). Копия рукописи, хранящейся в галерее Кансон. [Hunminjeongeum Haeryebon (訓民正音解例本). A manuscript copy housed in the Kansong Art Museum (in Korean and Chinese)].

12. Сюньминьчженъинь яньцзебэнь (訓民正音諺解本). Реконструкция рукописи периода правления короля Сечжона, хранящейся в университете Соган. [*Hunminjeongeum Eonhaebon* (訓民正音諺解本). A manuscript copy from the reign of King Sejong, housed at Sogang University (in Korean and Chinese)].
13. Чжан Сяомань (张晓明). Юйяньцзечу шиюйся ханьюй дуй ханьгоуй инсян яньцзю (Исследование влияния китайского языка на корейский язык в перспективе языковых контактов) (语言接触视域下汉语对韩国语影响研究). *Дунбэйшидасюэбао* (东北师大学报). 2015. № 06. С. 163–168 [Zhang Xiaoman. Yuyuanjiechu shiyuxia Hanyu dui Hanguoyu yingxiang yanjiu (Study on the Influence of Chinese on Korean from the Perspective of Language Contact). *Dongbeishidaxuebao*. 2015. No. 06, pp. 163–168 (in Chinese)].
14. Хуан Юфу (黄有福). Сюньминьчженинь (Хунминчоньым) (訓民正音) . *Чжунго миньцзу гувэньцзы* (中国民族古文字) . 1982. С. 141–158 [Huang Youfu. Hunminjeongeum. *Zhongguo minzu guwenzi*. 1982, pp. 141–158 (in Chinese)].
15. Хуан Юфу (黄有福). Гудай Чаосяньвэнь (Сюньминьчженъинь) (Старо-корейская письменность (на примере «Хунминчоньым»)) (古代朝鲜文 (訓民正音文)) . *Чжунго миньцзу гувэньцзы* (中国民族古文字) , 1993. № 2. С. 310–314 [Huang Youfu. Gudai Chaoxianwen (Xunminzhengyin) (Old Korean writing (using the example of Hunminjeongeum)). *Zhongguo minzu guwenzi*. 1993. No. 2, pp. 310–314 (in Chinese)].
16. Ян Си (杨茜). Цун «Сюньминь чжэньинь» кань чаосяньъюй юйинь юй гудай ханьюй юйиньдэ гуаньси (Корейская и древнекитайская фонетика: анализ через призму «Хунминчоньым») (从《訓民正音》看朝鲜语语音与古代汉语语音的关系) . Диссертация на соискание степени магистра. Шэньси шифань тасюэ (陕西师范大学). 2013 [Yang Xi. *Cong "Xunmin zhengyin" kan Chaoxianyu yuyin yu gudai Hanyu yuyinde guanxi* (Korean and Old Chinese Phonetics: An Analysis Through the Prism of Hunminjeongeum). Master's thesis. Shaanxi Provincial Pedagogical University. 2013 (in Chinese)].

Информация об авторе

Сманкулова Жанна Адамбековна — студентка магистратуры отделения китайской филологии Нинсяского университета, г. Иньчуань, КНР; zhanntnet@163.com; <https://orcid.org/0009-0009-7589-0005>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена рецензентами 25.03.2026; принята к публикации 20.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Zhanna A. Smankulova — Master's degree student, Department of Chinese Philology, Ningxia University, Yinchuan, China; zhannnet@163.com; <https://orcid.org/0009-0009-7589-0005>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

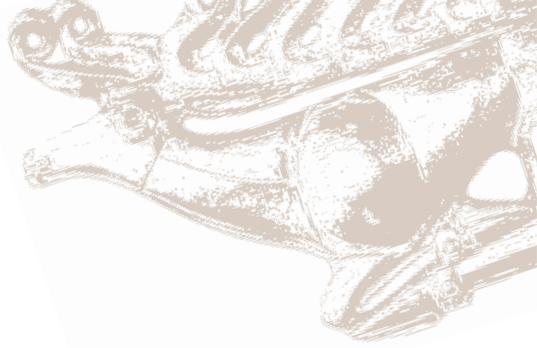
Article info

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 20.05.2026; published 20.06.2026.

PHILOSOPHY OF THE EAST ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

■ Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture
Философская антропология,
философия культуры

PHILOSOPHY OF THE EAST
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА
Философская антропология, философия культуры

Научная статья

Философские науки

УДК 141.336:294.5

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-396-412>

**Идея карма-йоги в контексте реформирования
института санньясы (на основе бесед Свами
Вивекананды с учениками)**

Любовь Евгеньевна Жукова

*Русской христианской гуманитарной академии (РХГА) им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия,
zhukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7643>*

Аннотация. На основе анализа записей бесед Свами Вивекананды с его учениками и последователями в статье выполнена реконструкция идейного обоснования мыслителем необходимости реформирования индуистской санньясы. Тексты бесед датируются периодом, в который Вивекананда создает общественно-религиозную организацию «Миссия Рамакришны» и монастырь (*матх*) с новой формой монашеской жизни. Полемический характер бесед указывает на поиск мыслителем наиболее приемлемого для санньясинов способа достижения их основной цели — богопознания. Среди трех путей богопознания — джняна-, карма- и бхакти-йоги — Вивекананда выделяет путь карма-йоги. Путь карма-йоги обретает особую значимость в связи с важностью для мыслителя коллективного освобождения, осуществить которое способны только санньясины. Преодолевая неприятие своих идей со стороны учеников и представителей традиционного индийского общества, Вивекананда вводит в созданном им монастыре деятельность по бескорыстному служению обществу как содержание практики карма-йоги и основную духовную практику санньясинов. Герменевтический анализ текстов бесед мыслителя выявляет обоснование им значимости пути бескорыстного служения необходимостью нравственной составляющей процесса богопознания. Адекватность вводимых Вивеканандой нововведений для санньясинов подтверждается широким распространением благотворительной деятельности в современных монашеских движениях Индии.

Ключевые слова: богопознание, духовная практика, санньяса, Свами Вивекананда, Рамакришна Парамахамса, индийская философия, Бенгальское Возрождение, веданта

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Жукова Л. Е. Идея карма-йоги в контексте реформирования института санньясы (на основе бесед Свами Вивекананды с учениками). *Ориенталистика*. 2026;9(2):396–412. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-396-412>.

Original article

Philosophy studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-396-412>

The Concept of Karma-Yoga in the Context of Reforming the Institution of Sannyasa (Based on Swami Vivekananda's Conversations with His Disciples)

Lyubov E. Zhukowa

Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia,
zhukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7643>

Abstract. The article offers a reconstruction of the ideological rationale for the need to reform Hindu Sannyasa based upon the analysis of recordings of Swami Vivekananda's conversations with his disciples and followers. The recorded texts of the conversations date back to the time when Vivekananda created the social and religious organisation called "Ramakrishna Mission" and the math (monastery) where he introduced a new form of monastic life. The polemics as reflected in the conversations point to the thinker's search for the most acceptable way for Sannyasins in order to achieve the knowledge of God. Among the three paths of gaining knowledge about God, the *jnana*, *karma*, and *bhakti-yoga*, Vivekananda distinguishes the path of *karma-yoga*. The path of *karma-yoga* is of special significance. This is because the thinker stresses the idea of collective liberation, which only sannyasins can achieve. While overcoming the opposition of his ideas by students and representatives of traditional Indian society, Vivekananda introduced selfless service to society in his monastery as the content of the *karma-yoga* and the main spiritual practice of sannyasins. The hermeneutic analysis of the texts of the thinker's conversations reveal his justification of the importance of the path of selfless service by the need for a moral component of the process of knowledge of God. The adequacy of the innovations introduced by Vivekananda for Sannyasins is confirmed by the widespread charitable activities in modern Indian monastic movements.

Keywords: knowledge of God, spiritual practice, sannyasa, Swami Vivekananda, Ramakrishna Paramahansa, Indian philosophy, Bengali Renaissance, vedanta

For citation: Zhukowa L. E. The Concept of Karma-Yoga in the Context of Reforming the Institution of Sannyasa (Based on Swami Vivekananda's Conversations with His Disciples). *Orientalistica*. 2026;9(2):396–412. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-396-412>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Постановка проблемы

Религиозно-философское наследие одного из самых известных общественных реформаторов эпохи Бенгальского Возрождения Свами Вивекананды (1863–1902) до настоящего времени не теряет своей значимости для исследователей. В разные годы отечественные и зарубежные ученые обращались и к его философской системе в целом, и к отдельным направлениям его мысли, к примеру, социальным, политическим либо религиозным взглядам. Так, целостной реконструкции религиозно-философского учения Вивекананды посвящены труды В. С. Костюченко, Р. Джхани, Н. Сила [Костюченко, 1977; Jhanji, 2007; Sil, 1997], тогда как конкретные аспекты учения раскрываются в работах Т. Г. Скороходовой, Р. Б. Рыбакова, О. В. Мезенцевой, К. Байера, Б. Датты, Н. Захира [Скороходова, 2020, с. 14–35; Рыбаков, 1981, с. 90–102; Мезенцева, 2003, с. 123–150; Baier, 2019; Datta, 1954; Zaheer, 2017, р. 1–21]. При этом наибольшую популярность в исследованиях получили западные лекции Вивекананды, посвященные философии веданты и неоднократно издававшиеся в разных странах мира, а также цикл выступлений мыслителя перед индийской аудиторией после его возвращения на родину в 1897 г. из США и Европы. Однако не меньший интерес представляют малоизвестные записи его бесед с учениками и последователями, созданные с 1897 по 1902 г., в том числе в период проживания индийского мыслителя в созданном им монастыре, и опубликованные в собрании его сочинений под названием «Беседы и диалоги» (“Conversations and Dialogues”).

Беглое знакомство с записями «Бесед» Вивекананды побуждает считать их продолжением цикла лекций, прочитанных в 1897 г. перед соотечественниками, поскольку в них снова поднимаются вопросы религиозных, социальных, культурных, философских аспектов жизни индийцев, идеи национального пробуждения Индии. Однако более глубокое изучение указанных текстов свидетельствует о ряде их уникальных характеристик. Так, в «Беседах» часто звучат темы обретения освобождения, особенностей аскетических практик, различий между разными видами йоги. Активно обсуждается организация жизненного уклада санньясинов в созданном мыслителем монастыре. Представленные в виде диалогов, записи ответов Вивекананды отражают наиболее актуальные для его посетителей вопросы, а наличие возражений в этих записях вскрывает явные противоречия во взглядах мыслителя, которые не всегда обнаруживаются при изучении его выступлений. Все эти характеристики «Бесед» позволяют отнести их к самостоятельному и ценному источнику для исследования взглядов Вивекананды.

Отдельные фрагменты «Бесед» упоминаются в работах исследователей в качестве иллюстраций различных аспектов учения Вивекананды [Рыбаков, 1981, с. 100–101; Мезенцева, 2003, с. 133; Baier, 2019, р. 250], но должного внимания со стороны ученых им не уделялось. В частности, эти тексты не рассматриваются как важный источник идейного фундамента реформаторской деятельности мыслителя в отношении индуистской санньясы. Актуальность указанной темы обусловлена задачей поиска истоков теоретических предпосылок современных преобразований монашеских форм жизни в Индии, которые не только стали «визитной карточкой» индийского обще-

ства, но и отличаются большим разнообразием и уникальностью, а также продолжают расширять спектр духовных практик санньясинов. В данной статье предпринята попытка решить эту задачу на основе изучения содержания «Бесед» на предмет обоснования Вивеканандой необходимости преобразования института санньясы.

Санньяса как единственная возможность богопознания

Обсуждение различных аспектов санньясы проходит красной нитью через все содержание «Бесед» Вивекананды. Большинство этих диалогов ведется на территории основанного Вивеканандой монастыря, где посетители, становясь свидетелями жизни санньясинов, невольно задаются вопросами о целях и особенностях жизненного уклада последних. Тема санньясы является ключевой и для самого мыслителя, принявшего обет отречения от мира в 1886 г. сразу после смерти своего наставника Рамакришны Парамахамсы (1836–1886) во многом под влиянием его учения. Знакомство с западным обществом приводит Вивекананду к осознанию правильности своего пути. Мыслитель расширяет свои представления о сущности санньясы, по сравнению с идеями Рамакришны. «Истинная цель санньясы — это достижение высшей свободы человека и блага всего мира» [Vivekananda, 1947–1964, vol. VI, p. 504], — говорит Вивекананда в диалоге 1897 г., еще до создания монастыря показывая, что его замыслы не ограничиваются освобождением лишь узкого круга последователей. Хотя со времен Раммохана Рая (1772–1833) в Индии предпринимались попытки создать и обосновать новую форму санньясы, которая сочетала бы духовные и мирские стороны жизни [Baier, 2019, p. 233], Вивекананда задается целью реализовать эту форму на практике.

О двух основных условиях принятия санньясы — отказе от обладания собственностью и обете безбрачия — Вивекананда говорит в одном из выступлений из цикла «Лекций от Коломбо до Алморе» (“Lectures from Colombo to Almora”, 1897): «Как только вы перестанете нуждаться в деньгах и откажетесь иметь детей, вы сможете стать совершенно свободными. Таких людей называют санньясинами» [Vivekananda, 1947–1964, vol. III, p. 516–517]. В «Беседах» эти условия уже не упоминаются как необходимые, однако подробно обсуждается сущность санньясы. Вивекананда категорически утверждает, что без принятия санньясы постижение Брахмана невозможно. Готовящимся принять обет отречения от мирской жизни он заявляет: «Не слушайте тех, кто говорит: “Мы будем жить мирской жизнью и постигать Брахмана”» [Vivekananda, vol. VI, p. 504]. Мыслитель совершенно не приемлет идею о сочетании *бхоги* (удовольствия) и *т্যাги* (отречения), называя ее «бредом сумасшедших» и «пустыми теориями», противоречащими Ведам. Мирская жизнь, по его словам, свидетельствует о привязанностях человека к богатству, похоти, славе, положению, учености, что делает невозможным истинное освобождение. Допуская участие санньясинов в мирской жизни тех, кто нуждается в помощи, Вивекананда сохраняет традиционное представление о необходимости ограничений в образе жизни самих санньясинов.

Среди посетителей Вивекананды появляется много мирских людей, поэтому в «Беседах» неизбежно возникают вопросы об их освобождении. Для них мыслитель указывает на тот же путь, что и для санньясинов — путь отречения, но в будущих рождениях. Вивекананда признает, что даже принявшим обет санньясы сложно достигнуть полного освобождения, однако не принимающие этот обет не имеют никакой возможности двигаться к освобождению, «подобно лодочникам, работающим веслами в стоящей на якоре лодке» [Vivekananda, vol. V, p. 397]. Мыслитель упоминает о введенных им ограничениях для санньясинов своего монастыря на общение с мирскими людьми [Vivekananda, vol. VII, p. 184], тем самым обозначая глубокую границу между последними и отречшимися от мира.

О важности роли института санньясы в деле улучшения благосостояния Индии Вивекананда говорит, отвечая на заявление его собеседника о праздности странствующих монахов, что якобы тормозит материальный прогресс страны. Ссылаясь на опыт западных поездок, мыслитель убежден, что материальное процветание его родины возможно лишь при наличии в ее людях *гуны раджаса* (качества деятельности). «Путешествуя по Индии, я нигде не нашел проявления раджаса. Только тамас (качество бездействия)!» [Vivekananda, vol. VI, p. 510], — заявляет он. Вивекананда разделяет подробно разработанную в санхье теорию трех гун, в своих работах уделяя наибольшее внимание *гуне раджаса*. Так, еще в западном цикле лекций «Вдохновенные беседы» (“Inspired Talks”, 1895) он трактует *раджас* как человеческое (humanity) состояние, *тамас* — животное (brutality), а *самтву* — божественное (divinity) [Vivekananda, vol. VII, p. 94]. Полноценными членами человеческого общества, по его мнению, можно считать только тех людей, в чьей природе преобладает *гуна раджаса*. В Индии же *гуной раджаса* обладают только санньясины, дающие «бесценные» наставления мирским людям, а также воплощающие высокие идеалы в жизнь, тем самым вдохновляя общество на деятельность. Вивекананда подчеркивает активность своих последователей-санньясинов в решении социальных проблем общества [Vivekananda, vol. VII, p. 169], противопоставляя ее инертности мирских людей. Ядром этой активности он считает принятие обета санньясы. Стоит заметить, что мыслитель ведет речь не о привычных для индийского общества странствующих санньясинах, а о монахах организованного монастыря.

О значимости санньясы красноречиво свидетельствует и провозглашаемая Вивеканандой «единственная цель всех живых существ» — познание Брахмана. Стремление к познанию Брахмана, по словам мыслителя, не может возникнуть у того, кто желает богатства, славы и радостей семейной жизни [Vivekananda, vol. VII, p. 193]. Таким образом, обет отречения становится в рассуждениях Вивекананды необходимой отправной точкой на пути к реализации своего жизненного предназначения. Только санньясины, по словам мыслителя, были способны к усвоению идей таких великих личностей, как Шанкара, Рамануджа, Шри Чайтанья и Будда. Более того, Вивекананда утверждает, что «все ученики Иисуса были санньясинами» [Vivekananda, vol. VII, p. 261], тем самым стирая границы между монашескими традициями глубоко

различных культур. Мыслитель продолжает проповедь своего наставника о возможности идти разными путями богопознания.

Джняна-йога — высший путь богопознания

Говоря о выборе пути к осознанию Брахмана, в «Беседах» Вивекананда выделяет тех верующих, которые почитают Личного Бога, и утверждает, что они должны выполнять духовные практики, придерживаясь именно такого представления о Боге [Vivekananda, 1947–1964, vol. VII, p. 192]. Указанное выделение верующих не случайно, поскольку в учении Вивекананды почитание Личного Бога выступает более низкой ступенью духовного развития индивида по сравнению с верой в Безличный Абсолют. Мыслитель осознает, что к верующим в Личного Бога принадлежат не только представители западного общества, но и индийцы, о чем упоминает в выступлении из цикла «Лекции от Коломбо до Алморе», утверждая, что верующие в Индии могут разделять как «самые благородные идеи Личного Бога», так и «рациональные идеи Безличного Бога» [Vivekananda, vol. III, p. 162]. Поэтому путь осознания безличного Брахмана, или путь джняна-йоги, о котором Вивекананда ведет речь в «Беседах», изначально ограничен представлениями о Боге, и следовательно, приемлем лишь для узкого круга индивидов.

«Учитель, сейчас вы превозносите джняну, но иногда говорите о превосходстве бхакти, иногда — кармы, а иногда — йоги» [Vivekananda, vol. VII, p. 197], — говорит Вивекананде один из учеников, указывая на четыре обсуждаемых мыслителем пути к осознанию Брахмана. На самом деле, в «Беседах» Вивекананда ведет речь о трех путях — джняны (знания), кармы (действия) и бхакти (любви), так как, по справедливому замечанию В. С. Костюченко, путь джняны тесно связан у мыслителя с путем йоги, или раджа-йоги, и все пути образуют единый комплекс [Костюченко, 1977, с. 119]. Отмеченное же В. С. Костюченко признание Вивеканандой правомерности всех трех путей весьма не характерно для содержания «Бесед», где на первый план индийский мыслитель выводит либо джняна-йогу, либо карма-йогу.

Раскрывая адвайтистскую идею о сокрытости истинной природы человека под иллюзорными покровами окружающего мира, Вивекананда говорит о способе устранения этих покровов: «С помощью медитации, сосредоточения и силы философского различения погрузите свой ум в Океан Сат-Чит-Ананда (Существования-Знания-Блаженства)» [Vivekananda, 1947–1964, vol. VII, p. 195]. Этот способ, очевидно, сочетает методы раджа- и джняна-йоги, но Вивекананда говорит о нем как о джняна-йоге. В этом же диалоге свою мысль о богопознании он дополняет тем, что в познании Брахмана нет и намека на какое-либо отношение к работе. Добрые дела, по словам мыслителя, могут только очистить ум. В подтверждение превосходства пути джняна-йоги Вивекананда ссылается на основоположника адвайта-веданты: «Вот почему Шанкара резко критиковал учение о сочетании джняны и кармы» [Vivekananda, vol. VII, p. 198]. И сразу же, противореча своим словам, мыслитель говорит о том, что некоторые способны достигнуть познания Брахмана с помощью бескорыстной работы. По всей вероятности, целью такой оговорки служит оправдание деятельности санньясинов на благо индийского

общества. Утверждая превосходство пути джняна-йоги, Вивекананда отказывается признать ущербность пути карма-йоги.

Совершенно иным представляется отношение Вивекананды к пути бхакти-йоги. По его словам, в сравнении с джняна-йогой, путь бхакти — «это медленный процесс, но его легко практиковать» [Vivekananda, vol. VII, p. 198]. Несмотря на видимые попытки примирить пути джняна- и бхакти-йоги, неприязнь Вивекананды к последней не вызывает сомнения. Так, мыслитель указывал на свою тесную духовную связь с наставником Рамакришной, практиковавшим бхакти-йогу: «Он был весь бхакти снаружи, весь джнани внутри. Я же — совершенная противоположность» [Роллан, 2007, с. 778]. Признавая тем самым, что путь бхакти не чужд и ему самому, в «Беседах» Вивекананда говорит о бхакти-йоге как неприемлемом для себя пути. К примеру, в диалоге 1989 г. о последователях проповедника бхакти-йоги Шри Чайтаньи мыслитель резко их критикует, считая, что из-за проповеди Чайтаньи индийская «нация стала женоподобной», а Бенгалия «утратила всякое представление о мужественности» [Vivekananda, 1947–1964, vol. V, p. 345]. При этом Вивекананда стремится к согласованию бхакти и джняны, ссылаясь на идею Рамакришны о совпадении «чистой любви» и «чистого знания». Мыслитель утверждает, что различие между практикующими эти пути находится на предварительной стадии единства с Брахманом, когда «один видит Бога снаружи, а другой — изнутри» [Vivekananda, vol. V, p. 336]. В данном утверждении попытка к примирению двух путей выглядит как подчинение джняна-йоге пути бхакти.

Таким образом, в «Беседах» выделяются два конкурирующих пути — джняна- и карма-йоги, на что указывают и неоднократно задаваемые Вивекананде вопросы о противоречии этих путей. «Вы только что сказали, что знание и труд противоречат друг другу. <...> На днях же вы говорили мне: “Работай, работай, работай — другого пути нет”» [Vivekananda, vol. VII, p. 181], — говорит ему один из учеников. В ответ на это Вивекананда напоминает ученику о «тамасичном» индийском обществе, не способном воспринимать истины о познании Брахмана. «Бросьте свои Священные Писания в Гангу и сначала научите людей добывать пищу и одежду» [Vivekananda, vol. VII, p. 183], — заявляет мыслитель ученику. Тем самым он указывает, что джняна-йога как недоступный для большинства путь должна уступить место карма-йоге.

Карма-йога vs джняна-йога

Подобно сравнению путей джняна-йоги с бхакти-йогой, Вивекананда оценивает степени значимости карма- и бхакти-йоги. Так, в диалоге, происходящем сразу после выхода первого номера основанного Вивеканандой журнала «Удбодхан» (“Udbodhan”), мыслитель поощряет активные действия редактора журнала, свами Тригунатитананды, оставившем свои духовные практики и медитацию, чтобы полностью посвятить себя работе. Однако собеседник Вивекананды недоумевает по поводу несвойственной для санньясина деятельности по распространению номеров журнала: «Нам кажется странным, что санньясины в оранжевых одеяниях ходят от двери к двери» [Vivekananda,

vol. VII, p. 168]. Чтобы оправдать поведение Тригунатитананды, Вивекананда указывает на бескорыстность его работы, а также ее высокую цель — процветание индийского общества. «Неужели вы считаете, что бескорыстная работа хоть в чем-то уступает практике преданного служения?», — спрашивает мыслитель, сравнивая пути карма- и бхакти-йоги. Бесполезность последней он подчеркивает фразой о том, что последователи Рамакришны рождены не для того, чтобы только сидеть под деревьями и разжигать жертвенные костры. Тем самым мыслитель ставит под сомнение практическую ценность индуистской обрядности, что было свойственно и другим деятелям Бенгальского Возрождения, но не встречало понимания в обществе.

Примечателен диалог, в котором Вивекананда отстаивает значимость пути карма-йоги, отступая от идеи Священных Писаний индуизма об осознании Брахмана только в состоянии самадхи [Vivekananda, vol. VII, p. 111–113]. Бескорыстный характер карма-йоги позволяет Вивекананде объявить ее одной из разновидностей аскетических практик (*tapasya*). Труд на благо других, по словам мыслителя, пробуждает альтруизм в практикующем, ведет к отказу от эго, осознанию своей бестелесности и «очищению сердца». Забота о благополучии других дает понимание, что свое «Я» пронизывает все сущее, поэтому карма-йога есть полноценный путь богопознания. Собеседник Вивекананды возражает: «Если я постоянно буду думать о других, когда же я смогу размышлять об Атмане? Как я смогу осознать Атмана?» Вивекананда отвечает, что бескорыстное служение другим само по себе приведет к осознанию всех существ как единого «Я», а это и есть осознание Атмана.

Однако собеседник справедливо указывает на упоминаемое в Священных Писаниях осознание Брахмана в состоянии самадхи, достижимое через прекращение «всех функций ума», а следовательно, и всей работы [Vivekananda, vol. VII, p. 112]. Мыслитель вынужден согласиться, что состояние самадхи требует отказа от любых действий. Но достигший самадхи все равно будет вынужден совершать работу, причем его работа неизбежно посвящена другим. Тем самым Вивекананда невольно признает первичность джняна-йоги по отношению к карма-йоге, обретающей свой истинный характер только после осознания Брахмана. Его собеседник замечает в рассуждении ущербность карма-йоги: «Значит, до достижения состояния *дживанмукти* (освобожденного при жизни), работа на благо других не может быть истинной?». Не желая сдаваться, Вивекананда возражает: «Да, но Шастры говорят и то, что работа на благо других может привести к состоянию *дживанмукти*, иначе в них не было бы указания на отдельный путь религиозной практики — карма-йоги» [Vivekananda, vol. VII, p. 113]. Зная, что Священные Писания явно указывают на осознание Брахмана только в состоянии самадхи, мыслитель называет карма-йогу «отдельным путем религиозной практики» лишь на основании упоминаний карма-йоги в текстах индуизма и собственных убеждений о результатах служения людям.

В приведенном диалоге Вивекананда не обращается к Священным Писаниям, но другие фрагменты «Бесед» содержат неоднократные отсылки мыслителя к поэме «Бхагавадгита» (далее — БхГ), в которых упоминается о карма-йоге. Так, в одном из диалогов он утверждает, что именно «в Гите была

изложена философия работы без мотива» [Vivekananda, vol. VII, p. 179]. При этом Вивекананда отмечает, что целью данного положения БхГ было опровержение доктрины пурва-мимансы о работе, мотив которой приводит к результатам. Интересно, что в другой своей статье «Восток и Запад» (“The East and The West”, 1899) для обоснования своего призыва к активным действиям он обращается к авторитету основоположника мимансы Джаймини и упоминает фрагмент миманса-сутры 1.1.25 [Vivekananda, vol. V, p. 449], где указывается, что части вед, не предписывающие обязательность выполнения действий, ведами не являются. В «Беседах» мыслитель не отрицает идею необходимости действий, но делает акцент на их бескорыстном характере. Вивекананда рассуждает «от противного»: «Если бы Атман был непосредственно осознан в результате этих действий, то Священные Писания не предписывали бы отказаться от результатов действий» [Vivekananda, vol. VII, p. 179]. Стоит отметить, что тексты «Бесед», в отличие от статьи, полемичны, что вынуждает Вивекананду согласовывать положения различных философских школ, поэтому БхГ выступает в его рассуждениях неким «арбитром», авторитетность которого во много определяется его широкой известностью.

В самом деле, Вивекананда одним из первых деятелей эпохи Бенгальского Возрождения обращается к БхГ. Как справедливо замечает В. С. Костюченко, эта поэма никогда не носила эзотерического характера, ее образы стали всеобщим культурным достоянием [Костюченко, 1983, с. 167], поэтому апелляция к ее идеям была доходчива и понятна миллионам индийцев. Вивекананда использует известные афоризмы БхГ, в том числе — для утверждения гуманистических положений своего учения. К примеру, призывая своего последователя к работе на благо общества, он напоминает фрагмент стиха VI.40, где говорится: «Ведь никто не приходит к дурному концу, кто творит здесь добро, моя радость» [Бхагавадгита, 1999, с. 43]. Вивекананда цитирует: «Никогда, сын мой, тот, кто творит добро, не попадает в беду» [Vivekananda, 1947–1964, vol. VII, p. 161], вполне уместно приводя этот фрагмент для иллюстрации своих убеждений. В другом разговоре с готовящимися принять обет санньясы Вивекананда обращается к фрагменту стиха 18.2, в котором говорится: «В прекращении действий страстных отрешенность видят провидцы» [Бхагавадгита, 1999, с. 87]. Мыслитель излагает этот фрагмент следующим образом: «Мудрецы знают, что санньяса — это отказ от всякой работы, которая имеет целью ее завершение» [Vivekananda, 1947–1964, vol. VI, p. 505], тем самым делая акцент на важности отречения от результатов работы для достижения освобождения.

Возражения оппонентов мыслителя явно свидетельствуют о новаторском характере идей Вивекананды в отношении важности выполнения санньясинами бескорыстных действий на благо других. Так, в одном из разговоров собеседник высказывает сомнения в пользе неустанной бескорыстной работы: «Говорят, что, согласно Гите, работа означает совершение ведических жертвоприношений и религиозных действий, другая работа бесполезна» [Vivekananda, vol. VII, p. 274]. В ответ Вивекананда не теряется, а вполне убедительно утверждает, что идею работы стоит считать более всеобъемлющей. Мыслитель не выступает против совершения индуистских ритуалов,

напротив, во многих из них он сам принимает участие. Однако он призывает последователей взять ответственность за свои действия, «очистить работой свой ум», чтобы получить способность различать благие и дурные поступки, видеть «благодать Бога» и обрести веру [Vivekananda, vol. VII, p. 276], не ссылаясь при этом на Бога как причину всех своих поступков.

В целях обоснования значимости карма-йоги, Вивекананда пытается согласовать карма- и джняна-йогу и в утверждении Шанкары о непримиримости этих путей. В одной из бесед на возражение ученика о том, что Шанкара отрицал смешение карма- и джняна-йоги, по причине чего карма-йога не может способствовать познанию Брахмана [Vivekananda, vol. VII, p. 221–222], Вивекананда обращается к учению Шанкары о трех уровнях существования [Радхакришнан, 1993, с. 466]. Согласно этому учению, низший уровень существования (*пратибхасика*) — иллюзорный, более высокий уровень (*вьявахарика*) соответствует нашему эмпирическому миру, а истинная реальность (*парамартхика*) есть сам Брахман. Вивекананда заявляет, что любые действия являются результатом заблуждения только с точки зрения уровня парамартхики, тогда как в эмпирическом мире человек вынужден совершать какие-либо действия. Поэтому в сфере относительного сознания, соответствующей эмпирическому миру, действия могут быть полезны, если они способствуют проявлению знания о Брахмане. К таким действиям и относится бескорыстная работа на благо общества.

Хотя Вивекананда в целом разделяет учение Шанкары о трех уровнях существования, в одном из писем 1893 г. своему последователю Аласинге Перумалу (1865–1909) он отзывывается об этом учении крайне негативно. Мыслитель считает, что одной из причин бедственного положения индийского общества является чересчур запутанное знание об условиях действий индивида: «Виновата не религия, а фарисеи и саддукеи в индуизме, лицемеры, которые изобретают всевозможные механизмы тирании в форме доктрин парамартхики и вьявахарики» [Vivekananda, 1947–1964, vol. V, p. 15]. Идея иерархии уровней существования представляется Вивеканандой тормозом на пути процветания индийского народа, препятствующим развитию в людях стремления к активной деятельности, присущей человеческой природе. Позднее в «Беседах» мыслитель отстаивает эту точку зрения.

Поскольку «Беседы» отражают основные идеи наставлений Вивекананды своим последователям, то именно в их текстах наиболее часто и выразительно звучит призыв мыслителя к коллективному, а не индивидуальному освобождению. «Какая польза в духовной практике или самореализации, если они не несут блага другим, не способствуют благополучию тех, кто погряз в невежестве и заблуждении?» [Vivekananda, vol. VII, p. 235], — говорит Вивекананда одному из учеников. По его словам, индивидуальное освобождение невозможно, пока хотя бы одна душа пребывает в оковах неведения. Разделяя ведантистское представление о Брахмане как абсолютном основании бытия, а о человеческой душе (*дживе*) как духовном аспекте Брахмана, мыслитель онтологически обосновывает нравственность через идею о субстанциональном единстве всех живых существ. По меткому выражению О. В. Мезенцевой, Вивекананда «переводит христианскую максиму

“любви ближнего своего как самого себя” на язык индийской философии» [Мезенцева, 2003, с. 140]. «Каждая джива — это часть вас самих» [Vivekananda, vol. VII, p. 235], — заявляет Вивекананда, разъясняя этим смысл работы на благо других. Идея коллективного освобождения могла быть воспринята мыслителем из буддизма либо индуистского учения о воплощении аватаров божеств для спасения людей, однако она легко опровергается с точки зрения веданты.

Ученик Вивекананды возражает, что корнем зависимости для индивидуальной души является представление ею о себе как отдельном существе, тогда как в ходе духовных практик, приводящих к осознанию, это заблуждение исчезает. «Тот, для кого идея дживы есть реальность, может думать, что без освобождения всего сущего он не достигнет освобождения» [Vivekananda, vol. VII, p. 236], — говорит ученик, тем самым ставя под сомнение призыв Вивекананды к работе на благо общества. Мыслитель вынужден согласиться с возражением, признавая, что большинство последователей веданты придерживаются этой точки зрения. Однако он выводит логику веданты на второй план, отдавая предпочтение нравственным соображениям: «Но только подумайте о величии сердца того, кто стремится привести всю вселенную к освобождению!». По словам Б. Датты, Вивекананда меняет ход индуистской религиозной мысли, делая ее прогрессивной [Datta, 1954, p. 215], при этом он не отвергает авторитет Священных Писаний, но и не призывает к бездумному следованию им. Только самостоятельное осмысление человеком важности соответствия идей Священных Писаний условиям гармоничного устройства общества и миропорядка способствует выражению его человеческой сущности. Задачу коллективного освобождения, по мнению мыслителя, способны осуществить только санньясины.

Карма-йога как способ реформации санньясы

В одной из «Бесед» 1897 г. Вивекананда часто говорит о своих планах по созданию монастыря. Обращаясь к тем, кто готовится принять обет отречения, мыслитель выдвигает идеал санньясина: «Истинные санньясины отказываются от своего освобождения и живут для того, чтобы приносить добро миру» [Vivekananda, 1947–1964, vol. VI, p. 511]. По утверждению Вивекананды, институт санньясы в Индии сохраняет жизнеспособность только благодаря таким самоотверженным личностям. Одной из них мыслитель называет своего наставника Рамакришну Парамахамсу, который якобы оставил после себя высокий идеал всеобщего освобождения.

Ответственность за претворение этого идеала в жизнь Вивекананда планирует возложить на «санньясинов нового типа» [Vivekananda, vol. VI, p. 464]. Мыслитель подчеркивает, что достижение прогресса для индийского общества невозможно без придания новых форм старым методам и обычаям санньясы. Новизна устройства санньясы должна заключаться в разумном заимствовании западных достижений: «Нам нужны западная наука в сочетании с ведантой, брахмачарья (обет безбрачия) в качестве руководящей установки, а также шраддха (вера) и уверенность в себе» [Vivekananda, vol. V, p. 366]. Изучив в ходе зарубежных поездок преимущества западной цивилизации, Вивекананда критикует традиционных для Индии «санньясинов древно-

сти», которые ограничиваются пребыванием в медитации на горных вершинах. Современные санньясины, по представлению мыслителя, не только медитируют, но и читают просветительские лекции, «одетые как джентльмены» [Vivekananda, vol. VII, p. 185]. Кроме того, для них не зазорна и помощь нищим, голодающим и больным.

Несмотря на очевидную абстрактность идеала всеобщего освобождения, Вивекананда выстраивает вполне конкретные условия его реализации, включающие не только индивидуальное осмысление и принятие идеала, но и социальные факторы. Последние должны обязательно включать создание материальных условий для жизни людей. Так, еще в выступлении из «Лекций от Коломбо до Алморе» Вивекананда обозначает основные «даяния» (gifts), необходимые для возрождения индийской нации, включающие распространение духовного знания, светское просвещение, спасение человеческих жизней и раздачу пищи нуждающимся [Vivekananda, vol. III, p. 168]. Примечательно, что в этом выступлении на первых местах стоят духовное и светское просвещение народа, тогда как в более поздних «Беседах» акцент смещается на борьбу с голодом.

В диалоге, происходящем на месте постройки будущего монастыря сразу после выкупа участка земли под него, Вивекананда делится с учеником своими планами по организации деятельности санньясинов. По его расчетам, монастырь должен содержать три отделения, в одном из которых будет раздаваться пища, в другом — вести светское просвещение, а в третьем — распространяться духовное знание [Vivekananda, vol. VII, p. 159–160]. При этом распространение духовного знания мыслитель называет важнейшей из функций монастыря. У ученика возникает справедливый вопрос: «Если духовное просвещение является самым важным, зачем тогда создавать два других отделения?». Примечательно, что ответ Вивекананды относится только к отделению с функцией борьбы с голодом. Он называет сразу два преимущества такой деятельности для санньясинов: во-первых, работа на благо других, т. е. практика карма-йоги, проявит в них качество саттвы и тем самым приблизит к цели богопознания; во-вторых, раздача пищи нуждающимся вызовет сочувствие у мирских людей, которые придут на помощь монастырю. Именно борьба с голодом способна привлечь к помощи «в тысячу раз больше людей, чем просветительская деятельность» [Vivekananda, vol. VII, p. 160] и пробудить в людях стремление к знаниям и духовности, поэтому Вивекананда отдает ей приоритетное место среди других функций. Стоит отметить, что мыслитель располагает значимость направлений деятельности монастыря в порядке удовлетворения потребностей, известном в наши дни из теории мотивации А. Маслоу.

Поскольку учеников Вивекананды беспокоит прежде всего собственное богопознание, мыслитель пытается убедить их, что бескорыстная раздача пищи нуждающимся составляет сущность практики карма-йоги, способной привести учеников к основной цели через разрушение своих эгоистичных желаний. При этом он не считает такую деятельность лишенной мотивации, разделяя работу, выполняемую для себя, и работу, приносящую благо другим людям [Vivekananda, vol. VII, p. 180]. Процесс богопознания наделяется

Вивеканандой этическим содержанием. Итогом практики карма-йоги должен быть, прежде всего, практический результат по обеспечению всех голодающих пищей: «Рисовая каша (rice-gruel) должна стекать в Ганг и отбеливать его воду!» [Vivekananda, vol. VII, p. 161]. Мысля вразрез с индуистскими представлениями о санньясе, Вивекананда пытается связать созерцательную и практическую духовность. Он признает, что адвайта Шанкары предназначалась для аскетов-отшельников, и заявляет, что его задача состоит в широком распространении адвайты в повседневном мире. Мыслитель неизбежно встречает сопротивление учеников, один из которых возражает: «Мне больше нравится осознавать состояние (освобождения. — Л. Ж.) посредством медитации, чем проявлять его в действии» [Vivekananda, vol. VII, p. 163]. В ответ на это возражение Вивекананда весьма категорично утверждает, что это состояние «оцепенения» сравнимо с нахождением под воздействием алкоголя и совершенно бессмысленно, так как не приносит пользы другим. По существу, он обесценивает личное освобождение на фоне освобождения всеобщего.

Категоричные и порою запальчивые ответы Вивекананды на возражения учеников объясняются тем, что он вынужден решать сразу две задачи. Мыслитель должен, во-первых, убедить своих последователей в необходимости трудиться в миру и жить на благо общества, а во-вторых, доказать самому обществу состоятельность новой, непривычной для индийского сознания формы санньясы. Вивекананда предлагает нововведения в деятельности санньясинов, ссылаясь на волю своего наставника Рамакришны. Однако ученики, которые лично знали Рамакришну и его образ жизни, сомневаются в следовании их лидера воле Рамакришны. Так, в одной из «Бесед» 1897 г. ближайший ученик самого Рамакришны Свами Йогананда (1861–1899), назначенный позднее вице-президентом созданной Вивеканандой общественно-религиозной организации «Миссия Рамакришны», высказывает свои сомнения: «Ты действуешь западными методами. Разве Шри Рамакришна оставил нам подобные наставления?» [Vivekananda, vol. VI, p. 477–478]. В ответ Вивекананда указывает на широту взглядов Рамакришны, которая непостижима для тех, кто склонен ограничивать его взгляды рамками собственных представлений. «Я разрушу эти ограничения и распространю по миру его безграничное вдохновение» [Vivekananda, vol. VI, p. 478], — заявляет мыслитель.

В самом деле, немногочисленные записи разговоров Рамакришны с его учениками свидетельствуют о расхождении его идей с идеями Вивекананды. Рамакришна видит богопознание первостепенным этапом по сравнению с работой на благо общества. Так, он говорит представителям религиозного общества «Брахмо самадж»: «Кто такие вы, чтобы делать добро миру? Сначала практикуйте религиозные упражнения и познайте Бога» [Провозвестие..., 2019, с. 115]. По мнению Рамакришны, мыслящему в русле традиции, помощь другим людям должна совершаться только после того, как Бог наделит индивида силой (*шакти*). Обращаясь к лидеру «Брахмо самадж» Кешобчондро Сену (1838–1884), бенгальский проповедник ставит под сомнение и результаты социальных реформ Сена. «Вы говорите о соци-

альных реформах! Но вы можете делать это после того, как почувствуете Бога» [*Провозвестие...*, 2019, с. 118], — заявляет он Сену, советуя предварительно «очищать свое сердце» и избавляться от привязанности к миру. Рамакришна убежден, что для познания Брахмана лучше следовать пути бхакти-йоги, поскольку в их «материалистический век» практиковать карма-йогу особенно сложно. Вивекананда, напротив, отдает приоритет карма-йоге как наиболее эффективному пути к Богу, тогда как бхакти-йогу, которая легка в практике, он считает длительным путем, требующим сочетания с другими путями. Именно карма-йога, по мнению мыслителя, лежит в основе всеобщего освобождения, по сравнению с которым личное освобождение уходит на второй план, что идет вразрез с наставлениями Рамакришны.

Стоит учесть, что мысль о значимости работы на благо других звучит в беседах Вивекананды и проповедях его наставника одинаково выразительно. Так, среди действий, способствующих созерцанию Бога, Рамакришна называет милосердные дела и самопожертвование, способные удалить «с человеческой души тину невежества» [*Провозвестие...*, 2019, с. 57–58]. Более того, в разговоре с известным ученым и филантропом Ишваром Чандром Видьясагаром (1820–1891) он активно поощряет благотворительную деятельность последнего: «Вы уже стали сиддхой — приблизившимся к совершенству» [*Провозвестие...*, 2019, с. 72]. Рамакришна делает акцент на бескорыстном выполнении дел, свойственном, по его мнению, Видьясагару, при этом совершенно не упоминая духовные практики. Призыв Рамакришны к «очищению сердца» добрыми делами как надежному пути к Богу многократно усиливается в работах Вивекананды, тем самым затмевая остальные пути. На основную причину этого справедливо указывает Р. Б. Рыбаков, считая, что Рамакришна был, прежде всего, религиозным деятелем, а Вивекананда — общественным [Рыбаков, 1981, с. 97]. Приоритет карма-йоги становится в работах Вивекананды центральным средством поднятия национального духа Индии, пробуждения активности колонизированного народа. Поэтому карма-йога ложится и в основу преобразования института санньясы, который тоже ставится на службу цели возрождения Индии.

Говоря о преобразовании Вивеканандой санньясы, Свами Атмарупананда называет среди основных нововведений мыслителя объединение санньясинов в форме организации, их функцию служения обществу и жизнь в общине [Atmarupananda, 2015, p. 207]. Атмарупананда опровергает идею того, что эти нововведения были заимствованы Вивеканандой на христианском Западе. Хотя влияние общения мыслителя с Западом на его реформаторскую деятельность отрицать не стоит, но Вивекананда мог воспринять мысль о значимости функции служения обществу еще из проповедей Рамакришны. Осознание необходимости служения родному народу, вероятно, произошло позднее, когда в ходе трехлетних странствий по Индии мыслитель изучил все стороны жизни индийского общества. Примечателен эпизод из его биографии, повествующий обо окончании этих странствий в 1892 г. в самой южной точке Индии — на мысе Канья-Кумари, где Вивекананда принял решение посвятить свою жизнь возрождению родины путем самоотверженного служения ее народу [Life, 1960, p. 252–255]. В годы его западных поездок

данное решение оформилось в идею служения людям организованным сообществом санньясинов, для которых оно обрело смысл духовной практики, ведущей к богопознанию.

Идея Вивекананды о наделении организации санньясинов обязательством служения обществу оказала большое влияние на индуистский институт санньясы. Как справедливо замечает Атмарупананда, на заре существования «Миссии Рамакришны» эта идея вызвала насмешки ортодоксов, а общество называло последователей Вивекананды «садху-уборщиками» (*sweeper sadhus*) за их работу по уходу за нуждающимися [Atmarupananda, 2015, p. 212], тогда как в наши дни большинство монашеских движений в Индии занимаются подобной деятельностью либо спонсируют ее. Введение функции служения обществу ясно показало дальновидность Вивекананды, поскольку стало частью более общей идеи расширения монашеских практик в Индии как реакции института санньясы на изменения в социальной и культурной жизни страны.

Заключение

Записи бесед Свами Вивекананды с его учениками и последователями демонстрируют идейные основания реформаторской деятельности мыслителя в отношении института санньясы. Считая основной целью санньясинов познание Бога, Вивекананда предпринимает попытку выделить и аргументировать наиболее приемлемый для этой цели путь. Если в своих известных выступлениях для широкой аудитории мыслитель говорит о равноценности видов йоги в качестве путей богопознания, то в его полемических диалогах с учениками выявляется то, какие из них философ считает приоритетными. Вивекананда отдает предпочтение джняна- и карма-йоге, считая бхакти-йогу длительным и неэффективным путем к познанию Брахмана. Не отрицая утверждаемое Священными Писаниями индуизма первенство джняна-йоги, мыслитель отстаивает значимость карма-йоги, в результате чего последняя приобретает у него ведущее значение среди остальных путей богопознания.

С идеей приоритетности карма-йоги в работах Вивекананды сочетается обесценивание им стремления к личному освобождению на фоне коллективного освобождения. Мыслитель связывает надежды на достижение всеобщего освобождения с институтом санньясы, который и сам нуждается в реформировании. Одним из основных преобразований становится вводимая им в созданном монастыре практика бескорыстного служения санньясинов малоимущему населению Индии. Обоснованием такой деятельности выступает убеждение Вивекананды в необходимости нравственной составляющей процесса богопознания. Бескорыстное служение индийскому народу становится содержанием карма-йоги как основной духовной практики санньясинов. Широкое распространение в современных индуистских монастырях благотворительной деятельности красноречиво говорит о дальновидности реформаторских идей Вивекананды.

Список литературы

1. *Бхагавадгита*. Пер. с санскр., исслед. и примеч. В. С. Семенцова. М.: Восточная литература, 1999. [*Bhagavadgita*. Transl. from Sanskrit, with research and notes by V. S. Sementsov. Moscow: Vostochnaya literature, 1999 (in Russian)].
2. Костюченко В. С. *Вивекананда*. М.: Мысль, 1977 [Kostjuchenko V. S. *Vivekananda*. Moscow: Mysl', 1977 (in Russian)].
3. Костюченко В. С. *Классическая веданта и неоведантизм*. М.: Мысль, 1983. [Kostjuchenko V. S. *Classical Vedanta and Neovedantism*. Moscow: Mysl', 1983 (in Russian)].
4. Мезенцева О. В. Проблема деятельности человека в учении Свами Вивекананды. *Ценностные ориентиры индийского общества*. Отв. ред. Л. Р. Полонская и др. М.: ИВ РАН, 2003. С. 123–150 [Mezentseva O. V. The Problem of Human Activity in the Teachings of Swami Vivekananda. *Axiomatic guidelines of Indian society*. Ed. by L. R. Polonskaya. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2003, pp. 123–150 (in Russian)].
5. *Провозвестие Рамакришны*. М.: Амрита-Русь, 2019 [*The Proclamation of Ramakrishna*. Moscow: Amrita-Rus', 2019 (in Russian)].
6. Радхакришнан С. *Индийская философия*. Т. 2. М.: МИФ, 1993. [Radhakrishnan S. *The Indian Philosophy*. Vol. 2. Moscow: MIF, 1993 (in Russian)].
7. Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Пер. с фр. А. А. Поляк, Э. Б. Шлосберг. В: *Философия йоги*. М.: Эксмо, 2007. С. 627–822. [Rollan R. The Life of Ramakrishna. In: *The Philosophy of Yoga*. Moscow: Eksmo, 2007, pp. 627–822 (in Russian)].
8. Рыбаков Р. Б. *Буржуазная реформация индуизма*. М.: Наука, 1981 [Rybakov R. B. *The Bourgeois Reformation of Hinduism*. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].
9. Скороходова Т. Г. Неоведантистская интерпретация индуизма в «Лекциях от Коломбо до Алморы» Свами Вивекананды. *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2020. № 2. С. 14–35 [Skorokhodova T. G. Neo-Vedantic Interpretation of Hinduism in “Lectures from Colombo to Almora” by Swami Vivekananda. *Studia Religiosa Rossica: Nauchni' Zhurnal o Religii (Studia Religiosa Rossica: The Science Journal About Religion)*. 2020. No. 2, pp. 14–35 (in Russian)].
10. Atmarupananda Swami. Swami Vivekananda's Ideas of Monasticism in the Global Perspective. *Understanding Vivekananda*. Calcutta: Ramakrishna Mission Institute of Culture. 2015, pp. 202–223.
11. Baier K. Swami Vivekananda. Reform Hinduism, Nationalism and Scientistic Yoga. *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*. 2019. No. 5, pp. 230–257.
12. Datta Bh. *Swami Vivekananda — Patriot-Prophet*. Calcutta: Nababharat Publishers, 1954.
13. Jhanji R. *The Philosophy of Vivekananda*. New Delhi: Aryan Books International, 2007.
14. Sil N. *Swami Vivekananda: A Reassessment*. Selinsgrove, Pennsylvania: Susquehanna University Press, 1997.

15. *The Life of Swami Vivekananda by his Eastern and Western Disciples*. Calcutta: Advaita ashrama, 1960.
16. Vivekananda Swami. *The Complete Works*. Vol. 1–8. Mayavati, Almora: Advaita Ashrama, 1947–1964.
17. Zaheer N. “Vivekananda’s Views on Christianity and Islam”. *Rahat-ul-Quloob Islamic Research Journal*. Vol. 1. Issue 1 (Jan.-Jun. 2017), pp. 1–21.

Информация об авторе

Жукова Любовь Евгеньевна — соискатель, выпускник аспирантуры Русской христианской гуманитарной академии (РХГА) им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия; zhukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7643>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.02.2026; одобрена рецензентами 27.02.2026; принята к публикации 11.03.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Lyubov E. Zhukowa — Graduate Student of Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia; zhukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7643>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 11.03.2026; published 20.06.2026.

PHILOSOPHY OF THE EAST
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА
Философская антропология, философия культуры

Научная статья

Философские науки

УДК 141.336:294.521

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-413-428>

**Магический квадрат 108: философия числа
в шиваизме**

Светлана Александровна Кройцер

Российский университет дружбы народов (РУДН им. Патриса Лумумбы),

г. Москва, Россия,

1032241721@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6096-8160>

Аннотация. В статье рассматривается уникальный культурно-философский феномен — магический квадрат 108, обнаруженный в храме Натараджи в Чидамбараме (Южная Индия). Исследование раскрывает взаимосвязь между числовой символикой, архитектурой и поэтической традицией шиваизма. Число 108 анализируется как универсальный код индийской духовности, объединяющий космологические, ритуальные и эстетические уровни. На основе сопоставления эпиграфических данных и философских источников автор реконструирует структуру и смысл магического квадрата как сакральной янтры, воплощающей идею единства макрокосма и микрокосма. Особое внимание уделено взаимодействию квадрата с поэтической композицией sakrabandha, в которой число, звук и форма образуют единое поле духовного созерцания. Композиция рассматривается в трех аспектах — ритуально-магическом, дидактическом и гностико-поэтическом, что позволяет интерпретировать ее как выразительный пример синтеза науки, искусства и религиозной философии в индийской культуре.

Ключевые слова: Чидамбарам, Шива Натараджа, шиваизм, число 108, магический квадрат, янтра, sakrabandha, сакральная геометрия, философия числа, индийская символика.

Для цитирования: Кройцер С. А. Магический квадрат 108: философия числа в шиваизме. *Ориенталистика*. 2026;9(2):413–428. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-413-428>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Кройцер С. А., 2026
© Orientalistica, 2026

The magic square 108: the philosophy of number in Shaivism

Svetlana A. Kreuzer

Institute of Social and Humanitarian Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, 1032241721@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6096-8160>

Abstract. The author explores the unique cultural and philosophical phenomenon of the magic square 108 discovered in the Nataraja Temple at Chidambaram (South India). The study reveals the interconnection between numerical symbolism, temple architecture, and the poetic tradition of Śaivism. The number 108 is analysed as a universal code of Indian spirituality, which comprises cosmological, ritual, and aesthetic dimensions. Based on epigraphic evidence and philosophical sources, the author reconstructs the structure and meaning of the magic square as a sacred yantra embodying the idea of unity between macrocosm and microcosm. Special attention is paid to its relationship with the poetic composition cakrabandha, in which a number, a sound, and a form merge into a single field of spiritual contemplation. The composition is interpreted through three interrelated aspects — ritual-magical, didactic, and gnoseo-poetical. They illustrate the synthesis of science, art, and religious philosophy characteristic of Indian culture.

Keywords: Chidambaram, Shiva Nataraja, Śaivism, number 108, magic square, yantra, cakrabandha, sacred geometry, philosophy of number, Indian symbolism

For citation: Kreuzer S. A. The magic square 108: the philosophy of number in Shaivism. *Orientalistica*. 2026;9(2):413–428. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-413-428>.

Введение

Индийская культура на протяжении тысячелетий выстраивала особое мироощущение, где космос, человек и священные тексты образуют единую систему взаимных отражений. В этой системе любое явление, от движения звезды до символов на храмовой стене, мыслится как проявление внутренней гармонии мироздания, воплощенной в числе [Торчинов, 1998]. Числа в индийской культуре играют роль не только количественных показателей, но и носителей глубинных символических значений. С древности они воспринимались как своего рода универсальный язык, через который выражаются космические законы и философские идеи [Радхакришнан, 1956]. Особенно это касается священных чисел, к числу которых принадлежит 108 — один из наиболее почитаемых и многозначных числовых символов индуизма.

В разных традициях индуизма число 108 встречается столь часто, что само по себе становится своеобразным культурным кодом: 108 упанишад,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

108 имен божеств, 108 зерен в молитвенных четках (*mālā*), 108 ступеней храмов, 108 позиций священного танца и т. д. [Вечерина, 2020]. Существует поверье, что любое действие, повторенное 108 раз, приобретает благословенный и заверченный характер. Эта универсальность не случайна: в основе сакральной арифметики лежит идея целостности бытия, выраженная языком чисел. Для индийского мышления числа служат мостом между эмпирическим и трансцендентным: они одновременно отражают природные циклы, астрономические данные и метафизические концепции. Особое значение число 108 приобретает в шиваизме — одном из крупнейших направлений индуизма. Именно в шиваитском контексте оно предстает не просто абстрактной цифрой, а целым философским принципом, выражающим устройство космоса и ритм божественного танца.

Так, согласно храмовой традиции южноиндийского шиваизма, Шива в своей ипостаси Натараджи (космического танцора) исполняет *ānanda-tāṇḍava* — танец радости, включающий 108 ключевых позиций и движений (*kāraṇa*) [Shankar, 2004; Karanas..., 2023]. Каждое из этих движений — не просто элемент хореографии, но и символ космической функции, одного из пяти божественных актов Шивы (*pañcakṛtya*) — творения, поддержания, разрушения, сокрытия и дарования благодати. Не случайно все скульптурные изображения на четырех гопурах (надвратных башнях) храма Натараджи в Чидамбараме представляют собой именно 108 позиций танца, составляющих непрерывный ряд [Karanas..., 2023; The Thillai..., 2024]. Шиваитская традиция превратила храм в чувственно воспринимаемую модель мироздания, где каждая деталь — от архитектурного плана до числа ступеней и количества колонн — имеет скрытый сакральный смысл.

Рис. 1. Śivagaṅgāi-tīrtha. Фото автора, сентябрь 2024

Исследовательница О. П. Вечерина, посвятившая отдельный труд символике храма «Танцующего Шивы», подчеркивает, что Чидамбарам представляет собой сложнейшую многоуровневую систему — «гигантскую трехмерную мандалу шиваитского макрокосма», где эзотерическое знание о мире, существующем по милости Шивы, зашифровано в структуре и декоре святилища [Вечерина, 2018]. Иначе говоря, философия шиваизма буквально «встроена» в пространство храма, становясь частью его формы.

Число 108 в философии шиваизма и сакральной геометрии

Шиваизм, как и индийская философия в целом, обладает богатой традицией интерпретации чисел и геометрических форм в мистико-символическом ключе. Сакральные диаграммы — мандалы и янтры — рассматриваются здесь в качестве карты космоса и сознания, своего рода концентраторов духовной энергии. Yantra буквально означает «инструмент, устройство» и подразумевает геометрический символ, служащий инструментом концентрации и созерцания. В шиваитской (особенно тантрической) практике янтры ассоциируются с божественными аспектами: например, известны Śrī-yantra, Kālī-yantra, Gaṇeśa-yantra и т. д., каждая из которых представляет сложный узор, в котором каждое число или линия наполнены теологическим смыслом [Филиппов, 2015]. Как отмечал крупный индийский философ С. Радхакришнан, для индийского ума характерно «мыслить образами», перенося отвлеченные идеи на конкретные символы — фигуры, звуки, числа. Числовые конструкции здесь — не исключение; напротив, они позволяют выразить гармонию мироздания языком строгой логики, понятным посвященным [Радхакришнан].

Среди всех числовых символов в шиваизме число 108 стоит особо. Выше уже упоминалось его космологическое истолкование (9 планет¹ × 12 знаков зодиака) и связь с танцем Натараджи (108 позиций). Добавим к этому, что в храме Чидамбарам данное число проявлено и в архитектуре: так, свод одной из молелен опирается на 64 балки (символ 64 искусств), на крыше лежит 21 600 черепиц, что в храмовой символике соотносится с условным числом дыхательных циклов человека в сутки; 72 000 гвоздей, в свою очередь, соотносятся с числом nāḍī² в йогической традиции. Все вместе эти числа образуют в храме многоступенчатую систему соответствий, интегрируя макрокосмические ритмы (движения планет, смены времен суток, человеческий цикл дыхания) с микрокосмом сакрального пространства. Число 108, присутствуя на ключевых уровнях (хореография танца, декор, ритуаль-

¹ Здесь имеются в виду navagraha: Sūrya, Candra, Maṅgala, Budha, Brhaspati (Guru), Śukra, Śani, Rāhu и Ketu; при этом Rāhu и Ketu являются лунными узлами, а не планетами в современном астрономическом смысле.

² Nāḍī (санскр. nāḍī — «канал», «трубка») — термин йогической и тантрической антропологии, обозначающий каналы циркуляции праны; согласно классическим текстам (например, Haṭhayogapradīpikā, Śivasamhitā), их число символически определяется как 72 000.

ная атрибутика), тем самым выступает своего рода «узлом», стягивающим воедино различные аспекты шиваитской символики.

Магический квадрат 108, являющийся главным объектом данного исследования, можно рассматривать как конкретное воплощение философии числа 108 (рис. 2).

Рис. 2. Расположение пилона у священного водоема Śivagaṅgāi-tīrtha с магическим квадратом 108 (общий вид). Полевые съемки автора, сентябрь 2024; Google Earth

Магический квадрат в классическом понимании — это матрица размером $n \times n$, заполненная числами, сумма которых по каждой строке, столбцу и диагонали одинакова. Такие квадраты были известны многим культурам, начиная, как считается, с Древнего Китая (легендарный Ло шу, 3×3 , с суммой 15) [Магические квадраты..., 2020]. Постепенно магические квадраты приобрели мистическое значение: в древнекитайской традиции, например, квадрат 3×3 связывали с циклами Луны (15 дней от новолуния до полнолуния), а центр квадрата (число 5) — с императором и полярной звездой. В арабско-персидской средневековой магии квадраты (в том числе с буквенными обозначениями) применялись как талисманы и устройства для гадания. Индия также с древности была знакома с концепцией магических квадратов. Согласно поздней, и во многом легендарной традиции, с именем Nāgārjuna связывался трактат Kakṣarūṭa, в котором, как полагают, описывались маги́ко-алхимические и прикладные числовые конструкции. Позднее магические квадраты проникли и в письменную традицию — их можно встретить в астрологических текстах, медицинских сборниках и прикладных руководствах. Например, в Аюрведе упоминается так называемый квадрат Вринды — 3×3 матрица, рекомендуемая для облегчения родов.

Важным является и то, что магические квадраты ассоциировались с определенными божествами, «число» которых задавало магическую сумму. Так, ранние образцы 3×3 с суммой 15 связывались с почитанием Sūrya (Солнца) или Mṛgaṇa (в южноиндийской традиции), поскольку $1+5$ давали 6 — «число» этих богов. Впоследствии в индуистской тантре сформировалась целая система янтр для navagraha — девяти планет: каждой планете соответствует квадрат определенного порядка и суммы. Sūrya-yantra часто изображается как квадрат 6×6 с магической суммой 111, а Śani-yantra (Сатурн) — как квадрат 3×3 с суммой 15, подобный Ло шу. Важная черта индийских квадратов — их непосредственная привязка к культу: такие янтры рисовали на металлических пластинах или на земле, устанавливая под статуями богов или у входа в храм, веря, что гармоничная числовая сетка привлекает благоприятные энергии и отражает злые силы. Магический квадрат 108 вписывается в эту традицию: его магическая сумма равна священному числу Шивы, а следовательно, сам квадрат мог восприниматься как Śiva-yantra — графический эквивалент присутствия божества.

Отметим, что квадрат 108, высеченный в Чидамбараме, обладает максимальной степенью симметрии среди всех типов магических квадратов. Речь идет о так называемом совершенном (пандиагональном) магическом квадрате, у которого сохраняется инвариантность суммы не только по основным диагоналям, но и по всем ломаным диагоналям, выходящим за границы квадрата и продолжающимся с противоположной стороны (что эквивалентно сворачиванию плоскости в тор). Такая форма магического квадрата встречается сравнительно редко и свидетельствует о большом мастерстве составителя. Для сравнения, магический квадрат 4×4 с суммой 34, высеченный на стене храма Pārśvanātha в Кхаджурахо, представляет собой редкий пример включения комбинаторной числовой структуры в архитектурный декор. В научной литературе данный тип квадрата рассматривается, прежде всего, как универсальная математическая форма [Andrews 1917], не обладающая закрепленной специфической символикой в рамках индийской религиозной традиции. Вместе с тем сам принцип магического квадрата — равенство сумм по различным направлениям — может интерпретироваться как выражение идеи упорядоченности и гармонизации, что соответствует более широким представлениям индийской культуры о соотносительности космического и пространственного порядка. Рассматриваемый же квадрат 108 существенно сложнее, и его скрытые математические свойства будут разобраны ниже. Здесь же важно подчеркнуть, что в индийской культуре сочетание строгой геометрии (магический квадрат) и богословской символики (сакральное число, планетарные соответствия) — явление вполне закономерное. Оно отражает характерную для индийской философии черту: стремление выразить духовное через материальное, вложить метафизику в структуру материального объекта. Как писал Р. Паниккар, индийское мировосприятие носит космоантропический характер, то есть видит неразрывную связь между Космосом, Богом и человеком; и эта связь часто выражается через символы, общие для всех трех уровней — такие, как число [Panikkar, 1993].

Sakrabandha как поэтическая янтра и философия формы

Прежде чем перейти к анализу квадрата 108 из Чидамбарам необходимо рассмотреть соседние элементы, с которыми этот артефакт находится в прямом взаимодействии. Напротив магического квадрата 108 расположены две диаграммы с тамильскими слогами, одна диаграмма прямая, а другая перевернутая. Обе являются формой sakrabandha (санскр. sakrabandha — «связывание в круг»). Sakrabandha представляет собой вид фигурной поэзии (citrakāvya), развивавшийся в рамках индийского «искусства фигурного стиха». Эта традиция предполагает организацию текста в виде заданных геометрических структур — круга, квадрата, колеса или формы храма. В подобных композициях слово становится не только носителем смысла, но и инструментом визуальной медитации.

Поэтика sakrabandha основана на многомерности чтения: текст допускает движение по часовой стрелке и против, от центра к периферии и обратно, создавая эффект вербальной мандалы. За внешней изощренностью формы скрывается принцип сакральной организации слова: идея заключена в телесную форму, подобно тому, как божественное воплощается в материю мира. Таким образом, sakrabandha является не просто поэтическим экспериментом, а способом сакрализации языка — своеобразным графическим талисманом, где структура и смысл неразделимы. Эта традиция имеет глубокие параллели с тантрической практикой, где буквы, числа и звуки вписываются в симметричные диаграммы — янтры. Mātrkā-yantra как концентрическая круговая композиция, которая делится на радиальные сектора и содержит буквы санскритского алфавита, воплощает ту же идею: геометрия становитсяместилищем звука, а звук — проявлением космического порядка. В этом контексте sakrabandha может рассматриваться как поэтический аналог янтры, где каждая буква занимает строго определенное место, а текст, организованный по законам симметрии, образует концентрацию духовной энергии.

Тамильская литературная традиция также развила формы визуально-комбинаторной поэзии. Древняя система uṛru предусматривала сложные стиховые структуры, схожие с санскритскими. Особое распространение получила практика симметричных текстов и палиндромов, где направление чтения символизировало круговращение истины. В эпоху бхакти такие тексты воспринимались не как литературные упражнения, а как средство духовной дисциплины. Составление и интерпретация подобных мандал служили формой внутреннего постижения, развивая nūṇṇaṇṇu — тонкое понимание различных уровней бытия. Эта категория объединяла несколько аспектов восприятия: языковое (moḷi nūṇṇaṇṇu) — умение распознавать скрытые связи в тексте; математическое (kaṇṇiṭa nūṇṇaṇṇu) — ощущение числовых закономерностей; пространственное (tiṇṇaṇṇu nūṇṇaṇṇu) — способность воспринимать симметрию и форму; музыкальное (isai nūṇṇaṇṇu) — чувствительность к ритму; духовное (camūka nūṇṇaṇṇu) — осознание единства общины и мироздания. Sakrabandha, соединяя слово, число и ритм, выступала универсальным инструментом развития этого целостного интеллекта.

Магический квадрат 108: реконструкция и анализ

Храм Натараджи в Чидамбараме, расположенный в штате Тамилнад, является одним из центров шиваизма, посвященным Шиве как космическому танцору. Архитектура и символика храма выражают идею эфира (*ākāśa*) — первостихии, воплощающей звучание и пространство. Внутри этого комплекса на одной из колонн обнаружен уникальный артефакт — магический квадрат с числовой константой 108, расположенный напротив поэтической *sakrabandha*. Такое соседство указывает на их смысловое и функциональное единство (рис. 3, 4).

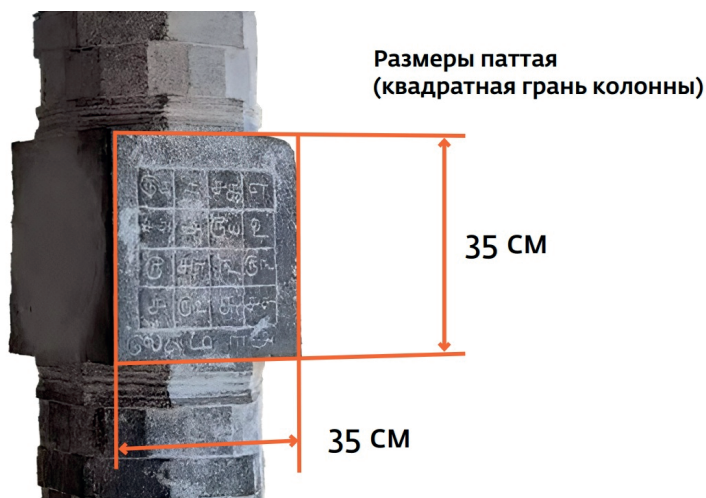

Рис. 3. Магический квадрат 108 (оригинальная резьба; $\approx 28 \times 28$ см) на квадратной грани колонны (35×35 см). Фото и замеры сделаны автором

Рис. 4. Эпиграфическая реконструкция: контурное усиление и инверсия изображения квадрата (авторская обработка)

Проведенный автором комплекс исследований позволяет утверждать, что на основе эпиграфических особенностей резьба датируется концом XVIII — началом XIX в., хотя сам стиль исполнения сохраняет формы более ранней традиции (рис. 5). В квадрате используются только цифры от 1 до 8, без 0 и 9, что соответствует нумерологическому принципу сакрального числа 108 ($1 + 0 + 8 = 9$).

ருக	க	சக	எ	51	1	49	7
சஅ	அ	ருய	உ	48	8	50	2
ரு	சஎ	ங	ருங	5	47	3	53
ச	ருஉ	கா	சகா	4	52	6	46
லேகம் மா				Lēkam 108			

Рис. 5. Перевод надписи и чисел в современную запись (Unicode): сетка значений квадрата 108. Авторская реконструкция (Unicode-таблица)

Отсутствие девятки интерпретируется как намеренное «удержание завершенности», сохранение энергии внутри числа. Симметрия квадрата демонстрирует высокую степень структурной упорядоченности. Сумма чисел в каждом ряду, столбце и диагонали равна 108, а пандиагональное свойство обеспечивает сохранение этой суммы и при циклических сдвигах. Внутри сетки выявлены десятки комбинаций, где различные группы чисел — от четырех до восьми — формируют замкнутые симметричные контуры. Эти структуры можно интерпретировать как числовые мандалы, где математический порядок становится видимым выражением внутренней гармонии.

Математический анализ показывает, что внутри квадрата можно выделить 72 уникальные комбинации чисел, сумма которых также составляет 108. Эти комбинации образуют различные симметричные фигуры — кресты, ромбы, круговые схемы, которые можно рассматривать как геометрические выражения ритма (рис. 6).

Подобная множественность решений при сохранении общей константы свидетельствует о глубокой внутренней упорядоченности: структура допускает бесконечные вариации при неизменном результате. Это свойство можно интерпретировать как числовое воплощение философского принципа единства в многообразии — того, что множественные формы мира удерживаются в равновесии благодаря одной всеобъемлющей причине.

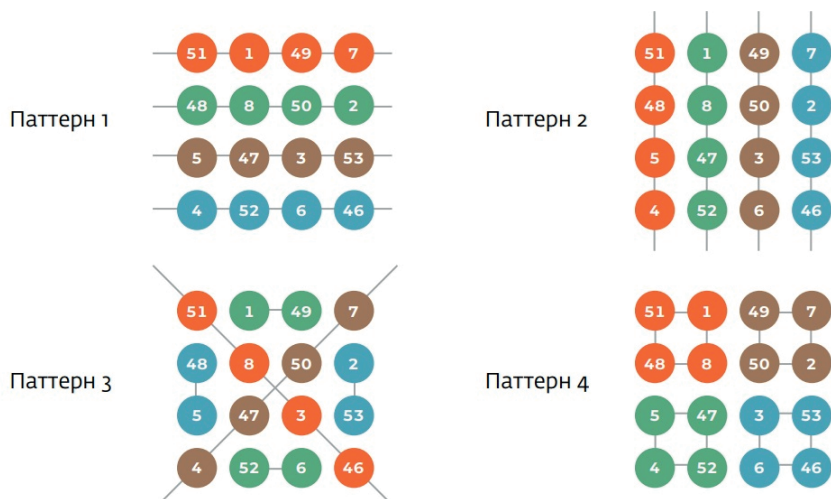

Рис. 6. Примеры симметричных комбинаций, дающих сумму 108 (Паттерны 1–4).
Рассчитано автором (иллюстративная выборка из серии паттернов)

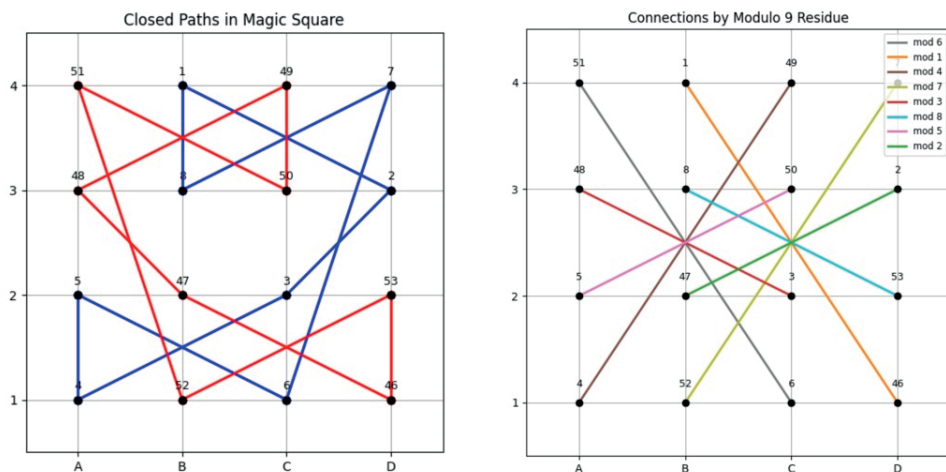

Рис. 7. Графическое изображение связей: замкнутые пути и остаточные классы по модулю 9 внутри квадрата. Python-скрипт автора (графическая визуализация)

Рассмотрение распределения чисел по модулю девять выявляет дополнительный уровень симметрии (рис. 7).

Все числа можно разбить на группы с одинаковым цифровым корнем — от 1 до 8. Эти числовые комбинации, в свою очередь, образуют внутри квадрата устойчивые ансамбли, расположенные в виде скрытых контуров.

Сумма каждой такой группы также сводится к девятке, что подчеркивает идею замкнутого цикла. В философском смысле эта структура отражает принцип непрерывного возвращения: любое действие, любое число возвращается к своей изначальной точке, не нарушая целостности системы. Если рассматривать квадрат как абстрактную модель, его можно представить в виде многомерного графика. Каждая клетка при этом становится вершиной, а ребра соединяют те пары чисел, сумма которых равна 108. В результате возникает сложная сеть взаимосвязей, топологически напоминающая четырехмерный куб, иными словами — гиперкуб, или тессеракт. В такой интерпретации магический квадрат предстает не как двумерная таблица, а как проекция более высокой структуры, в которой все элементы связаны множеством симметричных отношений.

Гиперкубовая модель позволяет увидеть скрытую геометрию квадрата 108 (рис. 8). В трехмерной проекции эта структура выглядит как куб внутри куба, соединенный диагональными ребрами. Внутренний куб символизирует центр, точку покоя, а внешний — периферию проявленного мира. Связи между ними выражают соотношение движения и неподвижности, активности и созерцания, материального и духовного. Такая многомерная интерпретация согласуется с индийским представлением об ākāśa, пространстве как тонкой субстанции, соединяющей все уровни бытия. Квадрат, будучи проекцией гиперкуба, становится символом пространственного и числового единства, в котором каждая часть содержит целое.

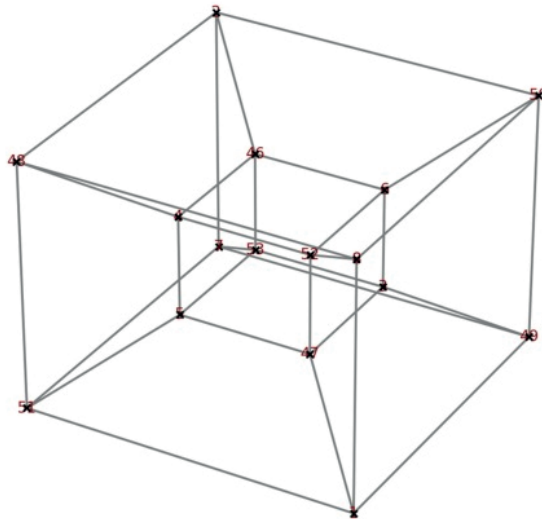

Рис. 8. Трехмерная проекция «куб в кубе» (гиперкубовая интерпретация структуры квадрата 108). Python-скрипт автора (3D-визуализация)

Если же посмотреть на квадрат 108 с точки зрения символического значения числа, то перед нами открывается своеобразный ключ к мирозданию. В индийской нумерологии это число выражает взаимосвязь трех сфер: духовной (1), материальной (0) и бесконечной (8 как знак *ananta* — змея вечности). Их сумма дает 9 — число, означающее завершенность, финал и начало нового цикла. Иными словами, структура квадрата отражает метафизическую формулу: единое (1) проявляется через пустоту (0) и разворачивается в бесконечность (8).

Особое значение приобретает взаимодействие квадрата с поэтической мандалой. Сопоставление числовых последовательностей с ритмической структурой *sakrabandha* выявляет прямое соответствие между числовым рисунком и метрической схемой классического тамильского размера *veṇṇā*. В условной интерпретации однозначные числа соответствуют легким слогам (*laghu*), а двузначные — тяжелым (*guru*). Получающаяся последовательность точно воспроизводит традиционный метрический рисунок, что указывает на взаимосвязь числового и звукового ритма. Кроме того, стоит подчеркнуть, что определенные комбинации чисел при сопоставлении со слогами поэтического текста образуют осмысленные фразы, посвященные Шиве как Натарадже (рис. 9).

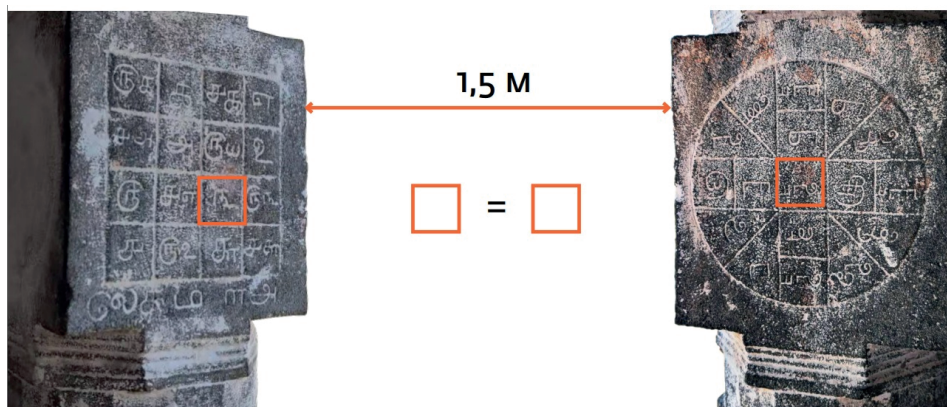

Рис. 9. Соседняя диаграмма Nāṅkārai Cakkarapantam на той же колонне. Фото автора

Эти фразы сохраняют грамматическую и поэтическую целостность, подтверждая, что квадрат мог восприниматься как числовой эквивалент мантры. Иными словами, *sakrabandha* и квадрат 108 оказываются взаимно преобразуемыми структурами — звук переходит в число, а число возвращается в звук. Сочетание этих двух элементов создает уникальную форму сакрального синтеза. *Sakrabandha* воплощает динамику звука, а квадрат — стабильность числового закона; их соединение образует двуединую янтру, выражающую идею нераздельности звука (*śabda*) и смысла (*artha*) (рис. 10). Этот синтез отражает основополагающий принцип шиваизма: единство сознания

и формы, в котором движение и порядок являются аспектами одной божественной реальности.

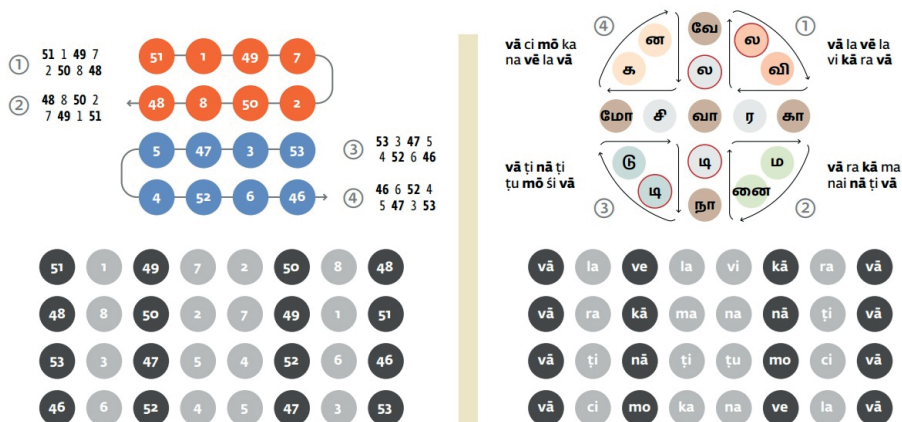

Рис. 10. Компаративная таблица: соответствия числового рисунка квадрата и метрической/слоговой структуры sakrabandha (пример “vā la ve la...”). Авторская реконструкция по Tamil Lexicon

Создание композиции, объединяющей sakrabandha и магический квадрат, также следует рассматривать в контексте трех взаимосвязанных функций: ритуально-магической, дидактической и гностико-поэтической.

1. Ритуально-магическая функция.

В культовой архитектуре индуизма магические квадраты выполняют роль янтр, концентрирующих и направляющих духовную энергию. Расположение квадрата у священного водоема усиливает его значение как охранного символа: вода в храмах ассоциируется с живым присутствием божественной силы. Сакральное число 108 традиционно связывается с циклами мантрических повторений, медитацией и идеей завершенности. Таким образом, квадрат можно рассматривать как каменную мантру — геометрическое выражение звукового молитвенного цикла. Его функция заключалась в сохранении энергетического равновесия пространства и защите храма.

2. Дидактическая функция.

Композиция сочетает поэзию и математику, звук и геометрию, превращаясь в инструмент духовного и интеллектуального воспитания. В традиции шиваизма обучение подразумевало не только усвоение текстов, но и постижение гармонии как универсального принципа. Разгадывание числовых комбинаций, чтение sakrabandha и поиск скрытых закономерностей развивали у учеников способность воспринимать целостность мира через аналогии — между числом и словом, формой и ритмом. Такой подход близок к понятию *nirṇaṇḍu*, где интеллектуальное и интуитивное знание

сливаются. В этом смысле квадрат 108 можно рассматривать как учебную модель, демонстрирующую, как божественный порядок проявляется в человеческом творчестве.

3. Гностико-поэтическая функция.

В тантрическом мировоззрении творение рассматривается как *līlā* — священная игра, в которой божественное самовыражается через множественность форм. *Sakrabandha* и магический квадрат воплощают этот принцип в материале языка и числа. Оба они предполагают множественность интерпретаций, сохраняют устойчивость при изменении порядка элементов и тем самым моделируют структуру бытия, где изменчивость не нарушает гармонии. Их совместное присутствие в храме можно понимать как форму интеллектуального ритуала, направленного на медитативное осмысление принципа единства в многообразии.

Заключение

Таким образом, храмовый комплекс в Чидамбараме представляет собой редкий пример синтеза поэтической и математической символики. *Sakrabandha* и квадрат 108 — это не орнаментальные детали, а носители философского содержания. Они воплощают основную идею шиваизма — тождество макрокосма и микрокосма, где звук, форма и число выступают разными аспектами одной истины. Композиция объединяет эстетическую, познавательную и ритуальную функции, формируя целостную модель сакрального мышления. В ней видимое и невидимое, слово и структура, игра и знание становятся взаимодополняющими проявлениями духовной реальности. В этом смысле квадрат 108 — не только объект исследования, но и философская формула, застывшая в камне: выражение того, как индийская культура превращает число в средство постижения бытия.

Исследование магического квадрата 108 из храма Натараджи в Чидамбараме позволяет сделать ряд выводов, касающихся философии числа и ее воплощения в шиваизме. Во-первых, само присутствие этого объекта в храме подтверждает идею о том, что для индийской традиции характерен синтез различных способов осмысления мира — религиозного, художественного, математического. Число 108 выступает здесь связующим звеном между космологией и архитектурой, между танцем и астрологией, между поэзией и арифметикой. Магический квадрат с сакральной суммой 108 оказался в центре своеобразной «множественной мандалы», объединяющей число, геометрию, слово и ритуал. Во-вторых, детальный анализ квадрата обнаружил в нем высокую степень структурной организации: пан-диагональная симметрия, множество скрытых сочетаний, повторяющиеся паттерны — все это указывает, что квадрат создан не случайно, а по строгим правилам, возможно, передававшимся внутри храмового сообщества. Параллели с более ранними примерами (квадратом из Кхаджурахо) намекают на существование непрерывной традиции сакральной математики в Индии. В-третьих, взаимодействие числовой янтры и поэтической *sakrabandha* наглядно продемонстрировала идею, что различия между «наукой» и «искусством» весьма условны в рамках индийской культуры. Если известная брон-

зовая статуэтка Шивы Натараджи передает его космический танец в образах движения и огня, то наш каменный квадрат передает тот же танец языком чисел и звуков. И там, и там — скрыт сакральный ритм, творящий мир.

Список литературы / References

1. Вечерина О. П. «Дом танцующего Шивы»: роль храма Натараджи в Чидамбараме в формировании идеологии и изобразительного канона шайва-бхакти // Индийская культура и философия. М.: ИВ РАН, 2018. С. 112–130 [Vecherina O. P. “The House of the Dancing Shiva”: The Role of the Nataraja Temple in Chidambaram in Shaping the Ideology and Iconographic Canon of Shaiva Bhakti. *Indian Culture and Philosophy*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018, pp. 112–130 (in Russian)].
2. Вечерина О. П. Роль и смысл панчакшары в тамильской шайва-сиддханте [Vecherina O. P. The Role and Significance of the Panchakshara in Tamil Shaiva Siddhanta (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: https://www.hse.ru/data/2020/10/02/1368998077/Vecherina%200_Aliter_13.pdf (дата обращения: 13.10.2025).
3. Магические квадраты Ло Шу и Кхаджурахо. *Элементы. Наука для всех*. 2020 [The Lo Shu and Khajuraho Magic Squares: *Elements. Science for All*. 2020 (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/436624/Magicheskie_kvadratyy_Lo_Shu_i_Kkhadzhurakho (дата обращения: 20.09.2025).
4. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. I. Пер. с англ., 1956 [Radhakrishnan S. *Indian Philosophy*. Vol. I. Transl. from the English, 1956 (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: <https://abhidharma.ru/A/loga/Cadxy/Razn/Radhakrishnan/0001.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).
5. Торчинов Е. А. *Религии мира: опыт запредельного. Введение в буддологию и индуистику*. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998 [Torchinov E. A. *Religions of the World: The Experience of the Transcendent. An Introduction to Buddhist and Hindu Studies*. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 1998 (in Russian)].
6. Филиппов А. Б. Роль индуизма в общественно-политической жизни Индии. *Политические исследования*. 2015. № 3 [Filippov A. B. The Role of Hinduism in the Socio-Political Life of India. *Political Studies*. 2015. No. 3 (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-induizma-v-obshchestvenno-politicheskoy-zhizni-indii> (дата обращения: 11.09.2025).
7. Karanas at the Chidambaram Nataraja Temple. *Pranav Journal of Fine Arts*, 2023. — Electronic resource: URL: <https://pranavjournals.com/finearts/wp-content/uploads/39-KARANAS-AT-THE-CHIDAMBARAM-NATARAJA-TEMPLE.pdf> (accessed: 13.08.2025).
8. Panikkar R. *The Cosmotheandric Experience: Emerging Religious Consciousness*. Maryknoll, New York: Orbis Books, 1993. — Electronic resource: URL: <https://www.raimon-panikkar.org/english/gloss-cosmotheandric.html> (accessed: 16.08.2025).

9. Shankar B. S. Dance Imagery in South Indian Temples: Study of the 108 Karana Sculptures. Ohio State University, 2004. — Electronic resource: URL: https://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=osu1079459926 (accessed: 13.10.2025).
10. The Thillai Nataraja Temple — A Symbol of Artistic and Spiritual Expression. *International Journal of Futuristic Research and Modern Resonance (IJFMR)*, 2024. — Electronic resource: URL: <https://www.ijfmr.com/papers/2025/3/44442.pdf> (accessed: 06.10.2025).

Информация об авторе

Кройцер Светлана Александровна — магистрант программы «Философия Индии в контексте религии и культуры», кафедра философии религии и религиоведения института социальных и гуманитарных наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия; 1032241721@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6096-8160>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена рецензентами 05.04.2026; принята к публикации 25.04.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Svetlana A. Kreuzer — Master's student of the program "Philosophy of India in the Context of Religion and Culture", Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; 1032241721@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6096-8160>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 05.04.2026; accepted for publication 25.04.2026; published 20.06.2026.

Orientalistica

Peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief — *Alikber K. Alikberov*, Dr. Sci. (Hist.).
Deputy Editor-in-Chief — *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist).

Editors of “Historical sciences” section:
Nikolay I. Serikoff, PhD (Hist), *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist),

Editors of “Philosophy of the East” section:
Tawfik Ibrahim, Dr. Sci. (Philos.), Prof., *Artem I. Kobzev*, Dr. Sci. (Philos.), Prof., ,
Tatiana A. Ofertene

Editors “Languages and Literature of the East” section:
Natalia I. Prigarina, Dr. Sci. (Philol.), Prof., *Ludmila A. Vasilyeva*, PhD. (Philol.),
Lilia R. Frangulyan, PhD (Philol.).

Scientific editors:
Natalia I. Prigarina, *Nikolaj I. Serikoff*, *Evgenia Smagina*,
Tatiana A. Ofertene, *Tatiana M. Mastugina*.

Editors-translators:
Nikolaj I. Serikoff (Eng.), *Tawfik Ibrahim* (Arab.), *Dmitry V. Mikulsky* (Arab.),
Natalia I. Prigarina (Pers.), *Ludmila A. Vasilyeva* (Urdu), *Apollinaria S. Avrutina* (Turk.),
Galina S. Popova (Chinese), *Surun-Khanda D. Syrtypova* (Mongol.).

Responsible Secretary — *Ilona A. Chmylevskaya*.
Computer layout — *Nadejda A. Kildisheva*.

Languages in which articles in the journal can be printed:
Russian, English, German, French.

Signed in the press on June 30, 2026. Format 70×100/16.
Conventionally printed sheets 19,5. Circulation 50 copies (the first factory 25 copies).
Order No. The price is free.
Website: www.orientalistica.com, www.orientalistica.su
The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia. Website: www.ivran.ru
Printed in Joint stock company Amirit LLC
in accordance with the materials provided. 410004, Russia, Saratov, Chernyshevsky st., 88.
Tel.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Website: <http://amirit.ru>

Ориенталистика

Научный рецензируемый журнал

Главный редактор — *А. К. Аликберов*, д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора — *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «История Востока»:

Н. И. Сериков, канд. ист. наук, *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «Философия Востока»:

Т. Ибрагим, д-р филос. наук, проф., *А. И. Кобзев*, д-р филос. наук, проф., *Т.А. Офертене*

Редакторы раздела «Филология Востока»:

Н. И. Пригарина, д-р филол. наук, проф., *Л. А. Васильева*, канд. филол. наук,

Л. Р. Франгулян, канд. филол. наук.

Научные редакторы:

Н. И. Пригарина, *Н. И. Сериков*, *Е. Б. Смагина*, *Т. А. Офертене*, *Т. М. Мастюгина*

Редакторы-переводчики:

Н. И. Сериков (англ. яз.), *Т. Ибрагим*, *Д. В. Микульский* (араб. яз.), *Г. С. Попова* (кит. яз.),

С.-Х. Д. Сыртыпова (монг. яз.), *Н. И. Пригарина* (перс. яз.), *Л. А. Васильева* (урду),

А. С. Аврутина (тур. яз.).

Ответственный секретарь — *И. А. Чмилевская*

Верстальщик — *Н. А. Кильдишева*.

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнал:
русский, английский, немецкий, французский.

Подписано в печать 20.06.2026. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 50 экз. (1-й завод: 1–25). Заказ №

Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.

Веб-сайт: www.orientalistica.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения
Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivgan.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ООО «Амирит»,
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.5. Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>